



ВЛАДИМИР ЛОГИНОВ

MABON GTAINE

Откровения главного телохранителя Вождя

ВЛАДИМИР ЛОГИНОВ

ЖИВОЙ СТАЛИН

Откровения главного телохранителя Вождя

> ЭКСМО MOCKBA 2010

«АЛГОРИТМ»

Логинов В. М.

Л 69 Живой Сталин. Откровения главного телохранителя Вождя / Владимир Логинов. — М.: Эксмо: Алгоритм-Издат, 2010. — 224 с. — (Загадка 1937 года).

ISBN 978-5-699-46018-2

В книге известного историка В.М. Логинова собран уникальный материал И.В. Сталине – таким, каким видел вождя его главный телохранитель Н.С. Власик.

Основу книги составляют документы, еще совсем недавно лежавшие под грифом «Секретно». К ним прежде всего нужно отнести «Записки» Власика, занимавшего с 1927 по 1952 г. пост начальника Главного управления кремлевской охраны. Кроме того, своими воспоминаниями о И.В. Сталине и Н.С. Власике делятся сотрудники правительственной охраны Г.А. Эгнаташвили и П.М. Русишвили. Они показывают жизнь Кремля в 1930–1940-е гг. как бы «изнутри», рисуют обстановку, которая сложилась тогда в нашей стране.

В приложении книги публикуются малоизвестные письма Сталина и официальные документы той поры.

УДК 323 ББК 63.3

О ЛОГИНОВ В. М., 2010
 О ООО «Алгоритм-Издат», 2010
 О Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не будет большим преувеличением сказать, что интерес в российском обществе к личности И. В. Сталина, его революционной и государственной деятельности за последние годы заметно возрос. Выходят в свет новые научные и «популярные» (хотя далеко не всегда объективные) издания, освещающие различные стороны великой эпохи Сталина и пользующиеся большим спросом у современного читателя. Этот процесс закономерен и напоминает действие бумеранга: огульное отрицание и замалчивание истины обернулось по прошествии времени острым желанием людей обрести ее, отвергнув усиленно навязываемую «официальную» — либеральную точку зрения на нашу историю.

В нынешние годы безвременья и унылого политического «безрыбья» на смену недавнему заказному развенчанию советского прошлого и лидеров социалистической державы приходит объективное осмысление событий тех сложных и героических десятилетий в истории нашей Родины. Оценивая прошлое, сопоставляя его с днем сегодняшним, люди невольно задаются вопросом: кем был этот загадочный, суровый политик Сталин — жестоким тираном, творцом «тоталитарной» системы, как внушают нам сейчас, или великим Вождем русской, советской нации, создателем коммунистической сверхдержавы, мобилизовавшим народ на борьбу с внутренней контрреволюцией и гитлеровской агрессией?

Люди хотят понять, какой это был человек, каковы были его отношения с окружающими, каким он был на работе и в обыденной жизни, — благо сегодня есть с кем и с чем сравнивать. Поэтому каждый новый штрих к портрету Сталина и его эпохе особенно ценен не только для профессионального историка, но и для рядового читателя, желающего разобраться в хитросплетениях взаимоотношений людей и событий того времени, найти ответы на непростые вопросы недавнего прошлого, порой скрытого пеленой тайн и загадок.

Пролить свет на некоторые «темные» страницы советской истории 1940—1950 годов помогает интересный документальный источник — записки начальника личной охраны Сталина, генерал-лейтенанта Н. С. Власика.

Николай Сидорович Власик родился 22 мая 1896 года в белорусской деревне Бобыничи. С тринадцати лет работал на стройке, затем на бумажной фабрике. В Первую мировую призван на военную службу. За проявленную храбрость был награжден Георгиевским крестом I степени. После ранения в 1916 году Власик направляется в Москву в 25-й запасной полк — в чине унтер-офицера, командиром взвода. В дни Февральской революции молодой офицер присоединяет свой полк к восставшим без единого выстрела. С октября 1917 года Власик работает в органах только что созданной советской милиции. В 1918 году в составе 393-го Рогожско-Симоновского полка его направляют на Южный фронт, в 10-ю армию, обороняющую Царицын. После ранения и последующего лечения в московском госпитале Власик получает назначение в 1-й Советский пехотный полк. В том же году вступает в ряды РКП(б). Следующий, 1919 годобозначил новый поворот в биографии Николая Сидоровича: по мобилизации партии его направляют на работу в Особый отдел ВЧК, в распоряжение Ф. Э. Дзержинского, где молодой чекист принимает активное участие в операциях по ликвидации контрреволюционного подполья в СССР (в частности, кадетского), выполняет ответственные поручения руководителей советской контрразведки.

В 1927 году происходит событие, на долгие годы определившее судьбу Н. С. Власика: после знаменитого взрыва в здании комендатуры на Лубянке ему поручают организацию охраны Особого отдела ОГПУ, Кремля, членов советского правительства и личной охраны И. В. Сталина. С этого времени жизнь и работа Власика теснейшим образом связана с личностью Сталина, его деятельностью, бытом, особенностями характера. За почти четвертьвековое пребывание на различных должностях, связанных с обеспечением охраны советского правительства и лично Сталина, Николай Сидорович прошел все ступени служебной лестницы одного из важных секторов системы отечественной госбезопасности. С 1938 году Власик становится начальником І отдела Общей охраны правительства. С 1947 по 1952 годруководит работой Главного управления охраны МГБ.

«Человек за спиной» сопровождал Сталина в его поездках по городу, на аэродромах, в театрах, на парадах и официальных мероприятиях, в поездках на отдых, на конференциях и встречах с главами зарубежных стран — такова, как известно, «специфика» этой ответственной и нелегкой профессии, тем более если речь идет об охране великого государственного деятеля, лидера мировой сверхдержавы. Кроме того, если учесть, что в подчинении Главного управления охраны МГБ находился большой штат сотрудников, а также это ведомство располагало целым комплексом зданий, государственных дач, хозяйственных построек в разных концах необъятной державы, имело разветвленную структуру (фактически автономное «министерство» в системе советской госбезопасности), то нетрудно представить, какой объем обязанностей был возложен на руководителя

этой организации и какой вес имел «человек при Сталине» в высших кремлевских кругах.

Советское правительство высоко оценило заслуги Н. С. Власика перед страной. Он был награжден тремя орденами Ленина (2 из них — за обеспечение охраны участников Тегеранской и Потсдамской конференций), четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Кутузова I степени (за охрану участников Ялтинской конференции), орденом Красной Звезды, пятью медалями.

Власик всегда был предан Сталину. Но предан был не по-лакейски — что было чуждо этому мужественному человеку, — а предан искренне, зная, какая ответственность лежит на нем. Это искреннее и трепетное отношение к своим обязанностям выражалось порой в чрезмерном беспокойстве, острых переживаниях по поводу даже самой ничтожной оплошности, допущенной кемлибо из его подчиненных (подобные «происшествия» Власик весьма эмоционально и самокритично фиксировал в своем дневнике). Такое беспокойство за жизнь и здоровье Сталина едва ли можно объяснить обычным чиновничьим желанием выслужиться или страхом перед возможным наказанием за допущенную ошибку. Здесь скорее можно говорить об особо трепетном отношении к порученному делу: ведь речь шла о главе великого государства, Вожде советского народа. Необходимо отметить, что и Сталин доверял начальнику своего охранного ведомства, до известной степени, конечно.

В конце 40-х годов Н. С. Власик совершил, однако, два существенных промаха: во-первых, он не дал хода письму Л. Ф. Тимашук о неправильном, приведшем к смерти, лечении А. А. Жданова. Это упущение Власика выяснилась позже, в начале 50-х, когда началось разбирательство знаменитого «дела врачей», в ходе которого было выявлено множество фактов антигосударственной деятельности его фигурантов. Вторая ошибка Н. С. Вла-

сика заключалась в том, что он втянулся в политические интриги, целью которых было устранение Л. П. Берия из окружения Сталина.

Развязка наступила скоро. 29 апреля 1952 года Власик был отстранен от должности по обвинению в злоупотреблении служебным положением, 16 декабря 1952 года арестован.

Он провел в заключении три года. Суд над ним состоялся в 1955 году, уже при Хрущеве. Сталина не было в живых, но Власик не отрекся от вождя, подобно многим «хрущевцам», так что участь его была предрешена. По приговору суда Н.С. Власика направляют в ссылку в Сибирь. Освобождается он лишь по амнистии; в 1956 году с него была снята судимость. Однако все просьбы о реабилитации были отклонены. Власик возвращается в Москву, в последние годы жизни работает над мемуарами. Скончался Николай Сидорович 18 июня 1967 года.

В июне 2000 года постановлением Президиума Верховного суда РФ приговор 1955 года был отменен, уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления. В июле 2003 года Н. С. Власик был полностью реабилитирован. В настоящее время решается вопрос о возвращении звания генерал-лейтенанта и о восстановлении в партии (посмертно). В 2004 году на родине Н. С. Власика в г. Слониме (Белоруссия) в краеведческом музее организована постоянная выставка, посвященная знаменитому земляку.

По материалам статьи в журнале «Наш современник» Алексея Кожевникова, кандидата исторических наук

Часть 1 ЗАПИСКИ Н. С. ВЛАСИКА

КРАТКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не ставлю перед собой задачу показать т. Сталина как политического деятеля.

Я хочу рассказать о нем как о человеке. Поделиться с читателями тем, что знаю о нем, что я лично наблюдал. Попытаться снять несправедливо возведенные на него обвинения в грубости, жестокости и бесчеловечности.

Постараться опровергнуть то ложное, что было приписано ему после его смерти, оправдать в том, в чем он был незаслуженно обвинен. По мере моих сил осветить факты, свидетелем которых я был, установить истину там, где это возможно.

КАК МЕНЯ НАЗНАЧИЛИ К СТАЛИНУ

В 1927 году в здание комендатуры на Лубянке была брошена бомба. Я в это время находился в Сочи в отпуске. Начальство срочно вызвало меня и поручило мне организовать охрану Особого отдела ВЧК, Кремля, а также охрану членов правительства на дачах, прогулках, поездках и особое внимание уделить личной охране т. Сталина. До этого времени при т. Сталине находился только один сотрудник, который сопровождал его, когда он ездил в командировки. Это был литовец Юсис. Вызвал

Юсиса и на машине отправился с ним на подмосковную дачу, где обычно отдыхал т. Сталин. Приехав на дачу и осмотрев ее, я увидел, что там царил полный беспорядок. Не было ни белья, ни посуды, ни обслуживающего персонала. Жил на даче один комендант.

Как я узнал от Юсиса, т. Сталин приезжал на дачу с семьей только по воскресеньям и питался бутербродами, которые они привозили с собой из Москвы.

СЕМЬЯ, РИТМ ЖИЗНИ, БЫТ

Семья т. Сталина состояла из жены, Надежды Сергеевны, дочери старого большевика Аллилуева С. Я., с которым т. Сталин познакомился, когда скрывался в его семье на квартире в Петрограде, и двух детей — сына Васи, очень живого и порывистого мальчика пяти лет, и дочери Светланы двух лет. Кроме этих детей у т. Сталина был взрослый сын от первого брака с Екатериной Сванидзе Яков, очень милый и скромный человек, разговорами и манерами необыкновенно похожий на отца. Забегая вперед, скажу, что он окончил Институт железнодорожного транспорта и жил на стипендию, временами нуждаясь, но никогда не обращался к отцу ни с какими просьбами. Окончив институт, на замечание отца, что он хотел бы видеть сына военным, Яков поступил в Артиллерийскую академию, которую окончил перед войной. В первые же дни войны он ушел на фронт. Под Вязьмой наши части попали в окружение, и он был взят в плен.

Немцы продержали его в плену в лагере до конца войны, в лагере и убили его, якобы при попытке к бегству. По словам бывшего французского премьер-министра Эррио, который находился с ним в этом лагере, Яков вел себя исключительно достойно и мужественно. После окончания войны Эррио писал об этом Сталину.

На квартире в Кремле, где жил Сталин с семьей, была экономка Каролина Васильевна и уборщица. Питание они получали из кремлевской столовой, откуда К. В. приносила в судках обед. По распоряжению начальства я должен был, кроме охраны, наладить снабжение и бытовые условия охраняемого.

Я начал с того, что послал на дачу белье и посуду, договорился о снабжении продуктами из совхоза, находившегося в ведении ГПУ и расположенного рядом с дачей. Послал на дачу повариху и уборщицу. Наладил прямую телефонную связь с Москвой.

Юсис, боясь недовольства т. Сталина этими нововведениями, предложил мне самому доложить обо всем т. Сталину. Так состоялась моя первая встреча и первый разговор с т. Сталиным. До этого я видел его только издали, когда сопровождал его на прогулках и в поездках в театр.

Жил т. Сталин с семьей очень скромно. Ходил он в старом, сильно потертом пальто. Я предложил Надежде Сергеевне сшить ему новое пальто, но для этого надо было снять мерку или взять старое и с него сделать в мастерской точно такое новое. Мерку снять не удалось, так как он наотрез отказался, сказав, что новое пальто ему не нужно. Но нам все-таки удалось сшить ему новое пальто.

Жена его, Надежда Сергеевна, очень скромная женщина, редко обращалась с какими-нибудь просьбами, скромно одевалась, не в пример женам многих ответственных работников. Она училась в Промакадемии и много внимания уделяла детям.

Я хотел знать (и мне это было необходимо) вкусы и привычки т. Сталина, особенности его характера, и я с любопытством и интересом ко всему присматривался.

Вставал т. Сталин обычно часов в 9, завтракал и в 11 часов был на работе в ЦК на Старой площади. Обедал на работе, ему приносили в кабинет из столовой ЦК. Ино-

гда, когда в Москву приезжал т. Киров, они вместе ездили обедать домой. Работал т. Сталин часто до глубокой ночи, особенно в те годы, когда после смерти Ленина пришлось активизировать борьбу с троцкистами.

Над своей книгой «Вопросы ленинизма» он также работал в своем кабинете в ЦК, задерживаясь иногда до поздней ночи. Возвращался с работы часто пешком вместе с т. Молотовым. Шли в Кремль через Спасские ворота. Воскресенье проводил дома с семьей, обычно выезжал на дачу. В театр т. Сталин ездил чаще по субботам и воскресеньям вместе с Надеждой Сергеевной. Посещали Большой театр, Малый, театр им. Вахтангова, ездили к Мейерхольду смотреть пьесу «Клоп» Маяковского. С нами на этом спектакле, помню, были товарищи Киров и Молотов, т. Сталин очень любил Горького и обязательно смотрел все его пьесы, которые шли в московских театрах. Часто после работы т. Сталин вместе с Молотовым ездили на просмотр кинофильмов в Гнездниковский переулок. Позднее в Кремле был устроен просмотровый зал. Кино т. Сталин любил, придавал ему большое агитационное значение.

Осенью, обычно в августе — сентябре, т. Сталин с семьей уезжал на юг. Свой отпуск он проводил на Черноморском побережье, в Сочи или Гаграх. Жил он на юге месяца два. Отдыхая в Сочи, он иногда принимал мацестинские ванны.

В продолжение всего отпуска он очень много работал, получал много почты. На юг он всегда брал кого-нибудь из сотрудников. В 20-х годах с ним ездил шифровальщик, начиная с 30-х годов — секретарь. Во время отпуска происходили и деловые встречи. Так, в конце 40-х годов к нему приезжали К. Готвальд и Э. Ходжа. Перед назначением в Польшу к нему на дачу в Гаграх приезжал К. К. Рокоссовский.

Товарищ Сталин много читал, следил за политической и художественной литературой.

Развлечением на юге были поездки по морю на катере, кино, кегельбан, городки, в которые он любил играть, а также бильярд. Партнерами были сотрудники, жившие вместе с ним на даче.

Много времени т. Сталин уделял саду. Живя в Сочи, он посадил в своем саду много лимонных и мандариновых деревьев и сам всегда следил за их ростом, радуясь, когда они хорошо принимались и начинали давать плоды.

Его очень беспокоила заболеваемость местного населения малярией. И по инициативе т. Сталина в Сочи были проведены большие посадки эвкалиптов. Это дерево, как известно, обладает ценными свойствами: оно необычайно быстро растет и высушивает почву, уничтожая рассадники малярийных заболеваний.

Часто к т. Сталину на дачу приезжали Молотов, Калинин, Орджоникидзе, которые в это время также отдыхали на Черноморском побережье. Приезжал погостить т. Киров.

О Кирове мне хочется рассказать особо.

Больше всех Сталин любил и уважал Кирова. Любил его какой-то трогательной, нежной любовью. Приезды т. Кирова в Москву и на юг были для Сталина настоящим праздником. Приезжал Сергей Миронович на неделю, две. В Москве он останавливался на квартире у т. Сталина, и И. В. буквально не расставался с ним.

В 1933 году у т. Сталина трагически погибла жена. И. В. глубоко переживал потерю жены и друга. Дети были еще маленькие, уделять им много внимания т. Сталин ввиду своей занятости не мог. Пришлось передать воспитание и заботу о детях Каролине Васильевне. Она была культурной женщиной, искренне привязанной к детям.

Светлана была спокойной и послушной, чего нельзя было сказать о Васе, очень подвижном и шаловливом мальчике. Он доставлял немало хлопот своим воспитателям. Когда дети подросли и оба уже учились, часть ответственности за их поведение легла и на меня.

Дочь, любимица отца, хорошо училась и была скромной и дисциплинированной. Сын, по натуре одаренный, занимался в школе неохотно. Слишком он был нервным, порывистым, не мог долго усидчиво заниматься, часто в ущерб занятиям и не без успеха увлекаясь чем-то посторонним, вроде верховой езды. О его поведении скрепя сердце приходилось докладывать отцу и расстраивать его. Детей он любил, особенно дочь, которую в шутку называл «хозяйкой», чем она очень гордилась. К сыну относился строго, наказывал за шалости и проступки. Девочка, внешне похожая на бабушку, мать т. Сталина, характером была несколько замкнутой, молчаливой.

Мальчик, наоборот, живой и темпераментный, был очень душевный и отзывчивый. Воспитывались дети вообще очень строго, не допускалось никакого баловства, излишеств. Дочь выросла, окончила институт, защитила диссертацию, имеет семью, работает, воспитывает детей. Фамилию отца она сменила на фамилию матери. Впоследствии уехала за границу проводить в последний путь мужа и так там и осталась. Судьба сына сложилась более трагично. Окончив авиационное училище, он стал участником войны, командовал, и неплохо, авиационным полком. После смерти отца был арестован и осужден на 8 лет. Отбыв наказание, он вышел на свободу совершенно больным. Военное звание ему сохранили и назначили пенсию, но предложили отказаться от фамилии отца, на что он не согласился.

После этого он был выслан в Казань, где вскоре умер, в марте 1962 года, в возрасте 40 лет.

УБИЙСТВО С. М. КИРОВА

13 декабря 1934 года в Ленинграде был убит С. М. Киров. Смерть Кирова потрясла Сталина. Я ездил с ним в Ленинград и знаю, как он страдал, переживал потерю своего любимого друга. О том, какой кристальной чистоты человеком был С. М., как он был прост, скромен, какой это был великий труженик и мудрый руководитель, всем известно.

Это подлое убийство показало, что враги Советской власти еще не уничтожены и готовы в любой момент нанести удар из-за угла.

Товарищ Киров был убит врагами народа. Его убийца Леонид Николаев в своих показаниях заявил: «Наш выстрел должен был явиться сигналом к взрыву и наступлению внутри страны против ВКП(б) и Советской власти». В сентябре 1934 года было произведено покушение на т. Молотова, когда он совершал инспекционную поездку по горнорудным районам Сибири. Товарищ Молотов и его спутники чудом избежали смерти.

ПОКУШЕНИЕ

Летом 1935 года было произведено покушение на товарища Сталина. Это произошло на юге. Товарищ Сталин отдыхал на даче недалеко от Гагр.

На маленьком катере, который был переправлен на Черное море с Невы из Ленинграда Ягодой, т. Сталин совершал прогулки по морю. С ним была только охрана. Направление было взято на мыс Пицунда. Зайдя в бухту, мы вышли на берег, отдохнули, закусили, погуляли, пробыв на берегу несколько часов. Затем сели в ка-

тер и отправились домой. На мысе Пицунда есть маяк, и недалеко от маяка на берегу бухты находился пост погранохраны. Когда мы вышли из бухты и повернули в направлении Гагр, с берега раздались выстрелы. Нас обстреливали.

Быстро посадив т. Сталина на скамейку и прикрыв его собой, я скомандовал мотористу выйти в открытое море.

Немедленно мы дали очередь из пулемета по берегу. Выстрелы по нашему катеру прекратились.

Наш катер был маленький, речной и совершенно непригодный для прогулок по морю, и нас здорово поболтало, прежде чем мы пристали к берегу. Присылка такого катера в Сочи была сделана Ягодой тоже, видимо, не без злого умысла — на большой волне он неминуемо должен был опрокинуться, но мы, как люди, не сведущие в морском деле, об этом не знали.

Это дело было передано для расследования Берия, который был в то время секретарем ЦК Грузии. При допросе стрелявший заявил, что катер был с незнакомым номером, это показалось ему подозрительным и он открыл стрельбу, хотя у него было достаточно времени все выяснить, пока мы находились на берегу бухты, и он не мог нас не видеть.

Все это был один клубок.

Убийство Кирова, Менжинского, Куйбышева, а также упомянутые покушения были организованы правотроцкистским блоком.

Это показали процессы Каменева и Зиновьева в 1936 году, процесс Пятакова, Радека и Сокольникова в 1937-м и процесс Ягоды, Бухарина и Рыкова в 1938-м. Этот клубок удалось распутать и таким образом обезвредить врагов Советской власти перед войной. Они могли быть «пятой колонной».

ЗАГОВОР ВОЕННЫХ

Среди многочисленных обвинений, возведенных на т. Сталина после его смерти, самым значительным, пожалуй, является обвинение в физическом уничтожении группы военных руководителей Красной Армии во главе с Тухачевским. В настоящее время они реабилитированы. На XXII съезде Коммунистическая партия СССР заявила перед всем миром об их полной невиновности.

На основании каких данных они были реабилитированы?

Осуждены они были по документам. Спустя 20 лет эти документы были объявлены фальшивыми... Но как должен был отнестись т. Сталин к документу, уличавшему Тухачевского в измене, переданному другом Советского Союза президентом Чехословакии Бенешем? Не допускаю мысли, что кроме этого не были собраны и другие улики. Если все военачальники, как это теперь утверждают, были невиновны, то почему вдруг застрелился Гамарник? Я что-то никогда не слышал о таких случаях, когда ни в чем не повинные люди в ожидании ареста стрелялись. Ведь революционеры, всегда живущие под угрозой ареста, никогда не кончали жизнь самоубийством. Кроме того, эта группа военных не была расстреляна, как 26 бакинских комиссаров без суда и следствия. Их осудил Особый военный трибунал Верховного суда.

Суд, верно, происходил при закрытых дверях, поскольку показания на суде должны были касаться военных тайн. Но в состав суда входили такие авторитетные, известные всей стране люди, как Ворошилов, Буденный, Шапошников. В сообщении о суде было указано, что подсудимые признали себя виновными. Ставить под сомнение это сообщение — значит бросать тень на таких незапятнанных людей, как Ворошилов, Буденный, Шапошников.

Говоря об этом процессе, хочется остановиться на личности руководителя военной группы Тухачевском. Личность, безусловно, очень яркая. О нем уже много написано, в частности, такой маститый писатель, как Л. Никулин, написал о нем книгу. Вот об этой книге и еще об одной книге — Майкла Сайерса и Альберта Кана «Тайная война против Советской России», — мне и хочется сказать несколько слов. Я хочу остановиться на той характеристике Тухачевского, которую дают авторы этих книг.

Их характеристики прямо противоположны. Кто же из них прав? Кому верить? Я лично встречался с Тухачевским, знал его. О нем было известно, что он происходил из дворянской помещичьей семьи, закончил Кадетский корпус и Александровское военное училище. Но я никогда не слышал о том, что его мать была простой малограмотной крестьянкой. Никулин пишет, что сведения о детстве Тухачевского получил от товарища своего знакомого, который разыскал 90-летнего старика, работавшего в молодости в имении отца Тухачевского. Записал беседу с ним и переслал ее Никулину.

Источник, как мне кажется, малоавторитетный.

Бесспорно, что Тухачевский был высокообразованным человеком. Ни внешность, ни жесты, ни манера держаться, ни разговор — ничто не указывало в нем на пролетарское происхождение, наоборот, во всем видна была голубая кровь.

Никулин пишет, что Тухачевский не был карьеристом, а вот по другим сведениям, Тухачевский после окончания Александровского училища говорил: «Или в тридцать лет я буду генералом, или застрелюсь». Французский офицер Реми Рур, который был в плену вместе с Тухачевским, характеризовал его как человека крайне честолюбивого, не останавливающегося ни перед чем.

Впоследствии, в 1928 году Реми Рур написал о Тухачевском книгу под псевдонимом Пьер Фервак.

Тухачевский бежал из немецкого плена и вернулся в Россию накануне Октябрьской революции. Он сначала примкнул к бывшим офицерам царской армии, затем порвал с ними.

Сайерс и Кан пишут, что своему приятелю Голумбеку на вопрос о том, что он намерен делать, Тухачевский ответил: «Откровенно говоря, я перехожу к большевикам. Белая армия ничего не способна сделать. У них нет вождя».

В 1918 году Тухачевский вступил в партию. Культурный человек, образованный военный и безусловно талантливый полководец, Тухачевский быстро выдвинулся в первые ряды руководителей Красной Армии. Таких людей у большевиков было мало, и они им были нужны. Расчет Тухачевского был верен. После окончания Гражданской войны Тухачевский стал одним из ближайших помощников Фрунзе по штабу Красной Армии. А в 1925 году после смерти Фрунзе был назначен на пост начальника штаба Красной Армии.

Вот что пишут об этом периоде деятельности Тухачевского Сайерс и Кан: «Работая в штабе Красной Армии, Тухачевский сблизился с троцкистом Путной, последовательно занимавшим должности военного атташе в Берлине, Лондоне, Токио, и начальником Политуправления Красной Армии Яном Гамарником, которого Сайерс и Кан называют личным другом рейхсверовских генералов Сокта и Гаммерштейна».

Никулин пишет, что все обвинения против Тухачевского были построены на оговорах. Для этого воспользовались служебными поездками маршала и его товарищей за границу, встречами, имевшими чисто деловой характер.

А вот что пишут об одной такой поездке Сайерс и Кан.

В начале 1936 года Тухачевский, как советский военный представитель, ездил в Лондон на похороны короля Георга V. Незадолго до отъезда он получил желанное звание Маршала СССР. Он был убежден, что близок час, когда советский строй будет низвергнут и «новая Россия» в союзе с Германией и Японией ринется в бой за мировое господство. По дороге в Лондон Тухачевский останавливался ненадолго в Варшаве и Берлине, где он беседовал с польскими полковниками и немецкими генералами. Он так был уверен в успехе, что почти не скрывал своего преклонения перед немецкими милитаристами.

В Париже на официальном обеде в советском посольстве, устроенном после его возвращения из Лондона, Тухачевский изумил европейских дипломатов открытыми нападками на советское правительство, добивавшееся организации коллективной безопасности совместно с западными демократическими державами. Сидя за столом рядом с румынским министром иностранных дел Титулеску, он говорил: «Напрасно, господин министр, вы связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченых государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает для нас всех спасение».

Слова Тухачевского были записаны румынским дипломатом, заведующим отделом печати румынского посольства в Париже Шаканаком Эссезом, который также присутствовал на банкете в советском посольстве. А бывшая в числе гостей известная французская журналистка Женевьева Табуи писала потом в своей книге «Меня называют Кассандрой»: «В последний раз я видела Тухачевского на следующий день после похорон короля Георга V. На обеде в советском посольстве русский маршал много разговаривал с Политисом, Гитулеску, Эррио и Бонкуром. Он только что побывал в Германии и рассыпался в похвалах нацистам. Сидя справа от меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он не переставал повторять: «Они уже непобедимы, мадам Табуи». Почему он говорил с такой уверенностью? Не потому ли, что ему вскружил голову сердечный прием, оказанный ему немецкими дипломатами, которым нетрудно было договориться с этим представителем старой русской школы?

Так или иначе, в этот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: «Надеюсь, что не все русские думают так»».

В 1938 году на процессе Ягоды троцкисты Крестинский и Розенгольц в своих показаниях подробно рассказывали о роли Тухачевского в заговоре военных. А Ягода на вопрос о том, почему они не объединились с военными, ответил, что они знали о бонапартистских наклонностях Тухачевского и это их не устраивало.

Все это говорит, конечно, не в пользу Тухачевского.

Я не имею ни права, ни достаточно фактов, чтобы обвинить Тухачевского, я это и не ставлю своей целью, но не могу не поставить под сомнение его незапятнанную славу. Она запятнана подозрениями.

Никулин пишет, что Сталин завидовал Тухачевскому. Но почему тогда Тухачевского назначали на ответственнейшие посты, оказывали ему полное доверие и одному из первых полководцев присвоили высокое звание маршала? Правдоподобно ли обвинение Никулина? Ведь от Сталина тогда многое зависело. Едва ли Тухачевский дос-

тиг бы такого высокого положения, если бы Сталин не поддерживал его, а, наоборот, противодействовал. Относительно военных способностей Сталина и зависти его к славе других скажу одно — он занимал такое положение и пользовался таким авторитетом, как в своей стране, так и за рубежом, что смешно, если бы он кому-то завидовал. А свои военные способности он доказал, будучи Верховным Главнокомандующим во время Великой Отечественной войны, которую под его руководством наша страна выиграла. А тому, кто сомневается в этом, рекомендую прочитать переписку Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, которая является подлинным историческим документом в истории войны 1941—1945 годов и характеризует Сталина как крупного государственного деятеля и мудрого военного руководителя.

Никулин пишет, что достаточно перечитать военную переписку Ленина, чтобы понять, кто был истинной душой обороны Советской республики в годы Гражданской войны. Так вот, прочитав военную переписку Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, можно также понять, кто был душой обороны Советской России в годы Великой Отечественной войны.

Никулин берет на себя смелость заявлять о том, что, если бы не были физически уничтожены видные военачальники Красной Армии, можно было бы достичь победы с меньшими жертвами и весь ход войны мог бы быть иным.

Я согласен с Никулиным в последнем, но с оговоркой. Ход войны был бы иным, если бы не был уничтожен враг внутри страны. Вот что писал по этому поводу американский посол в СССР Джозеф Дэйк в 1941 году после нападения нацистов на Советский Союз: «В России не было так называемой «внутренней агрессии», действовавшей согласованно с немецким верховным командованием. В 1939 году поход Гитлера на Прагу сопрово-

ждался активной военной поддержкой со стороны генлейновских организаций. То же самое можно сказать о гитлеровском вторжении в Норвегию.

Но в России не оказалось судетских генлейнов, словацких тиссо, бельгийских дегрелей или норвежских квислингов. Все это фигурировало на процессах 1937—1938 годов, на которых я присутствовал лично, следя за их ходом.

Вновь пересмотрев отчеты об этих процессах и то, что я сам тогда писал, я вижу, что, по существу, все методы действий немецкой «пятой колонны», известные нам теперь, были раскрыты и обнажены признаниями саморазоблачившихся русских квислингов... Теперь совершенно ясно, что все эти процессы, чистки и ликвидации, которые в свое время казались такими суровыми и так шокировали весь мир, были частью решительного и энергичного усилия сталинского правительства предохранить себя не только от переворота изнутри, но и от нападения извне. Оно основательно взялось за работу по очистке и освобождению страны от изменнических элементов. В России в 1941 году не оказалось представителей «пятой колонны» — они были уничтожены.

Чистка навела порядок в стране и освободила ее от измены».

Из книги Сайерса и Кана: «Великая Отечественная война выдвинула много новых талантливых полководцев. Герои, овеянные славой, любимые народом, они пользовались огромной популярностью». И разве можно сравнить славу и популярность и любовь народа к Жукову и Рокоссовскому с популярностью Тухачевского? Однако Сталин не уничтожил их, а осыпал почестями, и не только их, а многих, многих других. И вообще изображать Сталина Иваном Грозным недостойно настоящего писателя, так как таким он никогда не был.

Сталин был непримирим к врагам, но никогда ничего не делал из личных побуждений. Им руководило одно чувство любви к Родине, ее благополучию и процветанию.

История оправдывает даже Ивана Грозного, поскольку те жестокие меры, которыми было отмечено его царствование, были применены во имя укрепления, объединения и дальнейшего развития России.

Я еще раз повторяю, что не собираюсь обвинять Тухачевского, я только ставлю под сомнение его незапятнанность. Мне лично в этом деле кажется очень странным самоубийство Гамарника и то растерянное и очень подавленное состояние, в каком находился Тухачевский после снятия его с поста заместителя наркома. Если он ни в чем не был замешан, то почему это так его потрясло?

Если человек виновен, то страх перед разоблачением и арестом может привести в такое состояние.

Вот что пишет генерал-лейтенант Ермолин о своей встрече с Тухачевским на партконференции в г.Куйбышеве после назначения Тухачевского командующим Приволжским военным округом: «Чувствовалось, что Михаилу Николаевичу не по себе. Сидя неподалеку от него за столом президиума, я украдкой приглядывался к нему. Виски его поседели, глаза припухли. Иногда он опускал глаза, как от режущего света. Голова опущена, пальцы непроизвольно перебирают карандаши, лежащие на скатерти. Мне доводилось наблюдать Тухачевского в различных обстановках, в том числе и в горькие дни варшавского отступления, но таким я не видел его никогда».

Да, в жизни все бывает. Бывают взлеты и падения. Но если совесть у человека чиста и он настоящий коммунист, то он не падает духом и постарается доказать свою невиновность.

Разрешу себе привести для примера такой случай.

Адмирал Н. Г. Кузнецов в 1947 году был снят с поста наркома Военно-Морского Флота и назначен с большим понижением на работу в Ленинград. Но он не пал духом, не утратил душевного равновесия, а с присущей ему энергией взялся за работу в новой должности. Совесть его была чиста, и он мог не бояться за свое будущее. А в 1948 году он уже был назначен на пост военноморского министра. Все это происходило в годы так называемого «культа личности».

Что касается Тухачевского, то, еще раз повторю, он обвинен на основании документа, переданного Бенешем Сталину, разоблачающего документа, а вот реабилитирован Тухачевский по довольно сомнительному заверению гитлеровских агентов, будто бы документ, переданный Бенешем, был фальшивым.

Можно этому верить? Сомневаюсь.

ПОЕЗДКА НА ЮГ

Сопровождая Сталина в поездках на юг, я очень много общался с ним, мы всегда вместе обедали, и почти всегда свободное время он проводил с нами. Я имею в виду себя и его секретаря Поскребышева. В Москве я видел его гораздо реже. Я сопровождал его в поездках по городу, в театр, в кино.

При жизни А. М. Горького Сталин часто встречался с ним. Как я уже упоминал, он его очень любил. Бывал А. М. у Сталина и на даче, и в городе. Я был свидетелем. Сталин часто принимал зарубежных гостей и охотно беседовал с ними. У него бывали Ромен Роллан, Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер, Пальмиро Тольятти и др. При этих встречах я не всегда присутствовал.

Говоря о поездках на юг, которые Сталин совершал ежегодно, мне хотелось более подробно рассказать об

одной поездке, так как маршрут ее был необычен. Это было в 1947 году. В августе, числа не помню, Сталин вызвал меня и объявил, что поедем на юг не как обычно, на поезде, а до Харькова на машинах, а в Харькове сядем на поезд.

Трудно словами выразить мою радость. Тов. Сталин по-прежнему полностью мне доверяет, я, как и все предыдущие годы, буду сопровождать его на юг, и организацию всей поездки он возлагает на меня. Надо сказать, что в 1946 году мои враги и завистники, а их у меня было немало, оклеветали меня и я был снят с должности начальника управления. Сталин отнесся к этому со всей своей чуткостью, сам разобрался во всех обвинениях, абсолютно ложных, выдвинутых против меня, и, увидев мою полную невиновность, вернул мне прежнее свое доверие.

Я тщательно продумал план поездки, посоветовался с министром, он все одобрил, и я доложил его т. Сталину.

Считая, что такое длительное путешествие на машинах будет для него утомительным, я пытался убедить его отказаться от такой поездки. Но он и слушать меня не захотел. План он одобрил, и я начал готовиться к этому ответственному путешествию. Выехали мы, кажется, 16 августа. Ехали до Харькова с тремя остановками — в Щекино Тульской области, Орле и Курске. На остановках все было очень скромно и просто, без всякого шума, что т. Сталину очень понравилось.

Ели мы все вместе с т. Сталиным. И в Щекине, и в Курске т. Сталин гулял по городу. В пути между Тулой и Орлом у нас на «паккарде» перегрелись покрышки. Тов. Сталин велел остановить машину и сказал, что пройдется немного пешком, а шофер за это время сменит покрышки, а потом нас догонит.

Пройдя немного по шоссе, мы увидели три грузовика, которые стояли у обочины шоссе, и на одном из них шофер тоже менял покрышку.

Увидев т. Сталина, рабочие так растерялись, что не верили своим глазам, так неожиданно было его появление на шоссе, да еще пешком. Когда мы прошли, они начали друг друга обнимать и целовать, говоря: «Вот какое счастье, так близко видели товарища Сталина!».

Пройдя еще немного, мы встретили маленького мальчика лет 11—12. Тов. Сталин остановился, протянул ему руку и сказал: «Ну, давай познакомимся. Как тебя зовут? Куда ты идешь?» Мальчик сказал, что зовут его Вова, идет он в деревню, где пасет коров, учится в 4 классе на четверки и пятерки.

В это время подошла наша машина, мы простились с Вовой и продолжали наше путешествие. После этой остановки т. Сталин пересел на ЗИС-110. Машина ему очень понравилась, и весь отпуск он ездил только на отечественном ЗИСе. В Орле мы сделали остановку, отдохнули, помылись с дороги, пообедали и тронулись в дальнейший путь. Следующая остановка была у нас в Курске. Мы остановились отдохнуть в квартире одного из наших работников-чекистов. Квартира была чистенькая и уютная, на полочке над диваном было много фарфоровых безделушек, а на подзеркальнике стояло много красивых флаконов с духами. Тов. Сталин внимательно осмотрел всю обстановку квартиры, потрогал безделушки, стоявшие на полочке, посмеялся, а когда мы, отдохнув, собрались уезжать, спросил меня, что же мы оставим хозяйке на память и нет ли у нас одеколона. К счастью, одеколон нашелся, и в довольно красивом флаконе. Тов. Сталин сам отнес его в спальню, где он отдыхал, и поставил его на подзеркальник.

Несмотря на очень утомительную дорогу (мы выехали из Москвы вечером, ехали всю ночь и день) спал т. Сталин немногим больше двух часов. И. В. чувствовал себя очень хорошо, настроение у него было прекрасное, чему мы все были очень рады.

В разговоре он сказал, что очень доволен, что поехали на машинах, что он много увидел. Видел, как строят города, убирают поля, какие у нас дороги. Из кабинета этого не увидишь. Это были его доподлинные слова. Относительно дорог т. Сталин заметил, что дорогу от Москвы нужно сделать как можно лучше, разбить на участки, поставить сторожей, построить им домики, дать участок земли, чтобы они имели все необходимое, они будут заинтересованы и будут хорошо ухаживать за дорогой. Установить заправочные бензоколонки, так как машин скоро будет много, все будут ездить на машинах, не только в городе, но и в деревне.

Благополучно доехав до Харькова, мы пересели в поезд и поехали в Симферополь. Оттуда до Ялты мы снова ехали на машинах.

В Ялте нас ожидал крейсер «Молотов», на котором т. Сталин должен был совершить поездку в Сочи.

КРЕЙСЕР «МОЛОТОВ»

19 августа 1947 года крейсер «Молотов» под командованием адмирала И. С. Юмашева в сопровождении двух эсминцев вышел из Ялтинского порта.

На борту крейсера, кроме т. Сталина, находились: приглашенный И. В. т. А. Н. Косыгин, отдыхавший в это время в Ялте командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и др.

Крейсер взял курс на Сочи.

Незабываемое впечатление произвела на меня эта поездка. Погода стояла великолепная, настроение у всех было приподнятое. Тов. Сталин под несмолкаемое

приветствие «ура!» всего экипажа обошел крейсер. Радостными и восторженными были лица матросов. Согласившись на просьбу адмирала Юмашева сфотографироваться вместе с личным составом крейсера, т. Сталин подозвал меня. Я попал, можно сказать, в фотокорреспонденты. Снимал я уже немало, и т. Сталин видел мои снимки. Но, несмотря на это, я очень волновался, так как не был уверен в пленке.

Тов. Сталин видел мое состояние и, как всегда, проявил чуткость.

Когда я закончил снимать, сделав для гарантии несколько фотографий, он подозвал сотрудника из охраны и сказал: «Власик так старался, а его никто не снял. Вот вы сфотографируйте его вместе с нами». Я передал фотоаппарат сотруднику, объяснив все, что было необходимо, и он тоже сделал несколько снимков. Фотографии получились очень удачные и были перепечатаны во многих газетах.

ОТДЫХ В СОЧИ

Отдыхая в Сочи, т. Сталин часто гулял пешком по городу и по шоссе. Мне эти прогулки доставляли немало волнений, так как отдыхающих на улицах всегда было много, нас окружали толпы, все приветствовали т. Сталина. Всем хотелось пожать ему руку, поговорить с ним. Охранять вождя в такой обстановке было чрезвычайно трудно, тем более что т. Сталин не любил, чтобы с ним ходила охрана. Обычно на прогулках его сопровождали я, секретарь Поскребышев и два-три офицера из охраны.

Однажды во время поездки по городу т. Сталин решил заехать в порт. Доехав до причала, мы вышли из машины. В порту разгружался теплоход «Ворошилов». Тов. Сталин долго смотрел на разгрузку, теплоход ему не по-

нравился, он нашел его неуклюжим. Когда мы возвращались к машинам, в порту собралась уже большая толпа. Всем хотелось посмотреть на вождя, убедиться, правда ли, что т. Сталин вот так просто гуляет по порту. Подойдя к машинам, т. Сталин тепло ответил на приветствия и, открыв дверцу, пригласил ребят, которые сбежались к машине, прокатиться с нами. Тов. Сталину захотелось доставить детям какое-нибудь удовольствие, чем-нибудь их угостить. Поехали на «Ривьеру», там было открытое кафе. Мы зашли туда, усадили ребят за столики, но получилось то же, что в порту. Отдыхающие окружили нас, среди них было много детей. Пришлось их всех пригласить на лимонад. Я принес из буфета большую вазу конфет. Сталин начал угощать детей конфетами. Одну маленькую девочку, видимо робкую, ребята оттеснили, и ей ничего не досталось, и она заплакала. Тогда т. Сталин взял ее на руки, чтобы она сама выбрала конфеты, которые ей понравятся.

Раздав все конфеты и рассчитавшись с буфетчиком, я обратился к ребятам: «Ну, ребята, теперь пионерское «ура!» товарищу Сталину!»

Ребята дружно закричали «ура!», а мы с трудом добрались сквозь толпу до машины и поехали домой.

ОЗЕРО РИЦА

Недалеко от Гагр в горах, на высоте 950 метров над уровнем моря расположено живописное озеро Рица. Озеро это находится как бы в котловане, кругом поднимаются к небу горы, покрытые густым хвойным лесом, среди преобладающих хвойных пород много пихты, есть и лиственные деревья и кустарники.

Очень красивы эти горы осенью, когда на яркой зелени хвойных деревьев выделяются красные и жел-

тые пятна кленов и дубов. Озеро это небольшое, длиной около 2,5 км, шириной 1 км. Оно проточное, с темно-зеленой водой, богато форелью. К озеру по ущелью проложена дорога, которая тоже очень живописна. Замечательно это озеро еще и тем, что в самое жаркое на побережье время там очень прохладно. Тов. Сталин, находясь в отпуске, часто страдал от жары и духоты. Поэтому было вынесено решение присмотреть маленький домик на берегу озера, чтобы в наиболее жаркое время он мог там хорошо отдохнуть.

Живя на даче на озере Рица, наслаждаясь чистым прохладным воздухом, любуясь красотой этого замечательного озера и живописностью окружающих его берегов, т. Сталин решил сделать этот красивый уголок достоянием всего народа. Когда на озеро Рида была проложена автомобильная дорога, туда стали ездить экскурсии. И вот, по указанию т. Сталина, на озере Рица была построена гостиница, ресторан и кафе-шашлычная.

Когда т. Сталин следующим летом приехал на озеро, он прежде всего поинтересовался, как работает ресторан, не высоки ли в нем цены, сколько стоит номер в гостинице. А на другой день лично сам все осмотрел, поговорил с директором ресторана, с официантами. Зашел в гостиницу, все осмотрел и, найдя, что цены за номер очень высоки, позвонил Любимову (министру) и распорядился снизить цены. Но этим его заботы об отдыхающих не ограничились. На окружной дороге, которая шла по берегу озера, мы поставили ворота, закрыв таким образом доступ к госдаче. Но т. Сталин дал указание ворота снять, чтобы экскурсанты могли беспрепятственно проходить на территорию госдачи и гулять вокруг озера. Кроме того, все имеющиеся у нас катера он распорядился передать в общественное пользование, а также очистить озеро от торчащих из воды стволов старых деревьев, которые создавали опасность при прогулках по озеру.

Для гостиницы И. В. распорядился выделить машины. Вечером за ужином т. Сталин снова заговорил о том, что в Сочи и Гаграх никто не занимается тем, чтобы обеспечить отдыхающих достаточным количеством овощей и фруктов. «Я сам займусь этим, — сказал он. — Нужно организовать два-три хороших совхоза, овощной и птицеводческий, и молочную ферму, чтобы курортники были обеспечены всеми необходимыми продуктами». На другой день, когда к нам приехали Молотов, Микоян, министр здравоохранения Смирнов, Пронин и др., этот вопрос снова обсуждался.

Тов. Сталин предложил мне взять два совхоза на Пицунде, чтобы обеспечить население овощами. Я попросил один, как подсобное хозяйство для госдач. Сталин сказал: «Бери, но не только для госдач, а для всего населения». Я, конечно, отказался. «Ну, если чекисты не хотят заниматься этим делом, найдем хороших хозяйственников, которые организуют это дело», — решил т. Сталин.

Мне хотелось бы особо отметить необыкновенную трудоспособность т. Сталина. Никогда ни одной минуты не оставался он бездеятельным. Находясь в отпуске, он никогда полностью не отдыхал. То он устраивал совещание по какому-нибудь неотложному вопросу, то принимал товарищей, приехавших по делу из-за рубежа, то занимался разрешением будничных, но необходимых проблем, вроде упомянутой мною организации совхозов.

На прогулке, за обедом решались многие вопросы хозяйственного порядка, начиная с посадки деревьев до постройки и оформления зданий. Причем надо заметить, что если он брался за решение какого-либо вопроса, начиная с мировых проблем до хозяйственных мелочей, разбирался он во всем с большим знанием дела, чем всегда меня очень удивлял.

Решения многих сложных вопросов были всегда чрезвычайно просты и безошибочны.

Прекрасно разбирался т. Сталин в чекистской работе.

Так, в 1947 году в Сочи он вызвал министра госбезопасности Абакумова. Я присутствовал на этом совещании. Многому можно было поучиться, слушая указания, которые он давал по нашей работе. Он прекрасно знал работу разведки буржуазных стран, приводил много интересных примеров.

Осенью 1947 года в Сочи я по поручению Сталина встречал на аэродроме английскую делегацию лейбористов — членов парламента. Тов. Сталин принимал их у себя на даче. Он разрешил мне присутствовать на этом приеме. Для меня эта встреча была очень интересной.

Англичане задавали вопросы глубоко политического характера, а также экономического. Тов. Сталин давал короткие, ясные, исчерпывающие ответы. После приема я проводил гостей на отведенную им дачу. На приеме были два наших переводчика. За ужином они поделились своими впечатлениями об этой встрече. Англичане были поражены эрудицией т. Сталина. «Это действительно великий человек, он не только прекрасно разбирается во всех политических вопросах, но и великолепно знает экономику Англии», — говорили удивленные и восхищенные гости.

ПОЕЗДКА В БОРЖОМИ

Обычно т. Сталин отдыхал в Сочи или Гаграх, но в 1951 году он решил поехать в Цхалтубо, чтобы принять лечебные ванны, у него болела левая рука.

Приехав в Цхалтубо в августе, мы попали в самое жаркое время. Там было невыносимо душно. Приняв не-

сколько ванн, И. В. не выдержал жары и решил прервать лечение и уехать отдыхать в Боржоми, где было гораздо прохладнее.

Вызвав меня, он поручил мне узнать о состоянии дороги через Сурамский перевал, так как он хотел ехать на машинах, а также подготовить помещение, где бы мы могли остановиться. Я отправил в Боржоми шофера проверить дорогу и сотрудников привести в порядок помещение.

Первый секретарь ЦК партии Грузии Чарквиани был лично предупрежден т. Сталиным, что он будет отдыхать в Цхалтубо и заедет в Боржоми, и хотя Чарквиани заверил т. Сталина, что дача приведена в порядок, дача оказалась настолько запущенной, что жить в ней было невозможно. На этой даче во всех комнатах была грязь, водоснабжение неисправно, ванны не работали, на дверях не было запоров, не было ключей, задвижек, на кухне был устроен склад. В течение двух дней мы привели все в относительный порядок и создали элементарные удобства.

Дорога оказалась в приличном состоянии, и через Сурамский перевал мы благополучно прибыли в Боржоми.

Во время пребывания в Боржоми мы часто выезжали на машинах в окрестные города. Тов. Сталин любил побеседовать с местным населением. Выйдет из машины, поговорит со стариками, покатает на машине ребят и, довольный, возвращается домой.

Однажды во время прогулки мы заехали в чудесную дубовую рощу. Тов. Сталин любил отдохнуть и поесть на воздухе, мы всегда возили с собой несессер с посудой и продукты. Только мы вышли из машины и начали организовывать стол и закуску, как я увидел военного в чине полковника, который направлялся к нам. Подойдя ко мне, он доложил, что мы находимся на террито-

рии артсклада, где посторонним останавливаться воспрещается. Я объяснил ему, что мы приехали с т. Сталиным и если здесь нет опасности взрыва, то мы хотели бы здесь отдохнуть. Заверив нас, что опасности никакой нет, он снял пост, который находился поблизости, чтобы мы могли спокойно посидеть.

Сталин пригласил его закусить с нами. Завязался теплый непринужденный разговор. И. В. поделился своими воспоминаниями о подпольной работе, которую он вел на Кавказе, поговорили о литературе, о политике. Время прошло незаметно, начало темнеть. Мы распрощались с полковником и вернулись в Боржоми.

О ТЕПЛОМ ОТНОШЕНИИ К ЛЮДЯМ

Мне хочется привести несколько примеров теплого и заботливого отношения Сталина к народу, сотрудникам и ко мне лично.

Вспоминается мне разговор, который происходил в тридцатые годы между Сталиным и Молотовым во время прогулки в Сочи. Разговор зашел о пятидневке. В то время воскресенье, как день отдыха, было отменено. Народ работал пять дней, а шестой день был днем отдыха. Рабочая неделя была непрерывной, и все отдыхали в разные дни. Тов. Молотов сказал, что до него дошли слухи, что народ недоволен пятидневкой, так как ни семья, ни друзья не могут вместе собраться, встретиться, чтобы провести свободный день.

Тов. Сталин, услышав это, тут же сказал:

— Раз народ недоволен, надо отменить пятидневку и сделать общий выходной день, как хочет народ. Надо объяснить это в печати и вынести решение.

Что и было сделано.

Тов. Молотов был в это время Председателем Совнаркома.

Приведу еще один факт.

Живя в Сочи, И. В. решил осмотреть мацестинские ванны. Зайдя в помещение, где больные принимают ванны, он увидел, что воду в ванны подают грязно-черного цвета. Он возмутился. Вернувшись домой, он вызвал профессора Валядинского, который был ответствен за состояние курорта, и спросил его: «Неужели вы не можете очистить воду? Почему больные должны принимать такие грязные ванны? Нужно сделать все возможное для очистки воды». После этого разговора были приняты все меры и вода в мацестинские ванны стала поступать чистая.

Интересовался т. Сталин и строительством жилого фонда. Следил, чтобы строили добротно и красиво, чтобы здания украшали город, а не уродовали его, чтобы народ получал светлые и удобные квартиры. В послевоенное время он внимательно следил за тем, чтобы своевременно и регулярно снижали цены на продукты. Командирам — участникам войны было разрешено на льготных условиях строить дачи для личного отдыха.

ОТНОШЕНИЕ К СОТРУДНИКАМ

О теплом отношении к сотрудникам приведу такой пример.

Однажды, во время летнего отдыха, один из сотрудников, охранявших территорию дачи, где отдыхал т. Сталин, заснул на посту. В его оправдание надо заметить, что сотрудников охраны у меня было всего девять человек, а территория была большая, вся в зарослях, и люди, конечно, уставали. Тов. Сталину доложили об этом, он вызвал меня и спросил, какие были приняты меры в от-

ношении этого сотрудника. Я ответил, что хочу снять его с работы и отправить в Москву.

- И. В. поинтересовался, сознался ли он в том, что заснул на посту. Я ответил, что сознался.
- Ну, раз сознался, не наказывай его, пусть работает, сказал И. В.

После этого случая я провел с сотрудниками беседу, увеличил охрану и таким образом дал возможность охране нормально отдыхать.

О заботливом отношении лично ко мне говорит такой факт.

В 1948 году в Крыму во время отдыха т. Сталин вызвал меня и сказал, что к нему приедут семья, гости, их будет шесть человек (Готвальды). Нужно их обеспечить помещением, питанием и обслуживанием. Сами мы сегодня тоже переедем на какую-нибудь из свободных дач.

Вечером, как всегда на отдыхе, мы с секретарем Поскребышевым ужинали вместе со Сталиным.

И. В. много шутил, делился воспоминаниями из своего прошлого, рассказывал о жизни в ссылке в Туруханском крае. Эти часы досуга, проведенные в обществе вождя, навсегда останутся в памяти, как лучшие часы моей жизни. Он так располагал к себе, что я всегда чувствовал себя с ним просто и свободно.

Засиделись за ужином мы очень долго и тут же, не ложась спать, решили ехать на другую дачу. Разбудив шоферов, поехали в Ливадию.

Приехав в Ливадию, т. Сталин велел накрыть на веранде завтрак и пригласил шоферов и сотрудников охраны, которые сопровождали нас. Завтрак прошел в теплой дружеской обстановке. После завтрака т. Сталин и Поскребышев отправились отдохнуть, поскольку мы не ложились в эту ночь, а у меня нашлись дела. К тому же я был возбужден этой беседой с вождем и спать не хотел.

Поспав несколько часов, т. Сталин попросил машину, чтобы поехать осмотреть дачу, которую мы решили приготовить для гостей.

Когда я подошел к нему, он увидел, что вид у меня уставший, и, узнав, что я не ложился, не разрешил мне ехать с ним, а приказал немедленно лечь спать. Уйти я ушел, но спать не мог, а на другой машине сопровождал его. Вернувшись домой, т. Сталин несколько раз спрашивал, спит ли Власик, и только на другой день вызвал меня и спросил, выспался ли я. Я извинился перед ним, он засмеялся. Я видел в нем поистине родного, близкого мне человека.

За двадцать пять лет работы у меня, конечно, были ошибки и промахи, и он со всей чуткостью и тактом разбирался в них и многое прощал мне, видя мою искреннюю неподкупную преданность и горячее желание оправдать его доверие.

ЧКАЛОВ

Не грубо и жестоко, а бережно и внимательно относился Сталин к людям. Всем известно его теплое и отеческое отношение к прославленному летчику В. П. Чкалову. Вспомним его слова, сказанные Чкалову: «Ваша жизнь дороже нам любой машины». Слова, которые до глубины души взволновали этого мужественного, грубоватого с виду летчика. Вспомним заботы Сталина о дальнейших его полетах.

Маршрут первого беспосадочного полета Чкалова Москва — Петропавловск-на-Камчатке был подсказан Сталиным, как этап для подготовки беспримерного перелета через Северный полюс в Америку. Сталин беспокоился за Чкалова, уговаривал его не торопиться с полетом через полюс, как очень опасным. Лучше тщатель-

ней проверить самолет и материальное оборудование, чтобы в какой-то степени обезопасить полет через полюс. И Чкалов отвечал ему горячей любовью за его внимание и заботу.

Вспомним, как на приеме в Кремле в Георгиевском зале в честь возвращения чкаловского экипажа из Америки после перелета через Северный полюс эмоциональный Чкалов, рванув на груди гимнастерку, воскликнул, обращаясь к Сталину: «Не только жизнь, сердце мое отдаю вам!»

ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ

Очень любил И. В. детей. Встречая на прогулках детей, он всегда вступал с ними в разговор.

Помню однажды, во время прогулки на Мацесте т. Сталина и т. Молотова, мы встретили маленького мальчика лет шести, очень разговорчивого и смышленого. Он толково и обстоятельно отвечал на вопросы И. В. Когда они знакомились, т. Сталин протянул ему руку и спросил: «Как тебя зовут?» — «Валька», — солидно ответил мальчик. «Ну а меня Оська-рябой, — в тон ему сказал т. Сталин. — Ну вот, мы теперь с тобой знакомы». Мы с Молотовым рассмеялись, а мальчик внимательно посмотрел на И. В. У т. Сталина после перенесенной в детстве оспы было на лице несколько рябинок.

Любил т. Сталин животных. Однажды в Сочи он подобрал голодного бездомного щенка. Сам лично кормил его и заботился о нем. Но щенок оказался неблагодарным и, когда отъелся и окреп, сбежал.

Я привел все эти факты теплого и чуткого отношения Сталина к окружающим, народу в опровержение распространенного после его смерти утверждения,

представляющего его как человека грубого и жестокого, бесчеловечного и беспощадного к окружающим.

Это — ложь. Таким он никогда не был. Он был прост и приветлив. Снисходителен и чуток. Он был беспощаден к врагам, но крепко любил друзей.

ВОЙНА (1941—1945)

Сталина упрекают в том, что в 1941 году страна оказалась неподготовленной к войне. Так ли это? И так ли просто было подготовиться к такой страшной, опустошительной войне? Ведь воевать пришлось не против одной страны. Гитлер обрушился на нас военной техникой, собранной почти со всей Европы. И имел союзников в лице Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии. Кроме того, Германия всегда была мощной военной державой.

Сколько войн развязала она на Европейском континенте. А Советский Союз был мирной державой, стремился только к миру и верил в мирные договоры. Подготовиться должным образом к войне с таким сильным противником было не так-то просто. Возможности к этому у Германии и у СССР были различны. У немцев была прекрасная база для вооружения — знаменитые заводы Круппа, Мессершмитта и других пушечных королей и магнатов.

Гитлер, придя к власти в 1933 году, только и занимался вооружением армии и подготовкой к войне.

А у Советского Союза было немало других забот и задач.

Вспомним, в каком положении находилась страна в 1920 году. Смолкли залпы Гражданской войны. Люди возвратились к мирному труду. Началось восстановление народного хозяйства на новых социалистических

началах. Положение в стране было настолько трудным, что пришлось даже немного отступить.

По решению X съезда партии в 1921 году была введена новая экономическая политика (нэп). Это помогло более быстрому восстановлению государственной промышленности. Но нужно было не только восстанавливать все разрушенное старое, но и строить новое.

Превратить СССР из страны аграрной в страну индустриальную. Что же было сделано под руководством Сталина за шестнадцать лет, с 1924-го, после смерти Ленина, по 1941 год? Уже первый пятилетний план 1929—1933 годов принес огромные успехи.

Была создана первоклассная тяжелая индустрия. Были построены такие крупные промышленные предприятия, как Магнитогорский металлургический комбинат. Был построен один из первенцев пятилетки, гигант тяжелого машиностроения Уралмаш. Была построена мощная Днепровская ГЭС. Было завершено грандиозное строительство Турксиба. Эта дорога имела огромное хозяйственно-политическое значение. Она соединила два обширных и богатых района — Сибирь и Среднюю Азию. Возникали новые заводы и шахты. В безлюдных ранее местах вырастали новые города. Комсомольск-на-Амуре, построенный в 1933 году руками молодежи, стал крупным индустриальным центром Дальнего Востока.

Все были охвачены единым порывом, работали с огромным энтузиазмом. Вспомним имена героев пятилеток — Изотова, Стаханова в угольной промышленности, Кривоноса на железнодорожном транспорте, Виноградову в текстильной промышленности, Ангелину и Демченко в сельском хозяйстве. В первой пятилетке была также проведена коллективизация сельского хозяйства и ликвидирована безработица.

Во второй пятилетке, в 1933—1937 годах, развернулось грандиозное школьное строительство и началась подготовка к созданию военной мощи нашей страны.

Но мирному строительству молодой Советской республики мешали враги, находящиеся внутри страны.

В годы первой пятилетки была разоблачена и понесла наказание крупная вредительская организация под названием «Промпартия», которая устраивала диверсии на советских предприятиях: выводила из строя шахты, действовала на транспорте, в нефтяной промышленности и, кроме этого, передавала за рубеж шпионские сведения о состоянии советской авиационной промышленности, о строительстве аэродромов, о работе транспорта. Финансировала эту организацию, возглавляемую директором Московского теплотехнического института, крупным русским ученым Рамзиным, международная организация миллионеров царской России «Торгпром». Второй вредительской организацией, которая также устраивала диверсии и занималась шпионажем в СССР, была московская контора английского электропромышленного предприятия «Метро-Викнерс», которая действовала по заданию Интеллидженс сервис, при помощи русских сотрудников предприятия, завербованных английской разведкой.

В 1931 году был раскрыт заговор меньшевиков, которые также сотрудничали с Промпартией.

К концу второй пятилетки были окончательно разгромлены и ликвидированы троцкистские организации.

Довести до конца третий пятилетний план, рассчитанный на развитие машиностроения, металлургии, электроэнергии, химической промышленности и топлива, помешала война. Но, несмотря на все трудности и происки врагов, страна победно шла вперед. Был создан мощный воздушный флот. Вспомним героический

подвиг летчика Б. Чухновского, снявшего с льдины потерпевший аварию экипаж Нобеля в 1928 году.

Вспомним беспримерные перелеты через Северный полюс наших прославленных летчиков Чкалова, Байдукова, Белякова, Громова, Юмашева, Данилина в 1937 году. Вспомним мировые рекорды В. Коккинаки, а мировые достижения наших девушек-летчиц!

В эти же годы началось интенсивное освоение Арктики.

Вспомним легендарный дрейфлагерь Папанина в 1937 году, за которым с волнением и восхищением следил весь мир.

Вспомним героев-челюскинцев, седовцев. Много хорошего было сделано за эти шестнадцать лет. Много было создано жизненно необходимого для народа, для процветания и укрепления страны.

Много было совершено подвигов, прославивших нашу страну. И мы сумели вырастить чудесное поколение молодежи, мужественной, честной, стойкой, преданной своей Родине, молодежи, которая совершала неслыханные чудеса героизма во время войны, нашествия фашистов на нашу страну. Имена героев Отечественной войны будут вечно живы, подвиги их не забудутся никогда.

Не надо забывать, что и научная база для совершения космических полетов была также заложена в эти годы.

Вероломное нападение Германии, только что заключившей с нами мирный договор, до известной степени застало нас врасплох, но, несмотря на это, с первых же дней войны мы смогли оказывать врагу серьезное сопротивление. В первых же боях гитлеровцы понесли огромные потери.

Весь народ поднялся на защиту Родины. По призыву Сталина в тылу врага были организованы многочис-

ленные партизанские отряды, наносившие неожиданные удары по врагу и создавшие невыносимо тревожную обстановку в тылу у немцев. Но армию надо было не только вооружить, но и одеть и накормить.

В эту страшную снежную зиму 1941/42 года, с жестокими морозами, наша армия была тепло одета, тепло обута и сытно накормлена.

Медицинское обслуживание армии было также на высоком уровне. Медицинская помощь как на передовых рубежах, так и в тылу, быстрая и своевременная госпитализация спасли жизнь многим бойцам. Работа тыла по снабжению армии всем необходимым, что также чрезвычайно важно, была безукоризненна.

Надо учесть, что много складов боеприпасов находилось на территории Белоруссии и в первые же дни войны они попали в руки врагу. Такое размещение военных складов на территории, близкой к границе, и спланированное по распоряжению военного командования нельзя не заподозрить в преднамеренности. Вот тут уместно вспомнить о заговоре военных, о котором говорилось выше.

Несмотря на все это, если мы и отступали, то оказывали при этом упорное сопротивление, нанося противнику огромный урон. А ценой каких потерь ему удалось подойти к Москве? Возможно ли все это, если бы мы не были подготовлены к войне? А как объяснить, что мы сумели отстоять сердце страны — Москву, которая оказалась почти недоступной для вражеской авиации? Заградительный огонь на подступах к Москве был создан по инициативе т. Сталина. Мне могут возразить, что мы тоже имели союзников в лице Англии и Америки, которые помогали нам вооружением. Да, конечно, мы имели от них помощь, но все же перелом в войне наступил тогда, когда наши военные заводы, эвакуированные в самом начале войны на восток, стали давать нам в огром-

ном количестве танки, пушки, самолеты. А первую помощь от наших союзников мы начали получать только в октябре 1941 года.

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

Мне вспоминается один эпизод, случившийся в первые дни войны, который, безусловно, характерен для Сталина и опровергает утверждение о его грубости и бессердечности в отношении окружающих и подчиненных. Не помню, какого числа, но, во всяком случае, в первую же неделю войны, на третий или четвертый день, была объявлена воздушная тревога. Население было уже подготовлено, и все без паники укрылись в убежище. Но факт сам по себе был неприятный. В первые же дни войны врагу удалось прорваться к сердцу страны — Москве. Утром населению было объявлено, что была учебная тревога с целью подготовки жителей столицы к укрытию в убежищах.

Что же произошло на самом деле? Оказалось, что наш заградогонь, охранявший подступы к столице, принял свои самолеты за вражеские и открыл по ним огонь. Была объявлена воздушная тревога. Потом все это быстро выяснилось и был дан отбой.

Узнав об этом, Сталин тут же вызвал помощника командующего войсками Московского военного округа по ПВО Громадина М. С. Легко представить себе самочувствие Громадина. Ошибка была серьезной, и надо было давать объяснения самому Сталину. Что, кроме заслуженного наказания, мог ожидать он от этой встречи? Но все его опасения жестокого разгона оказались напрасными. Сталин принял его приветливо и тепло, расспросил его обо всем, поинтересовался, где он учился, что закончил, и в заключение сказал: «Вы уж постарайтесь больше не

ошибаться и помните, что сейчас идет война и ошибки могут привести к тяжелым последствиям».

Вышел Громадин от Сталина и облегченно вздохнул, откровенно признавшись, что такого внимательного и теплого отношения к себе после совершенной ошибки он никак не ожидал.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ 6 НОЯБРЯ 1941 ГОДА

За несколько дней до ноябрьских праздников в 1941 году т. Сталин вызвал меня и сказал, что надо подготовить помещение станции метро «Маяковская» для проведения Торжественного заседания.

Времени было очень мало, я сейчас же позвонил заместителю председателя Моссовета Яснову и договорился поехать вместе с ним на площадь Маяковского. Приехав и осмотрев станцию метро, мы составили план. Надо было построить сцену, достать кресла, устроить комнату отдыха для президиума и организовать концерт. Все это мы быстро организовали, и в назначенное время зал был готов. Спускаясь по эскалатору на Торжественное заседание, т. Сталин посмотрел на меня (я был одет в бекешу и папаху) и сказал: «Вот у тебя на папахе звезда, а у меня ее нет. Все-таки, знаешь, неудобно — главнокомандующий, а одет не по форме, и на фуражке даже нет звезды, ты уж достань мне, пожалуйста, звезду».

Когда т. Сталин уезжал домой после заседания, на его фуражке блестела звезда. В этой фуражке и в простой шинели без каких-либо знаков отличия он выступал на историческом параде 7 ноября 1941 года. Мне удалось его удачно сфотографировать, и эта фотография была распространена в большом количестве. Бойцы прикрепляли ее на танки и со словами: «За Родину!

За Сталина!» — шли в ожесточенные атаки. Но это я забежал вперед.

Торжественное заседание открыл председатель Моссовета Пронин В. П. На заседании присутствовали секретари райкомов, исполкомов, военные представители и представители общественности. С докладом выступил т. Сталин. Говорил он долго, думаю, не меньше часа, но точно не помню.

Тов. Сталин не был прирожденным оратором, говорил он тихо, но излагал свои мысли необыкновенно просто и доходчиво.

Тов. Сталин говорил о ходе войны за истекшие месяцы, о причинах временных неудач и о неизбежном разгроме гитлеровских полчищ. Закончил он свой доклад словами: «Наше дело правое — победа будет за нами!» Он никогда не сомневался в нашей победе над врагом.

После доклада был перерыв, а затем начался концерт с участием ведущих артистов тех театров, которые работали в Москве во время войны. Из Куйбышева для участия в концерте были также вызваны Козловский и Михайлов, которые выступили с большим успехом и в заключение по моему предложению исполнили веселый дуэт «Яр хмель», который внес в концерт искру веселья. После окончания концерта т. Сталин поехал в Кремль, где у себя в кабинете провел заседание с членами Политбюро. На этом заседании также присутствовал начальник Главного управления тыла Красной Армии генерал Хрулев А. В. После заседания был ужин, затем все разъехались.

Тов. Сталин прилег отдохнуть. Спал он вообще очень мало, а во время войны иногда и совсем не ложился, приляжет днем часа на два и то просит Поскребышева разбудить его при малейшей необходимости.

ПАРАД 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА

7 ноября на Красной площади, как обычно, был назначен парад. Были приняты все меры для обеспечения безопасности и порядка, но все же риск был велик.

Утром 7 ноября т. Сталин встал очень рано. Было еще темно, на улице бушевала метель, нанося огромные сугробы снега. Я проводил его на Красную площадь ровно в 8 часов, т. Сталин и руководители партии и правительства поднялись на Мавзолей. Под бой часов из Спасских ворот на горячем коне появился принимающий парад Маршал Советского Союза т. Буденный.

Парад начался. Объезжая войска и поздравляя их с праздником, т. Буденный слышал в ответ такое горячее и дружное «ура!», что я увидел, как прояснилось лицо у т. Сталина, каким оно стало радостным и довольным.

Стараясь стоять всегда на виду у Сталина, чтобы он мог в любую минуту позвать меня, я сам не спускал с него глаз. И действительно, я ему понадобился. Надо сказать, что перед парадом была договоренность передавать парад по радио только по площадям Москвы. Подозвав меня, т. Сталин спросил, нельзя ли сделать так, чтобы передать Красную площадь в эфир, то есть чтобы парад на Красной площади слышал весь мир.

Я спустился вниз, в Мавзолей, где у меня дежурил начальник отдела связи т. Потапов, там же находился министр связи, и передал им желание т. Сталина. Получив в ответ: «Все будет обеспечено», — я вернулся, чтобы доложить об этом т. Сталину. Он уже начал свое историческое выступление. Я обратился к Молотову, который стоял рядом, и сказал громко, чтобы слышал т. Сталин:

— Красная площадь вышла в эфир!

Исторический парад 7 ноября 1941 года на Красной площади и выступление Сталина сыграли огром-

ную роль в ходе войны. Он поднял дух в войсках, укрепил веру в победу и воодушевил народ на новые подвиги как на фронте, так и в тылу.

Проведение традиционного парада в Москве, когда враг стоял в 30 км от столицы и Гитлер заранее праздновал победу, показало бесстрашие русского народа перед врагом, его решимость защищаться до последней капли крови. «Стоять насмерть» было девизом каждого советского воина, оборонявшего подступы к Москве», — писал маршал Рокоссовский. Ярким примером этому служит легендарный подвиг героев-панфиловцев.

В декабре 1941 года наши войска перешли в наступление. Разгром немецких дивизий под Москвой развеял миф о непобедимости гитлеровских армий.

Сталин всегда был абсолютно твердо уверен в победе. Слова, сказанные им на Торжественном заседании 6 ноября 1941 года: «Наше дело правое — победа будет за нами!» — стали лозунгом. Народ верил ему и любил его. С его именем шли в бой, побеждали и умирали. Пусть ценой больших потерь, в такой войне они неизбежны, он привел страну к победе.

И как неотделим образ Кутузова от героев Отечественной войны 1812 года, так нельзя отделить образ Сталина от героев Отечественной войны 1941—1945 годов.

ТЕГЕРАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. 28 НОЯБРЯ — 1 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА

Сопровождал я т. Сталина и на конференции руководителей трех держав в Тегеран, Ялту и Потсдам.

Подготовка к проведению этих конференций была поручена возглавляемому мною Главному управлению охраны. Оно обеспечивало личную охрану, помещения

и транспорт. Во время конференции в Тегеране Главное управление охраны обеспечивало не только советскую делегацию, но и американскую, так как президент Рузвельт и сопровождавшие его лица имели резиденцию на территории нашего посольства.

На конференции в Тегеране, которая состоялась в конце ноября 1943 года, с 28 ноября по 1 декабря, кроме т. Сталина присутствовали Молотов, Ворошилов и начальник Оперативного управления Генштаба Штеменко.

Остановилась наша делегация в советском посольстве, которое занимало большую территорию с хорошим парком, где находилось несколько зданий, окруженных прочной оградой.

Английское посольство, где остановился премьерминистр Черчилль, находилось поблизости, а вот американское посольство находилось на другом конце города. Чтобы добраться до него, нужно было проехать большое расстояние по улицам Тегерана. Все это таило в себе много опасностей. Шпионов в то время собралось в Тегеране немало. И как нам стало известно, готовилось даже покушение на Рузвельта. Сталин предупредил об этом Рузвельта и предложил ему приехать в наше посольство.

Рузвельт согласился.

И для него, и для нас, и для англичан это было гораздо удобнее, так как избавляло всех от опасных поездок по городу.

За время пребывания в Тегеране т. Сталин нанес визит шаху Ирана Мохаммеду Реза Пехлеви в его поистине сказочном хрустальном дворце. Эту встречу мне лично удалось запечатлеть на фотографии.

30 ноября Черчиллю исполнилось 69 лет. По этому случаю в английском посольстве был устроен торжест-

венный прием, на котором присутствовал т. Сталин. На приеме было много гостей, было произнесено много тостов, и был, конечно, традиционный пирог с 69-ю зажженными свечами.

Торжественной была церемония вручения меча от имени английского короля Георга VI жителям героического Сталинграда. Приняв от Черчилля меч, Сталин вынул его из ножен и поцеловал. Поблагодарив за подарок, Сталин подошел к Рузвельту и показал ему меч. Сталин вообще очень внимательно и тепло относился к Рузвельту, ценя, видимо, в нем ту искренность и доброжелательность, которую он проявил в течение всех переговоров.

Однажды во время обеда, который проходил в советском посольстве, Рузвельт похвалил советское шампанское, которое ему очень понравилось. Запомнив это, Сталин после обеда поручил мне тут же отправить Рузвельту ящик шампанского.

На Тегеранской конференции мне снова пришлось выступить в роли фотокорреспондента. Вместе с другими фотокорами я заснял Большую тройку, которая специально позировала для печати. Фотографии получились очень удачные и были напечатаны в советских газетах.

2 декабря мы покинули Тегеран и благополучно вернулись в Москву. Много волнений пришлось испытать мне во время поездки. И во время перелета, и во время пребывания на чужой территории в такое тревожное время. Но и много радости и гордости испытал я за свою страну и ее вождя, видя, с каким увлечением и вниманием прислушивались к словам и мнению т. Сталина Рузвельт и Черчилль, как мудро и тактично держался т. Сталин во время этих трудных переговоров.

Да, велик был его авторитет.

КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. 4—11 ФЕВРАЛЯ 1945 ГОДА

Во время Крымской конференции, которая проходила в феврале 1945 года в Ялте, Главное управление охраны обеспечивало всем необходимым все три делегации. Много трудов было положено на то, чтобы привести в порядок помещения, дороги, наладить телефонную связь. Крым немало пострадал от врага, который разрушал все подряд.

Все три делегации были размещены следующим образом.

Делегация США, возглавляемая президентом Рузвельтом, — в бывшем Ливадийском дворце в Ялте.

Английская делегация, возглавляемая премьер-министром Черчиллем, — в бывшем Воронцовском дворце в Алупке. Советская делегация во главе с т. Сталиным — в Кореизе, в бывшем дворце Юсупова.

Все заседания решено было проводить в Ливадийском дворце, так как президенту Рузвельту по болезни тяжело было совершать какие-либо переезды. За два года, которые прошли со дня Тегеранской конференции, Рузвельт сильно изменился. Он очень похудел и осунулся, чувствовалось, что он серьезно болен, но, несмотря на это, он был так же приветлив, оживлен и доброжелателен.

На конференции в Крыму присутствовали министры иностранных дел, начальники штабов и другие советники. Кроме них были секретари, охрана, летный состав, обслуживающий персонал. Обо всех надо было подумать, всех обеспечить питанием, транспортом и всем необходимым. Нужно было организовать приемы, завтраки, обеды.

У американцев и англичан принято на всех приемах подавать крошечные бутерброды-сандвичи.

Хотя время было еще военное и с продуктами были трудности, я решил принимать гостей по русскому обычаю хлебосольно и распорядился, чтобы бутерброды приготовили большие, такие, как у нас принято, густо намазанные маслом, икрой, чтобы ветчины или рыбы лежал солидный кусок. И официанток подобрал рослых, румяных девушек. Успех моих бутербродов превзошел все ожидания.

Крымская конференция продолжалась в течение восьми дней.

При подписании коммюнике у т. Сталина что-то случилось с авторучкой. Он обратился ко мне. Я дал ему свою авторучку, которой и был подписан этот исторический документ. Эту ручку я храню как память об этом знаменательном дне.

БЕРЛИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. 17 ИЮЛЯ — 2 АВГУСТА 1945 ГОДА

После победного окончания войны состоялась третья встреча глав правительств трех великих держав.

Берлинская конференция проходила в Потсдаме с 17 июля по 2 августа 1945 года. Но, к сожалению, Рузвельт уже не присутствовал на этой конференции, американскую делегацию возглавлял новый президент США Гарри Трумэн.

На этой конференции присутствовали министры иностранных дел трех стран — Молотов, Бирне и с английской стороны Идеи, а также начальники штабов и другие советники. Для подготовки к проведению конференции мне пришлось заранее вылететь в Потсдам.

Подготовку к этой конференции я проводил совместно с министром внутренних дел. Он отвечал только за подготовку помещения, а я за общий зал заседания и охрану.

17 июля 1945 года состоялось первое заседание. Заседания проходили в Бабельсбергском дворце Сесилиан-Ход недалеко от Потсдама. Жили мы в Бабельсберге.

После девяти заседаний конференция была прервана на два дня, так как в Англии в это время проходили выборы и на последующих заседаниях в качестве премьер-министра Англии вместо Черчилля присутствовал вновь избранный премьер-министр господин Климент Эттли и вместо Идена новый министр иностранных дел Э. Бевин.

Решая сложнейшие вопросы, вынося важнейшие решения, будучи все время предельно внимателен на всех ежедневных заседаниях и, безусловно, уставая, т. Сталин оставался по-прежнему внимательным и любезным к окружающим. Узнав, что президент Трумэн любит музыку, он распорядился вызвать в Потсдам Эмиля Гилельса, и на очередном приеме, который состоялся в резиденции Сталина и на котором присутствовал Трумэн, выступил прославленный пианист, доставив всем присутствующим огромное удовольствие.

Все три конференции прошли безупречно, никаких недоразумений и неприятных происшествий не было. Вся охрана, весь командный и офицерский состав, обслуживающий персонал и лично я были награждены орденами.

За конференцию в Тегеране я был награжден орденом Ленина. За Крымскую конференцию — орденом Кутузова I степени. За Потсдамскую конференцию — орденом Ленина.

ПОБЕДА

В течение всей войны И. В. напряженно работал, радуясь успехам и тяжело переживая неудачи, внимательно следя за тем, что происходило на фронтах, вникая во все мелочи.

Имея огромный жизненный опыт, прекрасно разбираясь в вопросах стратегии, на совещаниях он всегда прислушивался к мнению других и всегда ценил инициативу. Он обладал великолепной памятью, чем часто просто поражал меня, да и не только меня. Многие удивлялись его феноменальной памяти.

Во время войны т. Сталин выезжал на фронт, но я его не сопровождал из конспиративных соображений. Считалось, что если Власик в Москве, то и Сталин в Москве.

Наблюдая за ним в эти трудные годы, я поражался его работоспособности. Как я уже говорил, он очень мало спал, напряжение было огромное, а годы у него были уже немолодые, все это не могло не отразиться в дальнейшем на его здоровье и нервах.

Нелегкой была и поездка на конференцию в Тегеран в самый разгар войны, когда наши армии, истекая кровью, один на один сражались с фашистскими полчищами, а обещанное открытие второго фронта все откладывалось.

Несмотря на все трудности, особенно в первые месяцы войны, Сталин никогда не сомневался в победе.

Накануне праздника 7 ноября 1941 года, узнав, что я отправил его библиотеку в Куйбышев, он с твердой уверенностью сказал:

— Напрасно ты это сделал. Москву мы никогда не отдадим!

Помню, как меня обрадовали его слова, как подняли настроение. Ведь враг был на подступах к Москве, но

наш вождь был предан своему делу, он отдавал ему все силы, не жалея себя. И все усилия и труды не пропали даром.

Враг был разбит. Мы победили.

ПАРАД ПОБЕДЫ

2 мая был взят Берлин и советское знамя развевалось над зданием рейхстага.

8 мая Германия подписала акт о капитуляции.

Ликовала страна, ликовала Москва. На улицах Москвы царило необыкновенное оживление.

Красная площадь была заполнена народом. Военных обнимали, целовали, даже качали. Радость и гордость переполняли сердца людей. Маршала Рокоссовского, который в один из этих дней был на концерте в зале Чайковского, вынесли на руках.

9 мая 1945 года было объявлено праздником — Днем Победы. А 24 июня на Красной площади состоялся Парад Победы. В параде участвовали сводные полки всех фронтов во главе с командующими фронтами.

Прекрасен, неповторим был этот парад. Великолепен был выезд из Спасских ворот Кремля принимающего парад маршала Жукова на белом коне. Под опытным кавалеристом, командующим парадом маршалом Рокоссовским был вороной конь. Лил проливной дождь, но никто не обращал на него внимания. Ничто, кажется, не могло испортить того радостного, приподнятого настроения, которое царило в этот день на Красной площади. Да, такого парада Москва не видела никогда. Сколько прославленных полководцев, сколько героев, сколько овеянных боевой славой знамен увидели присутствующие на параде. Но самым волнующим был момент, когда замолк оркестр и в наступившей тишине под резкую барабанную дробь вражеские знамена были брошены к ногам победителей. Их было много, грудой лежали они перед Мавзолеем. Они попали на Красную площадь, как мечтали их полководцы, но это был поверженный враг у стен Кремля.

На другой день, 25 июня, в Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь участников парада.

TOCT

Можно ли обвинять Сталина в зазнайстве, в приписывании себе всех успехов в победе, если вспомнить тост, произнесенный им на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. Сталин поднял тост за советский народ, и прежде всего за русский народ. За народ, у которого ясный ум, стойкий характер и терпение.

Сталин сказал в своем тосте: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, но русский народ верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа... оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества— над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа!» — закончил Сталин свой тост.

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

После смерти Сталина появились такие выражения, как «культ личности», и «это было в период культа лич-

ности». Выражения эти надо понимать так, что в этот период творились беззакония. Власти делали, что хотели, ни с кем и ни с чем не считаясь. Так ли это?

В 1930-е годы было раскрыто несколько заговоров, о которых уже упоминалось, прошел процесс Ягоды.

Врагами народа был убит Киров. От рук врагов погибли Менжинский, Куйбышев, сын Горького Максим. Все эти злодеяния врагов советской власти не могли не вызвать волны арестов. Враг не действовал в одиночку, он имел сообщников. Все аресты происходили в рамках закона.

Что значит само слово «культ»? Поклонение, чрезвычайное уважение. Если человек-руководитель своими делами заслуживает любовь и уважение окружающих, что в этом дурного? Если любовь и уважение чрезмерны, это перерастает в культ. Но не надо забывать, что нельзя навязать народу любовь к кому-либо, заставить его поклоняться кому-либо, это может быть только по воле самого народа, никакая агитация, никакая реклама не сможет внушить народу любовь и уважение к кому-либо, будь то государственный деятель или артист. Народ любил и уважал Сталина. Он олицетворял собой страну, которую вел к процветанию и победам. Под его руководством было сделано немало хорошего, и народ это видел. Он пользовался огромным авторитетом. Я знал его очень близко, знал его достоинства и недостатки, и я утверждаю, что он жил только интересами страны, интересами своего народа. Личной жизни у него не было! Я не считаю, что этот культ, о котором сейчас так много говорят, причинил большой вред нашей стране.

На Кубе народ очень любит своего вождя и руководителя Ф. Кастро. Он заслужил эту любовь. Он много сделал и делает для народа. Если жители на своих домах

пишут: «Это твой дом, Фидель», — разве это не похоже на культ? А что в этом плохого?

Наши солдаты шли в бой с возгласом: «За Родину, за Сталина!» Они не отделяли его от Родины, а разве их учили этому, внушали это? Нет, все это возникало стихийно и помогло побеждать.

Я на себе испытал обаяние этого человека. Я верил ему, любил его и был безгранично ему предан. В любую минуту я готов был отдать жизнь за него. Меня же никто на это не агитировал. Он для меня олицетворял и партию, и народ.

Он пользовался любовью, уважением и огромным авторитетом не только в своей стране, но и во всем мире. Легко обвинить человека, когда он мертв и не может ни оправдаться, ни защититься. Почему же при жизни никто не решился указать ему на его ошибки? Что же мешало? Страх? Или не было этих ошибок, на которые надо было указывать? Уж на что был грозен царь Иван, а находились люди, которые, не боясь смерти, указывали ему на его ошибки. Или перевелись на Руси смелые люди? Нет, война показала, что Сусанины не перевелись на Русской земле. Молодежь, ничего в жизни еще не успевшая испытать, не задумываясь отдавала жизнь за Родину, закрывая своей грудью вражеские дзоты.

Так в чем же дело?

Долгое время все молчали и никто не решался опровергнуть хотя бы одно обвинение, выдвинутое против умершего. И только спустя тринадцать лет начали появляться робкие попытки оправдания. Критикуя руководство Сталина, утверждали, что он руководил военными действиями по глобусу.

Адмирал Кузнецов Н. Г. в своей книге «Накануне» (1966) решился опровергнуть это утверждение: «Совершенно неверно злобное утверждение, будто бы он по глобусу оценивал обстановку и принимал решения.

Я мог бы привести много примеров, как Сталин, уточняя с военачальниками положение на фронтах, знал, когда нужно, вплоть до положения каждого полка». В газете «Красная звезда» от 30 мая 1967 года в статье «Мемуарист и история» генерал-майор Жилин и полковник Макаров написали: «Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, проявляя большую твердость, руководил военными действиями в целом правильно и имел немало заслуг в этой области».

Эти робкие попытки послужили началом благородного дела реабилитации вождя. Я не теряю веры в то, что правда восторжествует.

Часть 2

СТАЛИН ВЕРИЛ ЕМУ БЕЗГРАНИЧНО...

OT ABTOPA

Недалеко от метро «Белорусская» в небольшой двухкомнатной квартирке живет Надежда Николаевна Власик-Михайлова — дочь Николая Сидоровича (или Сергеевича, как было записано в паспорте) Власика. Я загорелся большим желанием непременно встретиться с ней и записать ее непредвзятые детские и семейно-бытовые воспоминания об отце. Наша встреча состоялась у нее дома. Это был неторопливый и душевный разговор о прошлом и самом дорогом в ее жизни. А начался он, по обыкновению, с ее детства и юности, с первых впечатлений ребенка, пришедшего в наш жестокий и несовершенный мир.

[—] Жизнь моя началась в Белоруссии, в той же деревне, где родился Николай Сергеевич Власик — мой родной дядюшка, а не кровный отец. Я появилась на свет первого августа 1935 года пятым ребенком в семье Ольги Власик, родной сестры Николая Сергеевича, которая была младше его всего на два-три года. И когда в декабре тридцать девятого он приехал к нам со своей женой в деревню, то взял меня и навсегда увез в Москву. Так что с сорокового года я — москвичка.

[—] Как я понимаю, он удочерил вас?

- Да. Но не сразу. Сначала он просто взял меня в Москву подкормить, потому что мы жили очень бедно, нас было пятеро полуголодных детей. Это было в год присоединения Западной Белоруссии. Николай Сергеевич нам все время помогал, и, когда у него появилась возможность, он приехал и увидел меня, самую маленькую и худенькую в семье. Ведь мне тогда было всего четыре года. А поскольку своих детей у него не было, хотя он и был женат уже третьим браком, то как-то очень быстро привык ко мне и попросил разрешения у моих родителей удочерить меня. Они согласились, и он записал меня на свою фамилию и свое отчество. Так у меня стало две мамы и два папы. Это было в сороковом.
- Наверное, в том, что Николай Сергеевич решился на такой ответственный шаг, была немаловажная заслуга вашей новой мамы? Расскажите, пожалуйста, кто она, какой она была в жизни, будучи супругой такого большого человека?
- Ну, прежде всего, она была очень красивой женщиной. На тринадцать лет моложе его и, как я уже говорила, была его третьей женой. Познакомились они в тридцать первом, а поженились в тридцать втором. У них как-то интересно все получилось. Это был ее второй брак, потому что когда она познакомилась с отцом, она уже была замужем за одним инженером. Он ее очень любил, и у них было все хорошо. Но потом он уехал на Шпицберген в командировку. А когда через год вернулся, она уже была замужем за моим отцом. И она никогда в своей жизни об этом не жалела. Когда она встретила отца, она безумно влюбилась в него. У них был такой роман, такая любовь! А с разводом раньше просто было. Да и отец тогда работал в Кремле, был комиссаром, поэтому ему не составило никакого труда послать куда-то документы, и маму с первым мужем развели без звука.

- Как бы сейчас сказали, использовал служебное положение...
- Да, улыбнулась Надежда Николаевна, но это было слишком серьезно, что подтвердила вся последующая их совместная жизнь и любовь до гроба. Так что это был судьбоносный момент их жизни. А мама была шестым ребенком в семье коммерсанта, и воспитала ее родная тетя. После семнадцатого года ее отец уже был старым больным человеком, и его не тронули. Мама была весьма незаурядным человеком окончила курсы стенографии и английского языка, которым владела в совершенстве (у нее даже диплом был), но, к сожалению, в жизни это ей так и не пригодилось, и она была просто очень хорошей домашней хозяйкой.
- Вы знаете, то что ей диктовал отец перед смертью, записано на очень хорошем литературном уровне, добротно, качественно и весьма грамотно, что говорит и о ее незаурядном литературном даровании.
- Дело в том, что она всегда очень много читала и многими вещами интересовалась. Даже уже будучи в пожилом возрасте, после смерти отца, она вдруг решила изучать испанский язык, хотя уже и знала несколько иностранных языков. Но при этом она была не только интеллигентной и образованной женщиной, но и потрясающей домашней хозяйкой, горячо любившей своего мужа. А ведь отец у нас был очень взрывной и даже оригинальный в этом плане человек. Ему могло прийти в голову после работы и встречи с друзьями приехать вместе с ними к нам в дом среди ночи. И мама в любое время суток всегда была наготове, всегда одета, всегда причесана, всегда встречала с улыбкой и мигом накрывала на стол. И все у нее всегда было, и все было прекрасно. А нередко он ее брал с собой в Кремль на приемы, на банкеты, на всякие торжественные заседания...

К примеру, они были вдвоем на вечере, посвященном семидесятилетию Сталина, и она очень достойно рядом с отцом смотрелась. Достойно, так сказать, даме высшего света.

- А каким вы помните отца в свои детские годы?
- С четырех до шести лет я его мало помню. У меня сохранились только фотографии...
 - Можно взглянуть?
- Пожалуйста. Вот эта фотография сорокового года. Мы с отцом на майском параде. А это моя родная семья. Мама Ольга Сергеевна, старший брат отца Фома, тети мои Данута и Марцела. Мы же жили в Западной Белоруссии, рядом с Польшей, отсюда и польские имена. А вот это фото пятьдесят седьмого года, когда папа вернулся из ссылки и читает мне нотацию...
 - А чем он занимался после возвращения?
- Он уже старый был и больной. Ему дали гражданскую пенсию, кажется, тысячу двести рублей. И мама работала. Когда его посадили, ей уже было около пятидесяти. Она погоревала, погоревала и пошла работать чертежницей. А когда он вернулся, я уже пошла работать без отрыва от учебы в институте... А вот я маленькая на руках у одного молодого человека, протянула мне старую фотографию Надежда Николаевна. Узнаете, кто он?
 - Василий Сталин?
- Да. Это он. Светлана и Василий довольно часто приезжали к нам на дачу, и отец нас фотографировал. А до моего переезда в Москву, говорила мама, у нас часто бывал и Яша. У мамы даже фотографии с ним где-то были... А вот они!.. Мама говорила, что он таким застенчивым был! Ему как-то нужны были калоши, и он пришел к отцу и не знал, как ему сказать, чтобы ему купили калоши. Они мне так в память врезались...

- Да, очень жаль. Это был удивительно скромный и достойный человек. Самый лучший и светлый сын Сталина. А вот со Светланой и Василием вы встречались после смерти Сталина?
- Нет. Когда отец вернулся, он пытался наладить контакты с близкими Иосифа Виссарионовича, но ничего не получилось. Он общался только со своими друзьями.
- А скажите, Надежда Николаевна, правда, что Василий похоронен в Казани?
 - Я сама с бабушкой была на его могиле. А что?
- Видите ли, дело в том, что, говорят, там лежит кукла. На самом деле Василий похоронен в восемьдесят пятом году в Геленджике под именем Смехова Леонида Ивановича. На скромном могильном памятнике изображен рыжебородый мужчина, над ним самолет, какието стихи, а внизу выбито: «Сталин В. И.» Совсем рядом с могилой моей бабушки. Старожилы Геленджика рассказывали, что, когда он болел в Казани, за ним ухаживала медсестра, которая с помощью старых связей Василия сделала ему паспорт на имя Смехова Леонида Ивановича и увезла его в Геленджик. Самое интересное, что еще в шестидесятые годы, когда я заканчивал там среднюю школу, я часто видел этого человека, нередко выпивающего с простыми мужиками в скверах и на лавочках. И никто из его собутыльников даже и не догадывался, что они пьют с сыном Сталина. И вот когда я похоронил свою бабушку и брел от ее могилы, то неожиданно увидал этот примитивный памятник...
- Своими глазами? недоумевала Надежда Николаевна.
- Конечно. А сейчас на его могилу даже экскурсии отдыхающих водят!
- Поразительно! А вы знаете, что в смерти Василия, как и его отца, очень много странного и загадочного...

Помню, еще Коротич в своем «Огоньке» как-то писал о смерти Василия. Так там вообще все — сплошные загад-ки... Что поехал он в Казань с одной медсестрой Машей, там эту медсестру подменили другой Машей... Ничего не понятно! А нам рассказывали, что он там заболел воспалением легких и ему делали какие-то уколы, после чего он и скончался. Какие уколы, что за уколы? Почему он от этого умер? Все покрыто мраком...

- Но кому надо было устраивать его могилу в Геленджике?
- Знаете, ходила такая легенда, что в Казани якобы был похоронен действительно он, но потом выкрали тело. В пятьдесят восьмом году мы с бабушкой плыли на пароходе по Волге. И когда он остановился на несколько часов в Казани, мы пошли на кладбище и там видели его могилу...
 - Но в Геленджике вторая могила! Кому это надо?!
- А кому надо было, чтобы появилась легенда, что я внебрачная дочь Сталина?! не выдержала Надежда Николаевна. И она довольно долго жила! Вот это кому надо?
 - В самом деле? удивился я.
- Ну конечно. Ведь у меня в семье все блондины, отец слегка рыжеватый, родная мама, Ольга Сергеевна, прямо-таки яркая блондинка, а я брюнетка. Кто его знает? Кто мне может сейчас что-либо сказать? Родителей моих давно нет в живых. Ничего не знаю... Распространился слух, что Наташа Поскребышева, моя близкая подруга, очень похожа на Светлану Аллилуеву цветом волос и чертами лица. Но подтверждения этому, кроме разговоров, никакого нет. Вот кому это надо было?.. А легенда о моем происхождении очень сильно подпортила мне жизнь. Потому и моя личная жизнь долго не складывалась. Все как-

то побаивались меня. — Надежда Николаевна вынула еще пачку фотографий. — Вот это сорок первый год, за несколько дней до начала войны. Мы в Рублеве с Василием. А это — пятидесятый, в Барвихе, мы втроем. Мама, Мария Семеновна, папа и я. Мне пятнадцать лет. Он там раза три отдыхал, а в сорок восьмом я даже жила у него на каникулах. А это в пятьдесят седьмом. Вы посмотрите, как он страшно изменился, что они с ним сделали!..

К сожалению, в жизни так получается, что большое видится только на расстоянии, должно пройти время, прежде чем ты осознаешь, кем и чем для тебя был тот или иной человек. И вот чем больше я живу на свете, тем глубже и осознаю, какой большой и незаурядной личностью был мой отец и какая у него была интересная судьба. Когда я была еще маленькой, помню, как он приезжал домой и входил в квартиру: во френче с ромбами, с широким ремнем и портупеей, со значками на рукавах... Поест наскоро, приляжет отдохнуть минут на сорок, потом голову под кран — и снова на службу. Так что его я очень редко видела. А затем, когда начала взрослеть, стала немного понимать, что к чему, хотя отец мне никогда ничего о своей работе не рассказывал. Может, маме о чем-то говорил, но я сомневаюсь. И вот тогда мне стало понятно, почему он такой неразговорчивый. Вся его жизнь была в работе, семья всегда на втором плане. И лишь изредка ему удавалось быть с нами, да и то урывками. Так, после парада, спустившись с Мавзолея, где он всегда находился рядом с членами правительства, он приезжал к нам. Иногда ему удавалось выкроить недельку-другую, и мы уезжали куда-нибудь на юг. В Кисловодск, например. Я только теперь понимаю, каково было маме быть женой такого человека...

То, что он был прекрасным организатором и обладал этим незаурядным даром, рассказывали близкие друзья отца после его смерти. Вот, например, что-то не ладится. Он приезжает и — одного прищучил, другому хвост накрутил, третьего поощрил — и пошло как по маслу! Да и подчиненные его очень любили. В моей жизни было два случая, когда люди, работавшие с ним, мне здорово помогли. Один раз даже в институт поступить!

- Неужели? Как это случилось?
- Я поступала в полиграфический. Экзамен по истории. Беру билет. Первый вопрос знаю, третий знаю, а второй не вспомню... Волнуюсь. А меня лицо всегда выдавало, оно как зеркало моего состояния. Решаю, что делать... Первый отвечу, а как ко второму приступлю? А тут вдруг из-за стола экзаменаторов встает мужчина и подходит ко мне. Наклоняется и тихо спрашивает: «В чем затруднение?» «Знаете, второй вопрос никак не могу вспомнить, наверное, от волнения». И вдруг он мне говорит: «Слушай, я работал с твоим отцом», и неожиданно начинает диктовать мне ответ. Нашептал мне все. Я была потрясена. Сдала хорошо и поступила.
 - A кто он был?
- Какой-то военный. В институте я его потом не видела, я заочно училась. А во второй раз было так. Я пошла покупать пальто, и у меня украли портмоне. Хорошо, что деньги были в другом месте. Но там был паспорт. А ведь вы знаете, как сложно паспорт восстанавливать. И когда я пришла в наше отделение милиции, мне сказали, что надо заплатить штраф. И опять тут вдруг встает милиционер и говорит: «Не надо никакого штрафа, я работал с вашим отцом». Пожал мне руку, и мне тут же выдали новый паспорт. Во как! Если бы мой отец был плохим человеком или

противным начальником, разве было бы ко мне такое отношение?

- Но помимо просто человеческих качеств он был еще очень талантлив разносторонне?
- Не то слово. Это был просто самородок. За что он ни брался, все у него получалось. Судите сами, ведь он прошел жизненный путь от пастуха до генерал-лейтенанта! Возьмем его увлечение фотографией. Газета «Правда» постоянно публиковала его снимки. Помню, какой номер ни возьмешь: «Фото Н. Власика». Ведь у него дома была оборудована специальная темная комната. Все — от экспонирования и съемки до проявки, печати и глянцевания — он делал исключительно сам, без чьей-либо помощи. А каким был бильярдистом! Всех обыгрывал! И все он делал очень здорово и очень талантливо. Хотя по характеру вспыльчивым был, заводным, горячим. Но при этом очень отходчивым. Через некоторое время он вообще мог все забыть и говорить спокойно. А если ты как-то проявил себя, то мог и поощрить. Ничего за пазухой не держал...

Сталин верил отцу безгранично. Я вспоминаю сорок шестой год, когда я была еще маленькой. Тогда отца тоже временно отстранили от исполнения своих обязанностей. Это было летом, и мы всей семьей отправились на юг. Но когда подошло время отпуска Сталина, он твердо сказал: «Я без Власика никуда не поеду!» И его пришлось вызвать и возвратить на прежнюю должность. Это я очень хорошо помню...

До конца своих дней отец интересовался политикой. А когда за годдо его смерти, в шестьдесят шестом, Светлана Сталина уехала (сначала проводить тело мужаиндуса, а потом через американское посольство в Индии в США), он очень переживал, потому что она фактически родилась и выросла на его глазах...

- А скажите, Надежда Николаевна, какое в основном отношение к Светлане людей, хорошо знавших ее, подруг, близких?
- Очень негативное. А у мужчин и в Грузии особенно. И даже не потому, что она облила грязью своего отца и сменила фамилию на материнскую, хотя это, пожалуй, главное, а потому что в самой Грузии очень осуждается многомужество. А она в этом плане преуспела...
- Ну бог с ней, со Светланой. А о чем отец в последние годы своей жизни больше всего говорил?
- Как-то мы рассуждали о политике, и вдруг он неожиданно мне и говорит: «А ты знаешь, я предвижу, что у нас все закончится реставрацией капитализма!» И это шестьдесят шестой год. Я так и обомлела: «Пап, ты что? Как ты можешь так говорить?» А он и отвечает: «Попомнишь мои слова...» Так что он разбирался, что к чему...
 - А кто из его друзей бывал у вас дома?
- Отец дружил со знаменитым художником-конструктивистом Стенбергом Владимиром Августовичем и оперативным работником Сироткиным Иваном Степановичем. Разговоры со Стенбергом повлияли в дальнейшем на выбор мною профессии.

В ведении отца было много вопросов, среди которых и курирование Большого театра. Это и организация праздничных концертов, и сметы на их финансирование, и утверждение списков выступающих, — все это он визировал. Он знал всех артистов Большого театра, и поэтому многие из них часто бывали у нас дома. И я многих хорошо знала. Довольно часто к нам приезжал Сергей Яковлевич Лемешев, а Иван Семенович Козловский вообще у нас дома был своим человеком. Он приезжал к нам с аккомпаниатором Абрамом Макаровым. Иван Семенович был душой общества — веселым, остроумным,

обаятельным. Максим Дормидонтович Михайлов тоже близким был человеком. И Наталья Дмитриевна Шпиллер, и Елена Дмитриевна Кругликова, и Ольга Васильевна Лепешинская. А знаменитый танцор Михаил Габович даже мои данные проверял — я в детстве мечтала стать балериной. «Ну что, фигурка ничего, — заключил он тогда с улыбкой. — Если заняться, то, может, что-нибудь и получится!» Однако родители мне категорически запретили быть балериной. В музыкальную школу, правда, отдали, и я ее закончила вместе с десятилеткой одновременно по классу фортепиано. В доме у нас бывали известные военачальники: маршал Рокоссовский (после Парада Победы двадцать четвертого июня 1945 года.), генералы армии Хрулев, Мерецков, Антипенко, адмирал флота Кузнецов и светила науки: академики Бакулев, Скрябин, Виноградов, Егоров и другие. Семьями мы дружили с Поскребышевыми, и все выходные и праздники, если отец не был занят на работе, мы проводили с ними. Чаще — у них.

- У вашего отца были враги?
- Конечно. Серов, например, который был его смертельным врагом! Уже в шестидесятых годах отец рассказывал, что на его допросах Серов (а он в свое время метил на его место, но отец тогда крепко на ногах стоял) говорил ему прямо в глаза: «Я тебя уничтожу!» А Серов долго сидел... Его только дело Пеньковского подкосило. Говорили, что Пеньковский был его зятем. А это уже конец шестидесятых... А когда началась перестройка, вдруг появились книги с такой махровой ложью об отце, что у нас с мамой чуть ли не волосы дыбом встали. Возьмите, к примеру, автора «Тайного советника вождя» Успенского. Он там внешность отца так расписал, что мы просто диву давались: откуда у него такая желчная злоба? Кто ему это все наговорил?

«Власик, — распинался он, — это страшная личность, это человек, который был способен на самую высшую подлость, на неслыханные злодеяния...» Это ужас — какая махровая ложь и какие оскорбления! Вот так мертвого пинать! А потом еще публикация в «Военно-историческом журнале»... Мама не выдержала и написала в редакцию очень сильные и хлесткие письма. Подписалась: «Вдова Власик», — и отослала. Конечно, никакого ответа.

- Надо было в суд подать! Ведь их самих чуть где зацепишь так сразу тебе ярлык: «сталинист», «фашист». А над мертвыми глумиться это любимое занятие. Порода такая...
- Но мама это не терпела и всегда давала отпор. И я тоже Коротичу писала, этому «правозащитнику» и «демократу»...
- Ну, да черт с ними, этими коротичами, радзинскими и успенскими! Это все патология от истории и публицистики. Расскажите, пожалуйста, о последних днях жизни отца.
- Мы же с мамой до последнего часа не знали, что у него рак. Ведь он всегда кашлял, сколько я его помню. А когда вернулся из ссылки, профессор Егоров его трижды укладывал в больницу, чтобы подлечить. И вот в последний раз, когда он там лежал, он заболел воспалением легких. И на фоне пневмонии у него снова усилилась эмфизема. Его стали колоть, но уже начался абсцесс. А ведь последние два года до смерти он даже на улицу зимой не выходил страшно задыхался. Спазмы легких: довил ртом воздух и не мог продохнуть. За дватри месяца до смерти у него вообще пропал аппетит, он почти ничего не ел и стал очень быстро худеть. И вот восемнадцатого июня в восьмом часу утра он разбудил маму и попросил вызвать «скорую помощь». И пока она

целый час к нам ехала, у него пошла горлом кровь, а потом такие коричневые сгустки — куски легких. Он упал и умер.

- А где он похоронен?
- В Донском монастыре, где крематорий. Там в стене были захоронены урны маминых родителей. И вот когда отец вернулся из ссылки, родители, предвидя свой конец, купили гранитную стелу неправильной формы, установили ее там же, на территории монастыря, и перенесли туда прах бабушки и дедушки. Цветник сделали, фотографии, надписи и еще место оставили. И когда отец умер, его прах там тоже захоронили и надпись выбили, а когда мама скончалась, я сама ее урну там захоронила. Выбрала ее самую лучшую фотографию, ведь она очень красивая была, и рядом с папиной поместила. А себе место я рядом с бабушкой оставила и племяннице наказала, как все сделать...
 - А как мама умирала и что говорила?
- Вы знаете, ведь она такая поджарая, суховатая была. В восемьдесят шесть лет сама по магазинам ходила, сама себя обслуживала. И память у нее была лучше моей никакого склероза. На улице ее сбила машина, и у нее оказалась сломана шейка бедра. В таком-то возрасте. Но она была сильной воли человеком и через полтора месяца уже ходила на костылях. Я ее привезла домой. Но неожиданно у нее нарушилось кровообращение, и ее руки и ноги стали сильно отекать. А потом какие-то галлюцинации начались. И когда ей стало совсем плохо, я перевезла ее в больницу, где она умерла у меня на руках. Придя в сознание на мгновение перед концом, она сказала всего одну фразу: «Какой кошмар...» И все.

Слова матери Надежды Николаевны: «Какой кошмар!», сказанные перед смертью, можно было поставить эпиграфом к огромным кирпичам псевдосочине-

ний о Сталине, расставленным на полках книжных магазинов. Ведь в этом беззастенчивом и наглом глумлении над своей историей нет ни слова жизни и ни слова правды. Самолюбование бездарных и тщеславных графоманов, генетически обделенных нравственным сознанием! Нет внутри их Царствия Божия, потому и пинают мертвых и беззащитных. Да пропади они пропадом! И именно тогда я окончательно утвердился в мысли, что во что бы то ни стало надо сделать нормальную, человеческую, а не дьявольскую книжку о Сталине и Власике.

Часть 3

СОТРУДНИК КРЕМЛЕВСКОЙ ОХРАНЫ

OT ABTOPA

Лет десять я настойчиво обхаживал тестя своего приятеля Лаврентия Ивановича Погребного, упрашивая его поделиться воспоминаниями. Дело в том, что в 30 — 50-х годах он был ответственным работником ВЦСПС и даже занимал пост первого заместителя Николая Михайловича Шверника — одного из соратников Сталина. Однако Лаврентий Иванович наотрез отказывался от каких бы то ни было интервью. И вот мне попал в руки материал Роя Медведева, рассказывающий о матери Сталина. Читая его, я позвонил Лаврентию Ивановичу справиться о какой-то дате и был ошарашен:

- Я не знаю, о чем там пишет Рой Медведев, но я мог бы вас познакомить с очень близким родственником Сталина, который вам может рассказать в сто раз больше Роя.
- Каким?! ахнул я, лихорадочно соображая, что в моей писательской и журналистской карьере появился шанс, упустить который смерти подобно. Так фортуна улыбается далеко не каждому литератору.
- Грузины принимают без доказательств версию, высказанную Анатолием Рыбаковым в романе «Дети Арбата»: подлинным отцом Сталина был Яков Георгиевич Эгнаташвили, у которого убиралась и стирала белье Екатерина Георгиевна Джугашвили мать Иосифа. Так вот,

у того были еще дети и внуки. И один из них — Георгий Александрович Эгнаташвили, мой старый товарищ по прозвищу Бичиго. Когда я работал со Шверником, он был начальником его охраны...

- И вы меня с ним познакомите?
- Да. Но при условии, что вы не будете касаться семейной тайны. Ограничитесь его воспоминаниями о дедушке и Сталине. Ибо за последний годон здорово сдал и боится не пережить бурного потока грязи, обрушившегося на человека, которого он считает своим богом.
 - А сколько ему лет?
 - Много.
 - И все-таки?
- Я предупреждал! голос Лаврентия Ивановича стал сухим и железным. Мы говорим только один раз, как наш учитель и вождь.

Я дал писательское слово Лаврентию Ивановичу, что с величайшим человеческим тактом отнесусь к рассказам загадочного Бичиго.

В ДОМЕ НА КОТЕЛЬНИЧЕСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Именно в этом доме-крепости, густо облепленном мемориальными досками с прославленными именами, состоялась наша первая встреча с Георгием Александровичем Эгнаташвили. Когда я зашел в комнату Лаврентия Ивановича, то увидал старика, которому можно было дать от восьмидесяти до ста лет. Широкая грудь, орлиный нос и подчеркнутое чувство собственного достоинства выдавали в нем мужчину некогда волевого и крепкого. Вспомнились слова приятеля, сказанные накануне: «Ты не думай, что там какой-нибудь тщедушный старичок, он, как шкаф, дверь собой перекроет. Правда, в последние годы здорово ссутулился…» Левый глаз Ге-

оргия Александровича то и дело закрывался и слезился от катаракты (он собирался на операцию в офтальмологический центр и поэтому приехал из Тбилиси в Москву). На лацкане его большого светлого пиджака сверкал необычный значок с портретом Сталина.

— Этот значок изготовлен на «ЛОМО» к семидесятилетию Сталина. Только для членов Политбюро и почетных гостей, — удовлетворил мое любопытство Георгий Александрович сипловатым голосом с грузинским акцентом. Я от неожиданности вздрогнул, поймав в нем сталинские нотки. (Позже, когда мы отвозили старика к одной из его дочерей в другой дом на набережной, описанной Юрием Трифоновым, наш шофер Валентин Михайлович Щуренков не выдержал и воскликнул, едва захлопнулась дверца машины: «А голос точь-в-точь как у Сталина!»)

В квартире Погребного мы расположились за круглым столом... Выпили по рюмочке коньяка. Помолчали. Старые солдаты империи, Эгнаташвили и Погребной будто выжидали, словно оценивая ситуацию. Наконец Георгий Александрович обратился ко мне:

— Я вас совсем не знаю. Никогда ни с одним писателем, журналистом не говорил. Но то, во что сейчас превратили Сталина, не дает мне возможности спокойно умереть. Я решил рассказать все, что о нем знаю и слышал от близких ему людей. Я хочу объективности и истины. Только предупреждаю: для меня Сталин — мой бог. Я умру с этим. И я счастлив, что был рядом с ним. Пусть пылинкой, ничего для него не значащей, но это мое Счастье! Он — высшая ценность моей жизни, и воспоминания о нем — мое самое сокровенное и святое. Если вы мне дадите слово мужчины, что ничем не обидите мою святыню, ни в разговоре, ни на бумаге, я буду говорить. Расскажу все, что знаю, и вы так и напишете!

Две пары суровых глаз пригвоздили меня к стулу. Никогда я не давал подобных клятв. Но раз старик этого хотел — я дал ему слово мужчины. Он облегченно вздохнул и пригубил рюмку. Лаврентий Иванович неожиданно расцвел.

- Давай, Бичиго, вспоминай. А то память наша уже ни к черту, обнял он старого товарища. Мы же с тобой больше пятидесяти лет друзья.
- Да... Мы буквально перед вашим приходом телевизор с Лаврентием смотрели. Там какой-то журналист заявляет, что победа над путчистами в августе 1991 года была не менее грандиозна, чем победа советского народа в Великой Отечественной войне. Мы даже телевизор выключили. Как это можно превратиться в такую проститутку, чтобы ляпнуть такую чушь?! Что наделала эта шпана! Нас превратили в несчастную страну, нищую и холуйскую... Такое беспредельное самоунижение и раболепство, что, поверьте мне, жить не хочется. Что стало с великим народом... горько посетовал он. Эх, был бы жив Сталин!..
- Последнее время как-то перестали активно говорить о Сталине в печати. Ничего существенного. Может быть, у вас в Грузии появились интересные публикации?
- У нас на родине мало объективных материалов о нем. Да и, откровенно говоря, я там мало читаю. Ведь сейчас в Грузии такое творится, чего я и в мыслях не допускал, что грузины на такое способны. Все-таки грузины испокон веков терпимо относились к людям других национальностей. А теперь совсем с ума сошли...
- Конечно, Сталин никогда бы не допустил такого братоубийства. Уж кто-кто, а Иосиф Виссарионович блестяще знал психологию людей самых разных национальностей. Вспомним хотя бы сорок первый. Сразу после фашистского вторжения он приказал открыть церк-

ви, грянула из репродукторов песня: «...народная, священная война...»

- В конце декабря 1941-го начале 1942 года я был в Англии. И как раз в это время в Москве Сталин принял главу Русской Православной Церкви. Так вы не можете себе представить реакцию англичан на это событие! Это трудно передать. Вдруг Сталин принимает Патриарха! И если кто-то в Англии и относился с недоверием к СССР, все тут же повернулись к нам лицом. Конечно, все это надо было делать и все использовать. А возьмите хотя бы эвакуацию слона из Московского зоопарка. Слона! Надо же было догадаться! В такую тяжелую минуту, когда вся страна только и думает о том, удержимся ли мы еще месяц или хотя бы неделю, Сталин вдруг эвакуирует слона! И в эти же дни собирает автоконструкторов и обсуждает с ними проект конструкции нового комфортабельного легкового автомобиля! Значит, государство не думает о смерти, а намеревается выжить и победить! Ваши слова мне вдруг напомнили эти эпизоды: и реакцию в Англии на прием Патриарха, и слона, и собрание конструкторов... Можно ненавидеть человека — и самого большого и самого великого, — но нельзя не быть объективным...
- A что вы делали в Англии в декабре сорок первого?
- Я был в составе делегации советских профсоюзов в качестве секретаря Николая Михайловича Шверника. Нас принимал Черчилль, у меня даже фотография есть, где мы сидим с ним за одним столом. Георгий Александрович достал из папки большой плотный фотоотпечаток и положил передо мной. Случай, который я вам сейчас расскажу, говорит об огромном международном авторитете Сталина. А дело было так. Сталин обращается к Черчиллю: «Слушай, вооружение и боеприпасы, которые ты мне обещал, почему не присылаешь?»

А Черчилль отвечает: «Как я могу тебе это прислать, когда у меня несколько военных заводов бастует: троцкисты себе политический капитал делают!» Сталин: «Слушай, я тебе помогу, твои рабочие будут работать». А четырнадцатого декабря к нам как раз приехал министр иностранных дел Великобритании Антони Иден. Он отметился в верхах, побывал на фронте, прояснил ситуацию: выдюжим ли мы с немцами и не попадет ли английское оружие при его отправке в СССР Германии?

Я в тот день был со Шверником в Совете Народных Комиссаров. Он там по совместительству заместителем Председателя Совнаркома работал. Вот Лаврентий помогал ему готовить документы, Николай Михайлович их проверял, визировал и отправлял на подпись Сталину. В тот день Сталин вызвал Шверника и сказал: «Собирай делегацию и поедешь в Англию вместе с Иденом на его военном корабле, что стоит в Мурманске. Только, Шверник, ты там не вздумай за коммунизм агитировать!».

И вот двадцать второго декабря Антони Идеи выехал спецпоездом из Москвы в Мурманск. Вместе с ним Шверник со своей делегацией. Нас было тринадцать человек, включая двух женщин: секретаря ВЦСПС Николаеву и председателя ЦК профсоюзов текстильщиков Малькову. Но в Мурманске вышел казус. Англичане вдруг заявили, что Николаеву и Малькову не возьмут, потому что у них есть положение, согласно которому женщины не могут ступить ногой на военный корабль. Спас ситуацию Иван Михайлович Майский, наш посол в Лондоне. Он предъявил английским властям следующий факт: на один из военных крейсеров взошла на борт особа королевской семьи, чтобы поприветствовать матросов. Таким образом, он поставил вопрос ребром: почему английским женщинам можно находиться на военных кораблях, а нашим нельзя?! Что это, дискриминация?! Англичанам деваться было некуда, и мы поехали...

Прибыв в Лондон, мы целый месяц разъезжали по заводам Англии, изготовлявшим вооружение. Куда бы мы ни приехали, картина была одна: на территории завода, в парке или на улице сооружалась маленькая трибуна и на нее взбирался Шверник. Он говорил не более десяти — пятнадцати минут, его речь сводилась к следующему: товарищ Сталин просил передать британскому рабочему классу несколько слов... Если вы не хотите быть рабами Гитлера, помогите вооружением и боеприпасами советским людям, а свои экономические и политические требования предъявите тогда, когда окончится война. И, вы знаете, я был свидетелем чуда. После митинга, который продолжался не более тридцати минут, рабочие поворачивались к нам спиной, шли в цеха и начинали работать. Вот какой был авторитет у Сталина! Все это происходило на моих глазах, потому что я ни на шаг не отходил от Шверника.

— А ты расскажи, Бичиго, про того старика, который приехал в Москву по вызову Сталина и сказал ему: «Я тебя выпорю!» — попросил Лаврентий Иванович своего приятеля.

Георгий Александрович засмеялся. Отхлебнул чаю, вытер усы и стал вспоминать:

— Это было в сороковом году. А история с этим стариком началась еще осенью тридцать девятого. Где-то в октябре месяце отец поехал к Сталину ужинать. Обычно он с ним раз в два-три месяца ужинал. Каждый раз, когда он возвращался домой после такого ужина, он сообщал нам, что был у Сталина. И я ни разу не помню, чтобы он вернулся домой нетрезвым.

Да и сам Сталин никогда не напивался, потому что пил маленькими — тридцати-пятидесятиграммовыми — стаканчиками сухие карталинские вина. Карталинское вино — самое слабое из всех грузинских вин, примерно девять — одиннадцать градусов, как шампан-

ское. И вот той осенью, сидя за вечерним столом, Сталин вдруг спрашивает у отца: «Скажи, Саша, а Дата Гаситашвили жив еще?» А кто такой Дата Гаситашвили? Этот человек был когда-то в подмастерьях у Виссариона Джугашвили, гораздо старше Иосифа, любил с ним играть и таскать его на руках. Как нянька или старший брат. «Конечно, жив, хотя ему уже около восьмидесяти», — ответил тогда мой отец. И на следующий день он позвонил в тбилисское отделение Главного управления охраны. Мы часто пользовались этой связью, потому что через Тбилиси шло снабжение некоторыми продуктами, и особенно вином для банкетов, а также для членов ЦК.

Буквально через пять — шесть дней этот старичок приехал в Москву. Отец его встретил, привез на дачу и снял трубку правительственного телефона: «Сосо, Дата Гаситашвили у меня!» Сталин очень обрадовался и говорит: «А ну-ка дай мне его к телефону!» Они так хорошо разговаривали, что старик очень доволен остался. Когда он положил трубку, то рассказал нам дословно всю беседу со Сталиным. Тот ему сказал: «Дата, я очень рад, что тебя Саша привез, и очень хочу тебя видеть. Как только у меня будет время, вы с Сашей приедете ко мне, и мы хорошо посидим втроем». Ждать пришлось долго. Правда, надо отдать должное и Сталину — он звонил Дате каждые полторы-две недели. «Ты, — говорил он, — извини меня, я не хотел бы с тобой на пять минут встречаться, вот уже скоро выберу вечерок, и мы солидно с тобой посидим». Бедный Дата встретил у нас Новый, 1940 год, просидел на даче январь, февраль, март... Хотя Сталин по-прежнему продолжал звонить.

Прошли Майские праздники. Как-то вечером мы сидим на даче с зятем и выпиваем по случаю рождения племянника. Шестого мая это было. Часов в семь приезжает отец и неожиданно говорит Дате: «Давай-ка быстрей собирайся, и едем к Сосо. Он ждет нас к ужину».

Ну они, значит, поехали. А мы с зятем Гиви Ратишвили другую бутылку открыли. Хорошо тогда посидели. Только спать собрались — телефонный звонок. Я взглянул на часы — час ночи. Подхожу к телефону, снимаю трубку и слышу голос отца: «Бичиго, готовься, мы едем». И положил трубку. А я думаю: «К чему мне готовиться?» И тут дошло: «Наверное, Сталин к нам едет!» Побежал разбудил Шуру, работница у нас была, украинка. Павлика разыскал. Это наш главный виночерпий был. Он винным складом заведовал и в вине разбирался как бог. Отецего в Москву из Грузии привез. Говорю Павлику: «Давай самое лучшее вино, какое Сталин любит».

Накрыли мы стол минут за двадцать. Ждем. Вскоре подъезжает машина. С первого сиденья выскакивает Власик и открывает дверцу. Потом из машины выходят Сталин, Берия, отец и Дата. Хоть и май уже начался, но ночи еще были довольно прохладны. Поэтому Сталин в шинели. Он вошел в дом, я снял с него шинель, и мне вдруг стыдно стало, когда увидел, что его шинель хуже моей: моя была на шелковой подкладке, а у него на сатиновой...

Повесил он шинель сам и обратился к нам по-грузински: «Бениери икос чеми пехи ам сахлши!» («Пусть моя нога принесет в этот дом счастье»). Сели за стол. По одну сторону от Сталина — Гаситашвили, Берия, я, по другую — отец, жена моего отца, мой зять Гиви... А мачеха моя по происхождению была немкой, и где-то в двадцать пятом — двадцать шестом году она отправила свою дочь к сестре в Германию учиться. Потом в Берлине ее дочь вышла замуж за еврея, фамилии его не помню, но звали его Зигхен. А когда Гитлер пришел к власти в 1933 году и начал вытеснять евреев, этот Зигхен захватил свою жену и через Данию бежал в Америку. Так что к сороковому году дочь моей мачехи жила уже в Штатах.

Сталин несколько раз взглянул на нее и вдруг говорит отцу по-грузински: «Саша, что-то твоя жена очень грустная, может быть, ей не нравится, что я к тебе в гости пришел?» А отец отвечает: «Что ты, Coco! Как ты мог подумать такое! Дело в том, что в США у нее дочь осталась и она боится, что мы начнем войну с Америкой...» Сталин как-то ласково посмотрел на нее, погладил усы, взял в правую руку стакан и говорит: «Уважаемая Лилия Германовна, не беспокойтесь, не волнуйтесь... — и задумался, — воевать с Америкой мы не будем». Потом переложил стакан в другую руку и застыл, как сфинкс. Прошла минута, прошла вторая, прошла третья... А он все усы поглаживает. Мы глаз с него не сводим, шелохнуться боимся. И тут он поднял правую руку, погладил усы и отчеканил: «Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками! Не беспокойтесь, не волнуйтесь! За ваше здоровье!» — и выпил...

Я думаю, что в те минуты он размышлял. Решал: говорить — не говорить... Немка все-таки, какие-то связи сохранились, черт его знает... Как бы не спровоцировать немцев на войну... И это было шестого мая сорокового года, за год до начала войны, племянник мой в этот день родился, Гурам Ратишвили, в Тбилиси сейчас живет.

- -- Однако некоторые историки утверждают...
- Одну минуточку, поднял руку Георгий Александрович. Дней десять назад я читал книжку Трухановского «Черчилль». В ней он пишет, что в сороковом году, примерно в июне месяце, в мире была такая обстановка, что нельзя было предугадать, как окончательно сложится коалиция. Хотя война уже шла: Англия с Германией воевали, Америка помогала Англии, а поскольку у нас был договор с Германией, мы были вынуждены поставлять немцам кое-какие продукты. И вот в связи с этим Трухановский рассуждает: в мире была такая ситуация, что нельзя было предусмотреть, как оконча-

тельно сложится коалиция... Когда я прочитал эту книгу, мне стало смешно: ведь я же своими ушами слышал, а вы мне говорите!.. Сталин все знал наперед. У него уже была программа намечена!..

- А о чем он еще той ночью говорил?
- Потом веселье пошло, разговоры, воспоминания. Мы еще за что-то выпили, и Сталин вдруг спрашивает у деда: «Скажи, Дата, когда из Гори в Атени едешь, то на повороте у Хидистави большой камень лежал, он лежит еще там?» А мы как раз атенское вино пили. А старик всплеснул руками и воскликнул по-грузински: «Твой бог собака! Какая у тебя память!» Сталин рассмеялся, погладил усы и врезал ему с горийским акцентом: «Твой Христос собака! Почему моего бога ругаешь?!» А Дата ему задиристо отвечает: «Ты думаешь, что ты Сталин?! Ты для меня еще тот мальчишка, которого я на руках носил! Вот сейчас я сниму с тебя эти штаны и так надеру твою попу, что она краснее твоего флага будет!» и поднял руку с закатанным рукавом. От души смеялся Сталин, долгодолго смеялся...

Потом они вспоминали разные случаи: как он там девочку обидел, как он с ребятами шутил. Мы слушали, пили вино и улыбались. Это были события полувековой давности. А самому Гаситашвили было уже под восемьдесят. Этот вечер был самым счастливым в моей жизни, и теперь у меня самые счастливые минуты, когда я ложусь спать и начинаю вспоминать Сталина. И конечно же Шверника. Раньше он мне два раза в неделю снился. Я даже во сне его охраняю и порою просыпаюсь от ужаса: то рука у меня не поднимается, чтобы защитить его, то пистолет не стреляет. А этой ночью видел Власика.

- Он был вашим непосредственным начальником?
- Да. Он был начальником Главного управления охраны и мне очень близкий человек. Очень благородный мужчина. И преданный душой Сталину. Ведь когда нача-

лась война, я пришел к нему с заявлением, чтобы меня отправили на фронт. Так он его вырвал у меня из рук и порвал над моей головой в клочья. Он так разозлился, что я испугался. «Ты с ума сошел! — закричал он тогда. — А кто же будет Сталина охранять?!».

Но о нем я расскажу в другой раз. Расскажу о дедушке, отце, дядях, Екатерине Георгиевне, Яше — первом сыне Сталина, названном в честь дедушки, о всех, с кем работал и кого близко знал...

Было уже поздно. Мы вышли из дома на Котельнической набережной и поехали к кинотеатру «Ударник», где в соседнем с ним доме жила его дочь. Здесь же были квартиры Хрущева, Молотова, Маленкова... Следующую нашу встречу мы условились провести в редакции.

ДЕДУШКА

- Мой дедушка, Яков Георгиевич Эгнаташвили, прожил восемьдесят шесть лет. Значительный был человек. Очень гордый, сильный и независимый мужчина.
- Говорят, что именно он настоящий отец Сталина и именно в его честь Иосиф Виссарионович назвал своего первого сына Яковом...
- С Яшей мы были очень дружны. А что касается дедушки, то этот человек живая легенда. В молодости он был известным в Грузии борцом и однажды публично поборол княжеского борца Кула Глданели. Но сторонники князя, от имени которого выступал борец, подняли скандал и заставляли его немедленно перебороться.

Дедушка упорствовал, ведь человеком он был гордым. «Завтра я готов бороться, но на сегодня хватит», — говорил он. «Нет, — давили на него князья, — ты должен бороться сейчас или никогда». Но дедушка был непреклонен. И тогда разогретый толпой Кула Глданели

подошел к дедушке и сшиб его с ног. Дедушка не сопротивлялся...

- Вот это мафия!
- Законы тогда были волчьи, и выживали или очень сильные, или очень хитрые... Дедушка был из первых. Ведь ему пришлось работать на каменоломнях под Тбилиси у одного богатого князя целых четыре года. Как каторжнику! За проценты своего брата. Брат брал деньги у этого князя на открытие какого-то дела, а за проценты отрабатывал дедушка. Хозяин каменоломней оказался такой сволочью, что даже не дал ему на дорогу денег. И после четырехлетних каторжных работ дедушка возвращался в Гори девяносто километров пешком...
 - --- Однако он был богатым человеком...
- Да, у нас были виноградники. А вообще он считался виноторговцем, владельцем виноградников, человеком зажиточным и крутым, как сейчас молодежь говорит. Он был замечательным кулачным бойцом. А как любил эти кулачные бои Сталин!
 - Он их часто вспоминал?
- Конечно. Ведь это самые яркие странички из его детства. У нас был обычай выходить в церковные праздники на улицу, к примеру на Крещенье, и петь. Мальчишки собирались, ходили по домам, пели, принимали подарки. И сам Сталин очень хорошо пел и вместе со всеми ходил. А потом у нас начинались кулачные бои. Маленький Сталин залезал на дерево, смотрел на эти бои и очень переживал за дедушку.
- Известно, что он не только переживал, но и сам принимал участие!
- Да, но то были мальчишеские бои. А я говорю о тех, когда Гори разделялось на две части верхнюю и нижнюю. Дедушка за верхнее Гори выступал. Сперва пускали малышей, а потом все ребята повзрослее и посильнее. А в самом конце выходили здоровяки-моло-

тобойцы. И среди них был мой дед. Между прочим, об этом есть стихи у Леонидзе, и в них он вспоминает моего деда. Он его сравнивает с пароходом, пишет, что Яков Эгнаташвили «шел в бой как пароход». Его кулачному удару никто не противостоял. И мой отец тоже крупным был. Он с Вахтуровым боролся час десять минут. Был такой знаменитый борец Николай Вахтуров. И только полицейский час их разнял. Это было в 1911 году. Раньше полицейское время было установлено, и, какое бы представление ни происходило, в этот час заходил полицейский, свистел, и все замирало, занавес опускался, все расходились по домам. Это было ровно в час ночи...

- Значит, ваш дедушка был очень близок к простому народу?
- Да. Поскольку в молодости князья его крепко обидели, он их, можно сказать, всю свою жизнь ненавидел. Помогал бедным. В том числе и Екатерине Георгиевне, которая у него по хозяйству работала. Ну и поэтому в наш дом приходил Сталин. Он был постарше моего отца и дяди и очень серьезным подростком. Дедушка усаживал его за стол и давал ему книги, которые он читал вслух. Он читал произведения Казбеги и Чавчавадзе. Была в ту пору в Грузии легендарная и вместе с тем историческая личность Арсен Одзелашвили.
 - Грузинский Робин Гуд?
- Ну что-то вроде этого. У богатых отнимал, бедным давал. В общем, предводитель крестьянского освободительного движения. Тогда его называли «качаги», в переводе как бы разбойник. Но разбойником он был с точки зрения царского правительства, которое, как ни крути, все же притесняло простой народ. Эти книги особенно нравились моему дедушке. Да и сам Иосиф ему нравился серьезный, целеустремленный, находчивый. Поэтому дедушка и платил за его обучение в духовной семинарии...

ЕКАТЕРИНА ГЕОРГИЕВНА

- Георгий Александрович, по одной из версий, отцом Сталина был Пржевальский. Основания следующие: Пржевальский и Сталин очень похожи друг на друга, два года до рождения Сталина Пржевальский провел в Гори, у Пржевальского был незаконнорожденный сын, которому он помогал материально...
- Глупость неимоверная. Недавно я об этом тоже где-то читал. Дескать, Екатерина Георгиевна работала в гостинице, где жил Пржевальский, потом за деньги он выдал ее замуж за Виссариона Джугашвили, чтобы спасти от позора... Да ни в какой гостинице она никогда не работала! Она стирала, обслуживала и помогала по хозяйству моему дедушке. Сколько я себя помню, легенды одна за другой вокруг Сталина ходят — чей он сын? Ну и что, что за два, за полтора года до рождения Сталина в Гори жил Пржевальский?.. Значит, он его отец?! Совершеннейшая чепуха. Вы же знаете, что у нас в Грузии на этот счет все очень серьезно и строго. И в народе греха не утаишь, полно долгожителей, а потом, у нас столько меньшевиков было да еще этих, осколков дворян, а они бы не упустили случая позлорадствовать!.. Ведь все это враги Сталина, и они бы раздули вокруг этого факта такую идеологию, что ой-ей-ей!..
- Рой Медведев пишет о том, что до рождения Сталина у Екатерины Георгиевны было еще двое детей...
- Да, перед тем как родился Сталин, у его матери (которую я имел счастье знать и неоднократно бывать у нее) первенцем был Михаил, умерший в возрасте одного года. Потом родился Георгий, тоже умерший в младенчестве от тифа. И первого и второго крестил мой дед. А когда родился третий ребенок Иосиф, Екатерина Георгиевна ему сказала: «Ты, конечно, человек очень добрый, но

рука у тебя тяжелая. Так что извини меня, ради Бога. Иосифа покрестит Миша». Забыл его фамилию... Маленький Сталин тоже переболел тифом, но все-таки выжил. Сама Екатерина Георгиевна была очень гордая, чистоплотная и на редкость выделялась сильным характером. Нашей семье она очень пришлась, и дед ей помогал, как мог. Сталин, часто приходивший в нашу семью, был старше моего отца на восемь лет, а дяди Васо — на девять. Конечно, ребята общались, но разница в возрасте давала о себе знать. Хотя впоследствии Сталин оказался очень благодарным человеком и много сделал для нашей семьи.

- Что вы помните о Екатерине Георгиевне?
- В начале двадцатых годов я часто бывал у нее. Она жила во Дворце пионеров, бывшем дворце Воронцова, царского наместника. Там был отдельный флигель, в глубине двора, переходившего в сад, и вот в этом саду, в этом флигеле она занимала две или три комнаты. Жили они вдвоем с подругой, Ниной ее звали, она не то вдовушкой, не то старой девой была. Так вот я носил им провизию. Отец давал мне вино, продукты, и я им все это приносил. В благодарность за это Екатерина Георгиевна угощала меня шоколадными конфетами. Она говорила, что ей все это из Москвы прислали. Сначала говорила, что Надя о ней так заботится, потом часто повторяла, что это гостинцы от внучки Светланы. Лет пять, наверное, я к ней заходил и хорошо помню эти конфеты. У меня даже дома где-то письмо для нее от Сталина есть. В нем он спрашивает о том, как там Васо и Саша, это мои дядя и отец. Потом я переехал в Москву...

ЯША

— Своего первого сына Сталин назвал в честь дедушки Яковом, который был моим товарищем. Когда я переехал в Москву, это было в 1931 году, то первый месяц жил у Яши на улице Грановского в бывшем доме Шереметева. Потом там жили Хрущев, Булганин, Молотов. Так во дворе этого дома, в левом флигеле, жила Мария Сванидзе — сестра первой жены Сталина. И вот у них Яша жил, потому что Мария была его теткой, а вообщето она была секретаршей Енукидзе, заведующей Секретариатом ВЦИКа. Я у них прожил месяц, и мы с Яшей были неразлучны. Мы ходили с ним на соревнования по боксу, играли в бильярд в гостинице «Метрополь». Он мог всю ночь напролет играть в бильярд, был случай, когда он сутки подряд играл в доме отдыха, не выходя из него. У него какая-то особая любовь к бильярду была, очень азартный игрок был... У меня до сих пор образ Яши с электричкой ассоциируется, потому что первый раз я увидел электричку, когда познакомился с Яшей.

В общем, когда я приехал в Москву, то у меня были всего два товарища: Кутузов (его отец член ВЦИКа был, он жил как раз напротив Верховного Совета) и Яша, у которого я остановился на месяц, пока отец не приехал, он тогда в Крыму работал. И вот тогда Яша стал меня устраивать на работу: повез в Троице-Сергиев монастырь на пригородном поезде, который я увидел впервые. Он шел до Загорска, тогда так назывался Сергиев Посад. А там была электростанция, на которой товарищ Якова работал. Он меня привез туда устраивать: смотри, мол. Я посмотрел, но мне не понравилось. Пошел на курсы шоферов, окончил их и стал работать шофером. Потом мне самому пришлось учить его вождению автомобиля, как тогда говорили, практиковать ездой на машине. Отец подарил ему «эмку», они тогда только появились. И вот однажды мы собрались в Мещерино, на дачу Абеля Софроновича Енукидзе. Я сел за руль, он рядом, и мы поехали. Когда за городом выехали на шоссе, Яша мне и говорит: «Дай-ка я сяду за руль, а ты рядом со мной и посмотришь, как я буду управлять». Я поколебался, но потом согласился. «Хорошо, — говорю, — садись, только прошу об одном: не гони». А он как сел, как нажал на газ — я так и дрожал до самой дачи!.. А когда приехали, я вылез из машины и сказал ему: «Все, Яков, я здесь остаюсь и домой пешком пойду, но за руль тебя больше не посажу!» Сколько он меня ни уговаривал, я его к машине не подпустил, сам испугался не на шутку — мало ли что могло случиться. Сами понимаете.

А человеком он был хорошим и скромным. Очень добрым. Помню, в Крыму такой случай был. Мой отец там работал директором дома отдыха в Форосе, в том самом злополучном Форосе, где Горбачев во время путча отдыхал. Там было дворцовое помещение, пристройка, отделение местного совхоза и неподалеку молочная ферма. Яша часто к нам туда приезжал и у нас практически все время находился. А там горы и скалы, понимаете ли, такие, что камень на камне висит, и такая каменоломня разрушающаяся, что вот-вот все обвалится... И вот Яша как-то ушел в эти горы на охоту. Ну мы ждем, ждем, а его все нет и нет. Переволновались, выглядываем, места себе не находим. И вдруг я вижу, он по камням карабкается. Не то идет, не то ползет. Ружье у него за плечом, а в руках собака. Я думал, собака ранена, а она, оказывается, ха-ха... устала! И он ее несет на руках! Я у него спрашиваю: «Ты сам-то не устал, еле идешь, язык высунувши?!» И вот так он собаку нес, такой доброй души человек! Он был старше меня на семь лет. Это было в тридцать первом. Мне было тогда семнадцать, мы там вместе с девочками гуляли. Он окончил железнодорожный институт и перед войной уже заканчивал Военно-артиллерийскую академию. И были все основания, что его можно было оставить при Генеральном штабе, но он ушел на фронт в первые дни войны, в июне уже был на передовой, потом плен и смерть...

АЛЛИЛУЕВЫ

- Впервые я увидел Светлану в тридцатых годах. Она была маленькой девочкой, ей было... не помню, помоему, она с двадцать шестого года... в общем, я помню ее еще маленькой девочкой.
 - А ее воспоминания вы читали?
- Кое-что читал. Я поражаюсь, как это дочь так пишет!.. У меня нет слов!.. Если даже Василий пьяный был, надо ли было об этом писать?.. Дочке Иосифа Виссарионовича писать о своем брате так?..
- Она пишет, что Сталин мучительно умирал. Это действительно правда или она это выдумала?
 - Не могу сказать.
 - Что его как бы наказывал Бог...
- Бог накажет ее! Бог ее накажет! Я выбросил ее книжку и не мог читать. Дочь такого отца писать такие вещи не имеет права. По-моему, она все это придумала. Вот у этих Аллилуевых какая-то нервность в племени была.
 - А почему у нее фамилия Аллилуева?
- Потом она уже приняла, после хрущевских событий она стала Аллилуевой. Так что о ней я...
 - Это по матери?
- По матери, Надежде. А Надежду когда хоронили, это я помню. В ГУМе я жил, комната была наверху.
 - В самом ГУМе?
- Там было общежитие. В это общежитие приезжали члены ЦИКа, тогда не «депутаты» назывались члены ЦИК Союза. Это было чистенькое, хорошенькое общежитие, кубовая своя была для чая, буфет недалеко... И как раз тело Аллилуевой было там размещено в другом флигеле, точнее, в стороне той, что ближе к Москве-реке.

- Для вас ясно, как она умерла? Много версий всяких!
- Да, всяких много. Я придерживаюсь той версии, что она сама с жизнью покончила. Они были у Ворошилова, и Сталин с ней как-то грубо обошелся. Она ушла и покончила с собой.
- Но у них наследственность была, у Аллилуевых, да? Шизофреническая, истерическая?
 - Да, да.
 - И Светлана в нее, вы считаете?
 - Да, она от матери наследовала...
- Но вот сообщают, что она за границей выучила дочь, продала дом, вроде бы возвращалась в Москву, потом вернулась в Лондон и сейчас живет в приюте для бездомных...
- Она в Тбилиси из Чикаго приезжала. Ей квартиру дали, дачу дали.
 - Это когда?
- Несколько лет тому назад. Года так бегут, что не замечаешь... Она приезжала, у нее квартира была хорошая. Даже рассказывают такой случай. Она была строгая очень, вызвала водопроводчика-слесаря к часу, а он пришел в два часа. Когда он пришел, позвонил, она сказала: «Я вас ждала целый час!» и хлопнула дверью перед его носом. То есть здесь хотела подчеркнуть, что за границей точность, а у нас так... все безалаберно. И, конечно, о ее характере и отношении... Ну, она уехала.
 - А вы с ней встречались?
- Нет, не встречался. Я не позвонил, после того как я прочитал... А раньше я с ней встречался. Она к нам иногда приезжала, бывало, сидели вместе за обеденным столом но это все «в обществе». А один на один я с нею встретился в Ленинграде после смерти Сталина. Там есть ювелирный магазин на Невском, где-то около Садовой. Я в него вошел, а она там покупала сереб-

ряное колечко. Мы поздоровались, вышли вместе, поговорили. Я пригласил ее в кафе, заказали мороженое, шампанское. И разговаривали. Вот моя с ней последняя встреча была, после я ее вообще не видел. Потом она вскоре уехала.

А дочь ее — странная. Это после смерти Сталина было, я шел напротив «Ударника», выходил на Москворецкий мост, чтобы через Спасские ворота зайти туда, где с Николаем Михайловичем работал. Зима была, как раз пятьдесят третий год, сразу после смерти Сталина. Иду — и вижу: ребята катаются на санках, и маленький ребенок лежит на животе на санях и смотрит. И вижу, на меня глядят глаза Сталина. Вот первое чувство было, когда я увидел этого ребенка. Я остановился как вкопанный. Стал смотреть, она смотрит на меня: выражение глаз как у Сталина. Я начал искать няню (забыл ее имя-отчество), увидел ее, она сидела здесь, подошел, она меня тоже увидела, встала, подошла. Я спросил: «Это Светланина дочь?» Она говорит: «Да». Вот так, в глазах внучки вдруг... я вижу глаза Сталина. Поразительно! Ей пятьшесть лет было тогда. Ее звали, по-моему, Катя. Катя с матерью не поехала; по-моему, здесь осталась (это она, Аллилуева, давала образование той дочери, что в Америке родилась). А Катя осталась в семье Ждановых, поскольку Светлана была за Юрием Ждановым замужем, это Юрия Жданова дочка.

- В конце шестидесятых годов я учился в Ростовском университете, там ректором Юрий Андреевич Жданов был...
- Вот-вот, Юрий Жданов. Сын Андрея Александровича. Я, между прочим, возил его несколько раз, когда в Манеже шофером работал. В 1934 году. У нас тогда курсы на Варварке были, шоферская школа. Вот Катя и есть Юрина дочка.

- С глазами Сталина!
- Да! Шел я, ни о чем не думая. Только что упал первый снег. Иду по протоптанной дорожке, и вдруг меня останавливают глаза Сталина! Я очнулся, встряхнул голову и тут же сообразил ведь Светлана тогда в доме правительства жила...

«НЕУЧТЕННЫЙ» РОДСТВЕННИК

- А с Василием вы были знакомы?
- Конечно, только у меня с ним связи меньше было. Он иногда приезжал к нам, мы хорошо сидели, разговаривали. Но он был гораздо младше нас, и, естественно, общих интересов у нас было не много. Он часто бывал на нашей даче в Кунцеве, это был дом, где отец жил постоянно и куда приезжал Сталин.
- Значит, вы всех родственников Сталина знаете хорошо?
- Насчет родственников я вот что скажу. У Сталина был всего лишь один настоящий родственник Гвелесиани. Директор винного завода. Он жил в Колобовском переулке. И вот у него мать умерла. Ну мы, конечно, все на похоронах были, похоронили и приехали к нему домой на поминки. Нас всего тринадцать или четырнадцать человек было, не помню точно. Мы все сидели за столом, поминали покойницу и все друг друга знали, кроме одного человека, которого никто не знал. Он просидел почти до самого конца, а когда ушел, мы стали выяснять, кто его привел. Оказалось, что никто его не приводил, и выяснилось, что это был совершенно посторонний человек. И никто не мог взять себе в голову, каким это образом некий посторонний «неучтенный» родственник оказался на поминках и сидел до конца.

ОТЕЦ

- Двое дядей было у меня. Васо брат моего отца — литературу преподавал, он вообще-то литератором был, потом заместителем редактора в «Коммунисте», это наша центральная газета в Грузии была. И второй дядя — муж моей тети, сестры моей матери, тот литературовед был, переводчик, кстати, первый перевод произведений Ленина на грузинский язык он делал. Васо часто приезжал на сессию Верховного Совета, и Сталин его принимал. Они бывали у него с отцом. Как только Сталин умер, буквально на второй-третий день дядю арестовали. Хотя не имели права без санкции Верховного Совета. Он же был депутатом Верховного Совета СССР. И был секретарем Президиума Верховного Совета Грузии. Он и в Грузии делегатом был. Председателем тогда был Махарадзе. А секретарем был дядя. И вот когда он приезжал сюда, Сталин его всегда принимал.
- Я говорил вам насчет Ильи Чавчавадзе, обратился Георгий Александрович ко мне, о восстановлении его в правах?
- Это тогда, когда он рассказал Сталину, что Илью Чавчавадзе в Грузии не печатают?
- Да, это он ему рассказал, что Илью в Грузии забыли. И Сталин начал спрашивать секретаря ЦК Грузии: «В чем дело, почему нет Чавчавадзе?» Это было, по-моему, в 1936 году. А Илья Чавчавадзе был как раз редактором того журнала, где первое стихотворение Сталина напечатали.
 - И он его знал лично?
- Да. Между прочим, о нем у меня книжка была... Я даже со своим дядей ее обсуждал. И ему я ее одолжил перед смертью. У нас был писатель Акакий Васадзе. Народный артист Грузии и, кажется, Советского Союза...

У него есть воспоминания о Сталине. И в них он пишет, что, когда у Сталина были, Сталин как-то спросил когото из присутствующих: «Как вы думаете, кто был более способный человек: Илья Чавчавадзе или я?» Тот ответил: «Конечно, вы». А Сталин сказал: «Знаете, у Чавчавадзе просто не сложились обстоятельства, масштабы были другие, а то бы он был величайшим человеком». Эти воспоминания ходят по Грузии. Мой двоюродный брат имеет их; они напечатаны на машинке. То есть из ответа Сталина было ясно, что Илья Чавчавадзе мог стать более великим, чем Сталин, но масштаба не хватило. В этих же воспоминаниях и мой отец упомянут, там есть такой эпизод: Сталин с соратниками обедает за столом, заходит генерал и докладывает Сталину, что Александр Эгнаташвили (мой отец) прислал ему рыбу. Живую рыбу: такая небольшая, но очень вкусная. Сталин спрашивает: «А сам он где? Где он?» А ему говорят, что он уехал в Цхалтубо.

- A вы с кем-нибудь из профессионалов своими воспоминаниями делились?
- Нет. И сам ничего не писал. К этому же надо иметь положение. Отец мой часто рассказывал о встречах со Сталиным, когда вспоминал старое время, кулачные бои в Гори, в которых участвовал мой дедушка...
- Рой Медведев пишет, что все портреты Сталина ретушированы, да и мне один мой старый соавтор рассказывал, что Сталин был маленького роста и рябой...
- А пускай он почитает Громыко, который пишет, что сколько раз он бывал у Сталина и никогда не замечал, чтобы оспины на его лице обезображивали его. Они не бросались в глаза и, кажется, пропадали.
 - Но я хотел бы, чтобы вы об отце рассказали.
- Он был замначальника Главного управления охраны по хозяйственной части, заместитель Власика. Еще были из Грузии Курст заместитель по оперативной

части, и Капанадзе — по кадрам. Потом по указанию Сталина они были переведены в Грузию.

Как-то отец был у Сталина, набрался храбрости и сказал ему: «Сосо, как я люблю тебя, но, несмотря на это, даже мне, с таким отношением к тебе, становится неловко, когда я открываю газеты и на первых страницах большими буквами: рапорты Сталину, Сталину, Сталину... Не слишком ли выпячивают твое имя? Надо ли это?». Сталин засмеялся, погладил усы и говорит: «Значит, и ты против меня?.. Да, раньше у народа была вера — верили в Бога, теперь мы у народа отняли эту веру, сказали, что Бога нет, и он растерялся. А надо, чтобы человек все-таки чему-то верил, кому-то верил, без этого нельзя. Поэтому мы сказали — партия, партия ведет народ к лучшей жизни. Но и здесь народ не разобрался, для него слишком абстрактное понятие — партия. Он ее на ощупь ощутить не может. Надо, чтобы он как-то почувствовал эту партию. А как ту партию почувствовать, если не через личность...».

Мой отец был из сталинской когорты, и о ней у меня сохранились прекрасные воспоминания. Начиная со Шверника... Не знаю, как Хрущев его подбил, что он его поддержал, но меня это поражает...

- A Лаврентий Иванович Погребной был замом Шверника?
- Да. И самым верным помощником, его правой рукой.
 - А он знал вашего отца?
- Конечно. И знал о подарке, который однажды Сталин преподнес моему отцу.
 - О каком подарке?
- Это было в 1940 году. Ночью отец отвез Виссарионовича, наверное, в час или два, и вернулся с каким-то свертком. Разбудил нас и развернул этот сверток. В нем был наподобие перочинного складной нож

огромного размера, примерно около восьмидесяти — девяноста сантиметров, великолепной работы, антикварный. На лезвии было что-то написано по-испански. Как выяснилось, он был изготовлен в Толедо, а к Иосифу Виссарионовичу его привезли в качестве подарка от председателя совета министров Испании Нарго Кабальеро, который в тридцать шестом году вел войну с генералом Франко. А как известно, мы Кабальеро помогали, от нас там даже летчики воевали и было много других военных советников. Рядом с этим ножом лежал изумительной красоты маленький нож, в виде кортика, предназначенный для резки канцелярской бумаги. И еще маленькая золотистая пепельница из бронзы в форме вазы высотой около пятнадцати сантиметров.

Эти три предмета Сталин преподнес отцу во время ужина с ним вдвоем. Как рассказал нам отец, они пили маленькими рюмками слабое вино, Сталин вдруг встал и, бросив: «Саша, подожди», — ушел. Вскоре он вернулся и принес эти три предмета, сказав, что он получил их в подарок от Нарго Кабальеро в знак благодарности за помощь Испании в борьбе против Франко. Вручая их моему отцу, он произнес примерно следующее: «Саша, наше детство прошло вместе, и я не могу забыть те далекие годы, и особенно Гори. Я преподношу тебе эти предметы в знак памяти о наших детских годах. Прими их, пожалуйста, и пусть они будут данью уважения нашей дружбе тех памятных лет. Пусть они всегда напоминают тебе Горийскую крепость — место, где мы родились. Надеюсь, они вызовут в тебе те же чувства, которые испытываю я, глядя на тебя, когда вспоминаю детство. Пусть они напомнят тебе наших предков и тех, кто тогда окружал нас. Это Екатерина Георгиевна — моя мать, это Яков Георгиевич Эгнаташвили — твой отец, это Василий Яковлевич Эгнаташвили — твой брат».

После этих слов он передал эти вещи, чему отец был безгранично рад, не столько из-за их ценности, сколько оттого, что принял их из рук самого Сталина. Из этих ценностей у меня остался только большой нож, который храню у знакомых, так как боюсь, как бы кто не разнюхал о нем и не украл его. И сколько я себя помню, Сталин всегда выражал любовь к моему деду, отцу и дяде. И отец был предан ему до гроба и, можно сказать, жил его жизнью.

ВОРОШИЛОВ

- С Ворошиловым часто приходилось видеться. Он несколько лет подряд отдыхал со Шверником вместе. Часто приходил к нам. Честно говоря, я не любил, когда он приходил. Его-то я уважал, и сейчас уважаю, с большой любовью вспоминаю, а не любил потому, что знал, — нам надо будет идти километров двадцать пять, а то и больше. Ведь от сталинской дачи они пешком доходили до Ахуна (гора в Сочи. — В. Л.), поднимались на Ахун, одиннадцать километров подъем и одиннадцать спуск, и обратно шли почти до сталинской дачи, только у сталинской дачи садились в машину. Так что это если по прямой идти — двадцать пять километров, а я начальник охраны, я чаще всего разговаривал с ними, со Шверником и Ворошиловым, который очень общительный был, очень любил почему-то меня и беседовал со мной долго и много... Но ведь я делал не двадцать пять километров, а так — иду, с ними разговариваю, потом пойду посмотреть направо, налево, вперед, как охрана идет... Как обеспечивают безопасность вокруг наши ребята. Охрана все время шла...
 - И охране доставалось!

— И охране доставалось, конечно, так как если Шверник с Ворошиловым делали двадцать пять километров, я делал тридцать — это уж наверняка, если не с гаком... Ворошилов интересный человек был. Он на украинском языке декламировал Шевченко. Я не знаю украинского языка, но у меня слезы лились, как он хорошо декламировал! Талантливый человек был. Интересный случай раз у меня с ним произошел. Мы как-то пошли в сторону Адлера, прошли сколько-то, посмотрели в сторону Мацесты, там долина проходит. Ворошилов и говорит: «Вот там что за ущелье?» Спросил своего начальника охраны. Тот говорит: «Это Мацеста, товарищ маршал». Огляделся, на меня посмотрел: «А ты как думаешь? Ты кавказский человек». Я говорю: «Нет, это еще не долина Мацесты. Мацеста дальше должна быть». — «Хм, а вот я думаю, что Мацеста». Я говорю: «Нет, не Мацеста». Посмотрел на Груздева, а Груздев был начальник охраны в Сочи, охранял всех членов Политбюро, которые приезжали в Сочи и отдыхали... «Как ты думаешь, — спрашивает Ворошилов у Груздева, — вот эта долина какая?» Тот слыхал наш разговор. «Мацеста, товарищ маршал». Ворошилов на меня посмотрел: «Ну а теперь ты что скажешь?» — «Нет, это не Мацеста». — «Пойдем туда!» Пошли.

Он держит самшитовую палку, а я бамбуковую. Идем как туристы. Он говорит: «Теперь ты не разубедился?» — «Нет, это не Мацеста». — «Давай спорить. Давай договоримся: если это Мацеста, я тебя вот этой палкой огрею, если это не Мацеста — ты окажешься прав, — ты меня огрей по спине своей палкой». Я говорю: «Хорошо». Что я мог сказать? Дошли, и видно, что это не Мацеста. Груздев признал, его начальник охраны признал, что я был прав, что это не Мацеста. Ворошилов повернулся ко мне, нагнулся и говорит: «Ну, бей!». Я стою, не знаю, что делать. Он еще раз повторяет: «Бей!» Я взял свою пал-

ку и в овраг выбросил. Потом говорю: «Нечем». Он говорит: «Бей моей». Я говорю: «Нет, мы же договаривались — вы своей, я — своей палкой».

Пошли дальше, встретили матроса, разговорились. Этот матрос не узнал ни Шверника, ни Ворошилова. Ворошилов сказал, что мы, дескать, орлы, а матрос говорит: «Вы не настоящие орлы, а орлы, у которых из хвостов выдернули все перья». Ворошилов смеется, Шверник смеется. Потом сколько раз встречались в Кремле, Ворошилов напоминал Швернику: «Шверник, помнишь, какой ты орел?»...

БЕРИЯ

- А сколько человек, вот положим, бывшая охрана Сталина насчитывала? Сколько человек было у Власика?
 - Не знаю, а если и знал бы не сказал.
 - A у вас?
 - Тоже не скажу. Было достаточно, чтобы обеспечить...
- Георгий Александрович, ни один человек о Берия доброго слова не сказал. А почему он так долго был в окружении Сталина?
- Если французскую литературу просмотреть, наверное, про Фуше и про Талейрана тоже хорошего мало сказано. Наполеон был вынужден держать таких людей. Такие нужны государству. Берия деловой человек был, не шаляй-валяй, он был большой работник, крупный. Он умел дело делать. Это другой вопрос, какой ценой, но то, что ему поручали, он выполнял.

Возьмем, к примеру, Шверника. Благороднейший человек, но с ним его не сравнишь, потому что Шверник смотрит так: порученное дело надо сделать, но так, чтобы никому не навредить. А Берия было наплевать, кто

пострадает. Самое главное ему было — выполнить то, что поручили. А ему часто поручали дела, которые нужны были государству...

- Самое главное, атомную бомбу сделали.
- И бомбу он сделал! Шверник со своим благородством не сделал бы... Да, жизнь сложена из противоположностей. Часто добро оборачивается злом, зло оборачивается добром. Противоречивость.

ШВЕРНИК

- Я помню, как Шверник готовил доклад с помощниками. Он вызывал помощника, рассказывал ему задачу. Говорил направление, на что обратить внимание, что, как сказать. Потом тот уходил, пил крепкий кофе и часто ночь напролет сидел, готовил материал. Затем материал приходил к Швернику, они садились вдвоем, часами сидели, материал оказывался вверх дном перевернутый. Опять помощник садился, все это пересоставлял. Пока напишут окончательно, они раза три-четыре переделают все. От помощника оставались только связки, а основа вся была дана Шверником. Он много работал, очень. Изумительный человек был. Преданный партии и рабочему классу до мозга костей. Главное для него чтобы было народу хорошо. И одинаково вежливо и учтиво принимал и министров и уборщиц. А вот для протеже он не годился. Своим он ничего не делал. Не любил протекции.
- Ну, меня восхищает, конечно, сталинская гвардия. Родственникам ничего.
- Heт! Heт! Heт!.. Его брату я машину давал без его санкции и даже втайне от него.
 - Казалось бы, да...

- Вот такой он человек был! Во всех отношениях... У него другой жизни, кроме как государственной, не было совершенно. Буквально не было. Разве в воскресенье, в свободный час-другой погуляет, чтобы восстановить здоровье для продолжения работы. И вечером иногда в воскресный день поиграет в бильярд. Час-другой. Мы с ним играли часто, и еще у него было хобби часы исправлять. Для него было наслаждением исправлять часы. Как только часы портились, я давал: «Николай Михайлович...»
 - А что, он был часовщиком?
- Нет. Он был лекальщиком. И родители его не имели к часам отношения... Он рано осиротел... И сразу пошел работать чуть ли не в двенадцать лет. Кстати, вот что однажды ему портной рассказывал. Вызвали портного к Сталину. Входит Сталин, в руках китель. Поздоровался, спросил, как здоровье, и говорит: «Надо китель перелицевать». Тот ему говорит: мол, этот китель из плохого материала. «Мы из Чехословакии получили прекрасный материал, очень легкий, прохладный, хорошего цвета. Давайте я сошью новый китель». Сталинн на портного накинулся: «Транжира! А этот что, выбросить?! Не надо мне никаких новых кителей, перелицуй этот...»
 - Вы ездили в командировки со Шверником?
 - Да, конечно.
- И воочию видели результаты коллективизации и индустриализации страны?
- А вы знаете, что коллективизация помогла нам выиграть войну? Иначе бегай, собирай у единоличников хлеб во время войны. В колхозах и то нам приходилось убеждать. Я ездил со Шверником в сорок третьем году в Татарию, Башкирию хлеб собирать.
- С колхозника и то трудно было собрать. **А** с частника черта с два.

— Да, с частника черта с два. Не только Шверник, но и другие члены Политбюро были посланы добывать хлеб... Мы в Казани были, в Уфе, в Ижевске...

Любопытную историю рассказал нам секретарь обкома Ижевского... Не Ижевского, а, простите, Удмуртского обкома. Чикин был такой. Очень интересный человек, первый секретарь. Во время войны ему вдруг позвонил Сталин. И говорит: «Здравствуй, это Сталин. Нам, — говорит, — нужны винтовки. Сколько ты можешь срочно сделать?». В течение, не помню, месяца, что ли... Чикин спрашивает: «Сколько нужно?» — «Очень много. Сколько тысяч можешь сделать?» Я забыл, какую он цифру назвал. А Сталин сказал: «Нет, это смехотворно мало». И назвал цифру в пять или шесть раз больше. И Чикин отвечает: «Товарищ Сталин, извините, но это невозможно». Тогда, по его словам, Сталин сказал (он Швернику рассказывал, мы вместе сидели за столом): «Ты знаешь что, сам от себя не говори. Ты поди, спустись, усади своих рабочих, инженеров, техников и передай им, что Сталин просит рабочих завода вот такое количество винтовок в такой-то срок изготовить... Послушай их, держи совет, а потом доложи мне». Он ответил: «Понятно, слушаю, товарищ Сталин». Пошел вниз, собрал рабочих, инженерно-технический персонал... Когда отдельные вопросы сразу не могли решить, то отправляли специалистов разобраться на месте. Подвести базу надо было, рассчитать время, ресурсы. Короче говоря, они долго совещались. И в конце концов рабочие сказали, что могут сделать. Решили, что все будут днем и ночью находиться на заводе, пока не выполнят задание. Чикин доложил Сталину. Тот засмеялся и сказал: «Ну вот, видите. Рабочие, оказывается, знают лучше, чем мы». Потом Чикин ему ежедневно докладывал о ходе выполнения. Он жил и спал на заводе.

Вот такой интересный человек был. Мы с ним ездили еще в глубинку. В Глазов, что на самой границе авто-

номной республики. Такие дороги, что туда еле «виллис» пробирался (мы на трех-четырех «виллисах» поехали). И меня что удивило: этого секретаря обкома в любом колхозе знали в лицо и по имени-отчеству. Говорили так, что видно было: он там бывал не единожды.

- Вот как работали!
- Да. Так работали. Это в сорок третьем году. Вы Лаврентия об этом спросите. Он много лет работал со Шверником, а также с Косыгиным, Кагановичем, Малышевым. Вся документация по эвакуации прошла через его руки...

Шверника я вижу ежедневно во сне двадцать пять лет. Ежедневно во сне! И сейчас вижу, как я уже говорил, в неделю раза два. Вот клянусь детьми, внуками! Два раза в неделю я его во сне вижу обязательно. И охраняю. Все охраняю! Власик мне однажды сказал: «Бичиго, я только оденусь, только сяду завтракать, все думаю, хоть бы скорей пришла ночь». — «Почему?» — «Я Сталина во сне увижу!» Вот так были преданы люди...

- А кто по национальности был Шверник?
- Русский. Фамилия его Шверников, знаете, псевдонимы... «ов» отпало, и получилось «Шверник». Жена его украинка была. Мария Федоровна. Бывший партийный работник. У нее кличка была Маруся Белая. На кладбище она под этим именем лежит. Властная женщина. Калинина однажды отчитала... На каком-то приеме...

РУЗВЕЛЬТ И ЧЕРЧИЛЛЬ

— После Крымской конференции Сталин вызывает моего отца и говорит: «Саша, я хочу тебе поручить большое дело. Когда Рузвельт здесь был, он в разговоре мне обещал, что после победы приедет к нам отдыхать. Я хочу подготовить все условия для того, чтобы у него был

выбор. Поэтому создадим Управление госдач при Главном управлении охраны, ты пойдешь туда управляющим. Туда войдут Ливадийский дворец, Юсуповский и все, что тебе понравится в Крыму. Надо дать возможность выбора Рузвельту. Вот он пожелает выехать из Ливадийского дворца куда-нибудь, но поскольку он больной и ему трудно передвигаться, нужны промежуточные станции, где он мог бы остановиться на несколько часов или на день-два». Сталин дал отцу такое указание. Отец поехал. Создалось управление, все это делалось под видом того, что готовится дача для отдыха Сталина. О подлинных причинах никто не должен был знать. Сталин сознательно шел на это.

- Рузвельт был очень жесткий человек...
- Да, очень жесткий... Ну, у Сталина с ним сложились хорошие отношения, правда, у них были кое-какие размолвки, насчет сепаратных переговоров американцев, Даллеса, с немцами...
- Георгий Александрович, вы встречались и находились рядом с Черчиллем, какое он производил впечатление как человек?
- Крепкий мужик был, крепкий... Когда смотрел на вас, такое ощущение было, что он вас пронизывает взглядом, всю вашу душу видит. Причем он так нет-нет и задержит взгляд на человеке. Но когда о Гитлере заговорил, так ударил по столу, что показалось, этот стол развалится. Аж пена у него изо рта шла... Это фигура...
- A когда ездили туда со Шверником, вас как представляли?
- Как секретаря... Второй раз тоже мы ездили, в сентябре—октябре 1943 года в Англию. Но уже совсем другая миссия была. Нашу делегацию пригласили на конференцию лейбористской партии, которая ежегодно в конце сентября начале октября проходила. В одном дачном месте она проводилась. Тогда с нами уже не во-

зились, потому что задача была не такая серьезная, как в первый раз. Принимали нас Черчилль, Иден (министр иностранных дел, потом премьер-министр). И меня как раз (они заранее заготавливают визитки, где кому сидеть) усадили рядом с женой Идена...

- А вы под какой фамилией ездили?
- Эгнаташвили... И она меня спросила: «А какая ваша профессия?» Я говорю: «Шофер...» Потом принимал нас председатель Союза портовых и транспортных рабочих... Летели мы через Тегеран, Каир, Гибралтар. В гостях были у английского посла в Каире. Посол поляк почему-то был. Отношений у нас с Египтом не было, нас принимал английский посол, и вечером он пригласил Николая Михайловича поужинать в ресторане на лоне природы. Николай Михайлович взял меня, мы сидели втроем. Посол сказал: «После войны Сталин даст приказ, и вся военная промышленность перейдет на гражданскую, а нам достанется очень туго... Это связано с большими трудностями...»

РЕПРЕССИИ

- Георгий Александрович, недавно прошла вторая волна грязи, в шестидесятых первая, а сейчас океан захлестнул, все вываляли в грязи... И основные обвинения направлены против Сталина он все знал, это с его санкции арестовывали, и так далее. То есть он одного арестовывал, снимал, другого назначал. Ягода, Енукидзе, Ежов, Берия и т. д. Ваш взгляд на то, что же всетаки происходило? То, что аресты были, факт. Но что это было?
- Было то, что... несомненно, были слухи, которые были направлены против Сталина. Хотели его отстранить. По поводу Тухачевского я не сомневаюсь ни мину-

ты... Он работал в Германии, в Генеральном штабе, и там, видимо, его раскусили...

Случай помню... Я учился на военном факультете, к нам вдруг... генерал, или комиссар, или как там, Никитин, собирает нас... говорит об этих арестованных, вот они такие-то предатели... В это время подошла «эмка», оттуда вышли чекисты и его арестовали. Его самого. На глазах у нас. Вот такая волна была. Видимо, военные все это готовили...

В «Правде» было сообщение насчет Тухачевского. Тухачевский согласился, что заговор был против Ворошилова, не против Сталина, а против Ворошилова. Явас спрашиваю: если против Ворошилова шел заговор и его, Сталина, хотели лишить основной силы — армии, что оставалось для того, чтобы снять Сталина? Ничего! То есть заговор против Ворошилова был заговором против Сталина. Бесспорно, это была направленная борьба... Куда все эти нити шли, конечно, трудно сказать, но не исключено, что заговор был слишком обширный, даже больше, чем мы можем сегодня знать. Борьба шла... И еще... Когда говорят о необоснованных репрессиях, достаточно хотя бы сказать, что во всех отдельных случаях Сталин не может быть ответствен. Вот меня арестовали, но нашелся человек, который пришел и прямо сказал: «Если есть малейшая вина, малейшее выражение недоверия, нелюбви или что-то, я готов вместе с ним отдать жизнь». Сталин меня тут же освободил. У Колыванова есть в воспоминаниях, когда он пришел к Сталину и сказал, что такой-то невинный летчик сидит в Сибири и он за него ручается головой. Сталин отдает распоряжение, и буквально через несколько дней этот человек поступил в распоряжение Колыванова. То есть когда находились заступники, когда он чувствовал, что этот человек действительно обижен несправедливо, он принимал меры... Но за всех так нельзя...

- Еврейский вопрос и Сталин...
- Он антисемитом не был, он был против сионистов. И это как бы бросало тень на плетень. Но быть против сионизма — не значит быть против евреев. Кагановича же он держал. Если бы Сталин готовил заранее депортацию всех евреев, то сначала он избавился бы от Кагановича... Глупость это, глупость... Сталин был достаточно умным человеком, чтобы это понимать... Это основывается на том, что во время войны приходилось депортировать отдельные народности, но это все имело свою основу. Вот говорят насчет немцев поволжских, а что, ведь в Энгельсе же были случаи, когда находили парашютистов, засланных, которых немцы прятали, и, конечно, нельзя было полагаться на них... Ведь речь шла не о личных интересах, а о деле всей жизни Сталина и жизни народа, и он не мог ради каких-то отдельных личностей рисковать делом, за которое всю жизнь боролся... А то, что сионистское движение было, это, по-моему, бесспорный факт. В каждом отдельном факте надо разбираться, но дело в том, как разбираться, кто разбирается и кто дает заключение, вот что важно. Достаточно много евреев было у власти. Может, это потому, что после революции большое количество евреев было сосредоточено в правительстве, и они, видимо, через сионистские организации вели соответствующую работу, и их пришлось ликвидировать... Я лично отвергаю антисемитские настроения, но то, что большое количество евреев поддерживало сионистские организации, было фактом.
 - --- Вышинский?..
- Ух какой умница был!.. Симпатичнейший человек... Про него пишут очень отрицательно, потому что он сталинскую линию защищал... Царство Небесное всем тем, кто служил правде, народу и кто помогал Сталину в создании такой великой державы. И вот когда ругают Советский Союз, что все у нас плохое, что для истории это беда

была, для России в первую очередь и для мира, что Советский Союз — это чепуха, всегда забывают о том, что если английский рабочий класс, и американский, и западный — если в Европе и в мире рабочие живут хорошо, — это, по-моему, потому, что существовал Советский Союз. Существовала опасность, что может произойти революция в мировом масштабе, и капиталисты, империалисты были вынуждены создавать хорошие условия для своего народа, давать социальные права. Вот в этом — великая роль Советского Союза, по-моему.

Часть 4 ВИНОЧЕРПИЙ СТАЛИНА

OT ABTOPA

Этот пожилой человек вошел в мой кабинет лет с нашим старым знакомым Бичиго, представившим его как своего товарища, работавшего под началом Н. С. Власика и хорошо знавшего его лично. Грузин из Гори с интересной фамилией Русишвили. Ему было далеко за восемьдесят, но все из живых соратников и друзей, как в молодости, называли его просто Павликом. И не потому, что он был самым молодым из окружения Сталина, а потому, что Павлик — свой человек: добрый, веселый, мобильный и несказанно толковый во многих делах. И в вине как бог разбирается! Да и должность у него была царедворская — виночерпий Иосифа Виссарионовича.

Когда я начал готовить эту книгу, то пригласил его к себе. Он еще работал начальником охраны одного из закрытых предприятий Министерства атомной энергии. Мы проговорили полдня. Павел Михайлович живо вспоминал свою молодость, был искренен и скромен в оценках. Как говорится в народе, не судите, да не судимы будете. Лишь в одном он был непреклонен и стоял до конца. А именно в том, что подлинным отцом Сталина был Яков Георгиевич Эгнаташвили, дедушка Бичиго, в честь которого и назвал своего первого сына Яковом Иосиф Виссарионович.

- Как только приезжал в Москву Васо Эгнаташвили, сын Якова Георгиевича, брат Александра Яковлевича, вспоминал Павел Михайлович, Сталин бросал все дела, И они собирались втроем где-нибудь посидеть. Васо Яковлевич никогда не уезжал от нас, не встретившись со Сталиным.
- А может, это дань уважения семье Эгнаташвили? Ведь Сталин вырос с ними? не унимался я.
- Да братья они! настаивал Павел Михайлович. Ну скажите, почему из одной семьи один стал генералом, заместителем Власика, а другой сначала редактором республиканской газеты, а затем секретарем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР? Неужели здесь все обошлось без влияния Сталина? Я так не думаю... Кстати, когда Власик вернулся из ссылки, а это было в пятьдесят шестом году, я ему рассказал об этом, и он крепко задумался...
 - Вы с ним сразу после ссылки встретились?
- Ой, интересно получилось. Я иду по улице Горького, там, где была выставка подарков Сталина, и вдруг смотрю, идет Власик. Як нему, и он меня тут же узнал... Ну, обнялись, расцеловались. Он меня так тепло, прямо отеческой любовью любил. Все время — Павлик, Павлик... Зашли в кафе посидеть, он сразу бутылку вина заказал. Вообще-то он выпить любил и в каждую нашу встречу обязательно чего-нибудь принимал. А получилось так, что жили мы рядом. Он на улице Горького, а я на Садово-Кудринской. И часто друг к другу в гости ходили. Детей моих он очень любил... Так вот, когда я ему рассказал о том, что Александр Яковлевич — брат Сталина, он задумался, а потом говорит: «Знаешь, Павлик, я сделал в жизни одно нехорошее дело, когда дал согласие на перевод Александра Яковлевича в Крым. Конечно, на меня Берия сильно давил, но если бы я знал, что

он брат Большого, то никогда бы не отпустил его. Поеду к Бичиго, стану перед ним на колени и буду просить прощения...»

- A скажите, Павел Михайлович, вы лично знали Якова Георгиевича Эгнаташвили?
- Конечно. В том-то все и дело, что я своими глазами все видел и своими ушами все слышал. Отец мой, Михаил Дмитриевич Русишвили, с детства дружил с ним и был в добрых отношениях до конца своих дней. Яков Георгиевич был человеком состоятельным, занимался реализацией вина, которое нередко закупал у моего отца — одного из лучших виноделов Гори. Кстати, он же крестил моих братьев и сестер. Эгнаташвили был известен не только в Гори, но и по всей Грузии своей физической силой, умом, справедливостью и честностью. Словом, это был человек по всем своим данным положительный. Мой отец часто бывал дома у Эгнаташвили, и сам Яков Георгиевич к нам то и дело приезжал за вином. Спустится в подвал, зачерпнет ведерком из распечатанного кувшина и все ведерко выпьет. А потом подгонял арбу с бочками и давай таскать ведрами из кувшинов и переливать в бочки. А кувшины по две тысячи литров у нас были. Зальет бочки, сядет за стол с отцом и еще несколько ведерок выпьет, но при этом никогда пьяным не был. Такой был сильный человек. А потом увозил вино на продажу.
 - Где это было?
- У нас был дом в Атени. Там вино отец делал. И что характерно, никогда в жизни ни с чьей стороны никакого обмана не было. Яков Георгиевич передавал через кого-нибудь деньги, завернутые либо в бумагу, либо в платок, и отец отдавал матери всю пачку, даже не считая. Я это хорошо помню. Сам видел. Но что поразительно. Позже, когда я уже работал в Москве и находился рядом со Сталиным (служба у меня была такая), я при-

стально наблюдал за его лицом, повадками, слышал его живой голос, и мне казалось, что это Яков Георгиевич. Так генетически передалось все Сталину — и манера поведения, и жесты, и даже интонации. Вот когда Сталин выступал в метро «Маяковская» и я находился рядом с ним на подхвате, мне чудилось, что это говорит дедушка Бичиго. Строгая выдержка, мужественность — все от него! А когда я после войны приехал в Гори и пришел к своему дяде, брату матери (он уже больной лежал и приказал в честь моего прихода открыть кувшин нераспечатанный, что делается только для самых высоких гостей), которому тогда было восемьдесят пять лет, он попросил наклониться к нему и прошептал мне на ухо: «Сынок, Павлик, знай, что Саша Эгнаташвили брат Иосифа, а сам Сталин — сын Якова...»

И не только он, многие в Грузии об этом знали, но как-то не совсем удобно было об этом говорить, ибо Екатерина Георгиевна формально была замужем за сапожником Джугашвили. Ведь сначала она родила от него двоих детей, умерших во младенческом возрасте. Их-то и крестил Яков Георгиевич. А Иосифа — нет. Но при этом оплачивал его учебу и в духовном училище, и в Тифлисской семинарии — одном из самых престижных учебных заведений на Кавказе, которое закончили выдающиеся люди того времени. Спрашивается, кто Иосиф для Якова? Сын домработницы! И почему он не жалел деньги на его образование? А деньги немалые! Тогда обучение стоило очень дорого и получали образование только дети князей и очень богатых людей! Так что доказательств лично для меня достаточно, и поэтому не будем разводить дискуссий и гадать на кофейной гуще.

- Хорошо, Павел Михайлович. Расскажите теперь, как вы оказались в Москве?
- Это был тридцать седьмой год. Я закончил среднюю школу в Тбилиси и подал документы в универси-

тет. Сдал экзамены хорошо, но недобрал одного балла, потому что конкурс в тот годбыл очень большим. И я не прошел. Поехал к себе на родину, а там отец умер. И вот осенью мы стали справлять поминки. Пришло много людей, и среди них один человек что-то долго с мамой разговаривал. Я подошел, и тут он говорит: «А тебя, Павлик, я возьму в Москву».

- Кто этот человек?
- Шалва Арчувадзе, на заводе в Москве механиком работал. Я не придал особого значения его словам. Ну, выпил, разговорился. Ан нет. На следующий день он опять к нам зашел и говорит: «Через три-четыре дня едем. Я покажу тебе Москву. Понравится — останешься, устрою на работу или учебу, не понравится — вернешься домой. Что тебе терять!» Вот так. Мама приготовила два бочонка хорошего виноградного вина и наказала: «Один бочонок для Шалвы, а другой передашь Александру Яковлевичу Эгнаташвили, сыну Якова Георгиевича. Шалва поможет тебе его разыскать».
 - А вы его знали лично?
- Я его видел два-три раза, когда он в Гори приезжал. Но близко знаком не был. Итак, мы выехали, как сейчас помню, девятого декабря, а в Москву приехали двенадцатого. Шалва сразу повез меня к себе домой, жена его меня очень приветливо встретила, окружила заботой и вниманием, ибо своих детей у них не было. И вот дня через три к нашему дому подъезжает «эмка», шофер заходит и говорит мне: «Поехали к Александру Яковлевичу». Это Арчувадзе ему позвонил. Шофер привез меня в ГУМ, где тогда жил Александр Яковлевич, отец Бичиго. Мы заехали со стороны Мавзолея, шофер оставил меня в машине, а сам поднялся к хозяину. Потом выходит и говорит, что его нет дома. Мы подождали несколько минут, и Александр Яковлевич сам приехал, поцеловал меня и повел к себе. Я у него пожил несколько дней, и

он повез меня в кремлевский дом отдыха «Заречье», где располагалось небольшое спецхозяйство. Все это было в его ведении. Приехали туда и этот бочонок вина привезли на тот случай, если Сталин заедет, его попотчевать вином из винограда, выращенного на его родине.

Меня поселили в доме отдыха, где я некоторое время пожил, я потом решил вернуться домой. Взял билет в «Метрополе», а тут Бичиго появился и сразу к отцу. «Что ты, папа, надо его на работу устроить, зачем Павлику по санаториям слоняться!» И меня уговорил билет сдать. Определили меня в том же «Заречье» в охрану, там речка текла, мост был и шлагбаум. Вот я возле этого шлагбаума и стоял. А тут сильные морозы ударили, которых я отродясь не знал, я замерз как цуцик, ибо одет был очень легко. И вот я совсем окоченел, когда увидел, что едет Александр Яковлевич. Я поднимаю шлагбаум, а он спрашивает: «Как дела, Павлик?» — «Замерз, — говорю, — в тапочках и в пальтишке тоненьком». — «Ну, ладно, — говорит, — сменишься, зайдешь к коменданту». Ну, я пришел, зуб на зуб не попадает, к коменданту. Тот определил меня в винный подвал и продовольственный склад, откуда мы отправляли в Москву вино, овощи, зелень, мясную и молочную продукцию. Там небольшой молочный заводик был, где делали сметану, кефир, масло, творог. Человек пять там работало. И еще одна небольшая группа у меня была. Нам завозили ягнят, цыплят, индеек, которых мы откармливали. И вот помню, тогда Сталину посоветовали печенку индейки употреблять. Приехал Александр Яковлевич и рассказал мне, чем и как их откармливать.

- Интересно. Как же?
- Надо было кукурузную муку с песком перемешивать и индейкам давать. Мы каждый месяц по дюжине таких индеек откармливали, затем резали и извлекали печенку, которая была белой, распухшей и порою весила до пятисот граммов каждая. А потом я учился на кур-

сах неподалеку от Казанского вокзала. Я был примерным слушателем и очень быстро разобрался, как делать качественную молочную продукцию. Потом были подготовительные курсы при Первом медицинском институте. Но тут началась война, и меня перевели в Кремль, где была особая кухня. Я заведовал продовольственными складами года два, а потом меня сделали директором кремлевской столовой, где питалась кремлевская охрана.

- И сколько вы директорствовали?
- Шесть лет. Потом меня перевели на спецобъект «Ильинский № 14», где находился пленный генералфельдмаршал Паулюс и более полусотни интернированных из Германии ученых-атомщиков. Как я помню, они у нас находились с пятьдесят второго по пятьдесят седьмой год. Потом их отпустили на родину.
 - Как с ними обращались?
- Очень хорошо. Да они все были освобожденные, как в санатории жили. Я же начальником ВДХ (военно-хозяйственного довольствия) был и не помню жалоб и никаких эксцессов. А в пятьдесят седьмом меня перевели в Москву на Хорошевское шоссе в специальный секретный архив, где находился фонд Гитлера, а также дела интернированных немцев и японцев.
- A какая у вас была должность и сколько вы там прослужили?
- Должность моя называлась «старший научный сотрудник», и прослужил я там до шестидесятого года. Потом попал под хрущевское сокращение. И меня сделали вольнонаемным. Там я проработал еще три года, и в шестьдесят третьем меня перевели в закрытое предприятие «Атомная энергия для мирного использования», а позже этот «почтовый ящик» переименовали в «Союзно-монтажный трест», где я стал начальником охраны и проработал тридцать пять лет до марта девяносто восьмого года.

- Так вы в возрасте восьмидесяти двух лет ушли на пенсию?
- Выходит, так. Не отпускали меня. Да и чувствовал я себя хорошо. Это вот последний месяц что-то резко сдал. Голова кружится...
- Да, интересная судьба. Ну теперь давайте вспомним Сталина. Где и когда вы встретились с ним в первый раз?
- Первая встреча состоялась в «Заречье» весной тридцать девятого года. Тогда в «Заречье» у меня жил старичок Дата Гаситашвили, который в молодости был подмастерьем у сапожника Джугашвили, у отца Сталина, и которого пожелал увидеть Иосиф Виссарионович. Александр Яковлевич привез его ко мне, и я кормил и ухаживал за ним целых три месяца. Об этом Бичиго вам рассказывал. Но поскольку это было почти шестьдесят лет назад, он кое-что забыл. Словом, он запомнил одно, а я другое. Так вот, я дополню кое-что об этой интересной встрече. Старичку надоело долго ждать Сталина, и он собрался ехать домой, а Александр Яковлевич не пускал его, ссылаясь на то, что нет билетов.

И вот пришло время, когда нам позвонил Сталин и велел привезти старика в Кунцево. Александр Яковлевич повез его. Сталин принял Дату, устроил вечер, естественно, они выпили там. И вдруг звонок к нам в «Заречье». Бичиго взял трубку — это был его отец — и после разговора сказал мне: «Давай, Павлик, быстро буди всех и накрывай на стол. Неси самое лучшее вино и все лучшее. К нам едет Сталин!» Ну, мы мигом все сделали и где-то без пяти минут три пополудни вышли на улицу с зятем Александра Яковлевича. Гиви его звали. Бичиго был в помещении. И вот подходит первая машина. В ней были Сталин и старик Давид. Сталин вышел из машины и сразу направился к нам. Подошел, протянул руку мне, потом Гиви и, не проронив ни слова, направился в дом. А в дверях

уже появился Бичиго. Он снял со Сталина шинель, повесил ее. А Сталин оглядел залу, где был накрыт стол, и сказал по-грузински фразу — мол, дай Бог здоровья всем, кто живет в этом доме, и так далее. Следом за ним вошел Берия. Сели за стол, выпили и разговорились.

И что я очень хорошо запомнил, старик стал жаловаться Сталину, что долго ждал встречи с ним, что ему тут все надоело, хотя кормили его очень хорошо и он всем доволен, но ему хочется домой, потому что родина есть родина, а Александр Яковлевич не пускал и говорил, что очень трудно с билетами. И он никак не может достать. Сталин выслушал его и говорит: «Вот когда вы, Дата, соберетесь ехать, и, если Александр Яковлевич не сможет достать билет, тогда я подключусь, и, думаю, один билет как-нибудь для вас найдем». Мы все еле сдерживали себя, чтобы не рассмеяться. Да и Сталин все воспринимал как за чистую монету, а старик все удивлялся: «Неужели с билетами у вас так трудно? А ведь у нас целый вагон чуть не каждый день в Тбилиси ходит!» И еще один эпизод. Выпили они, и Сталин вдруг у старика спрашивает: «Дата, я давно не был на родине, и если я приеду в Гори, конечно, я буду не один, ты примешь меня в гости?» Старик подумал и ответил: «Нет, Сосо, не приму». — «А почему не примешь?» — «Потому что дом у меня небольшой, сыновья мне выделили всего одну маленькую комнатушку, где железная кровать стоит и тумбочка. Куда я тебя приму?» Тогда Сталин поднял бокал и сказал: «За здоровье Даты, которого я знаю с детства как честного, прямого и искреннего человека! И за всех честных и простых людей в лице Давида!» И выпил.

- В прошлую нашу встречу вы, Павел Михайлович, рассказывали про деньги, которые дал старику на дорогу Сталин...
- Да-да. Но деньги он дал ему у себя на Ближней, в Кунцеве, и старику неудобно было при Сталине их счи-

тать. Так вот, когда под утро Сталин уехал и мы легли спать, вдруг я слышу разговор наверху. А первый встал старик и в своей комнате стал считать деньги. Александр Яковлевич увидел и спрашивает у него: «Ну что ты, Дата, считаешь? Неужели Сталин обманет тебя?» А Дата отвечает: «А вдруг лишние передал? Ведь ему надо вернуть!» Вот такая была история, когда я впервые со Сталиным встретился. А так я всегда на всех его выступлениях рядом был — мало ли что понадобится!

- Мне Бичиго рассказывал, что вы Черчиллю сигары приносили, когда он к Сталину приезжал...
- Это когда война началась. Тут же к нам сразу Черчилль прилетел для заключения договора о совместных военных действиях. Тогда Сталин его и спрашивает: «Где вы хотите расположиться: в Подмосковье или в Москве?» Ведь Москву тогда бомбили. А Черчилль хитрый был, подумал и говорит: «Где скажете, там и буду!» Ну, Сталин в честь его приезда устроил банкет в Екатерининском зале Кремля. Вечером. Я, конечно, весь в суете. Закончили поздно, но Сталин с Черчиллем и Молотовым пошли в кинозал. И вдруг подходит ко мне Александр Яковлевич и говорит: «Павлик, отнеси в кинозал сигары для Черчилля». Ну, я положил сигары на поднос и пошел. Дверь была немного приоткрыта, я зашел и направился к Сталину. «Товарищ Сталин, — говорю, — это для господина Черчилля». Сталин поблагодарил меня, и я вышел. А позже Александр Яковлевич мне говорил, что Сталин у него на следующий день поинтересовался: «А что это за парень, Саша, вчера сигары приносил? Я его уже где-то видел». — «Из Гори он, — ответил тогда Александр Яковлевич. — Его отец был в дружбе с моим отцом». — «Ах, вон оно что! Ну, пусть на таких мероприятиях будет поблизости. Скромный парень».
 - И он даже брал вас в Тегеран?

— Да. Я видел вблизи и даже разговаривал с величайшими людьми того времени. Это было в сорок третьем году. Мне сказали, что мы едем. А куда — я и сам не знал. Сели на Курском вокзале в поезд и доехали до Баку. От Баку добрались до Астары, маленького приграничного городка. Был вечер. Из моего начальства были Берия, Аполлонов, Александр Яковлевич и другие. Но там мы пробыли недолго. Начальство село в легковые машины, а мне дали грузовую. В нее я погрузил продукты, усадил поваров, официантов и поехал за легковыми автомобилями. Были в пути почти сутки. Шофер мой так устал, потому что не спал две ночи, и был почти не в состоянии вести машину, когда мы подъезжали к Тегерану. Я с ним и так и этак разговаривал, боялся, что он заснет за рулем. О Москве рассказывал, приглашал в Москву, говорил ему, там такие красивые девушки, которых он в жизни не видел... Сам я тоже измучился, но все-таки не дал ему заснуть.

Следующим вечером мы приехали в советское посольство в Тегеране. А рядом с нами было американское посольство. Сталин раньше всех самолетом прилетел. И когда прилетел Рузвельт, он послал своего человека на аэродром его встречать. Ну, тот и сказал Рузвельту, что по последним данным контрразведки на него готовится покушение и поэтому товарищ Сталин предлагает ему поселиться в нашем посольстве. Рузвельт задумался и сказал: «А наша разведка ничего мне не докладывала, но русские работают очень хорошо, и я им верю. Однако я вчера обещал Черчиллю, что приеду к нему. Как же быть?» И тут он неожиданно согласился и поехал к нам. И я кормил и поил его.

- Когда состоялась их первая встреча?
- Вечером. С нашей стороны были Молотов, Ворошилов, Берия. С американской Рузвельт со своими людьми, и Черчилль с группой англичан. Мы с Алек-

сандром Яковлевичем стояли у черного входа и с нами еще двое чекистов-генералов из охраны. Все молчали, и была такая напряженная тишина, что было слышно, как муха пролетит. И тут я вижу, Сталин идет со Звездой Героя на груди. Я глянул на его походку и замер — точьв-точь как у Якова Георгиевича. И как только он вошел в зал, все, словно по команде, встали, а Рузвельт протянул к нему свои длинные руки, ведь он сидел в инвалидной коляске. Сталин наклонился к нему и обнял его. Через несколько минут рядом с нами оказался человек в форме американских военно-воздушных сил с полковничьими погонами. Мы недоумевали — кто это может быть и почему он оказался у черного входа рядом с нами. Но тут Сталин взглянул в нашу сторону и, увидев его, поманил к себе рукой. Это был Эллиот Рузвельт, сын президента США. Сталин посадил его за стол. Когда банкет был в самом разгаре, произошел казус с нашим переводчиком Владимиром Бережковым. Вообще-то основной переводчик с английского у Сталина был Павлов, но в Тегеране почему-то был Бережков. Обычно он за час-полтора до всяких приемов у нас поест и идет на работу. А в этот раз он, видимо, не успел. Он садился со всеми за стол, и ему подавали, как и всем. В тот раз мы подали жареные вырезки, бефстроганов, которые привезли из Москвы. Они были такие вкусные, что Бережков не выдержал и хватанул кусок. А в это время Черчилль как раз обратился к Сталину. Сталин посмотрел на Бережкова, а у него полный рот, и он никак не может прожевать мясо. Сталин сурово прожег его глазами и строго сказал: «Нашел место, где обедать!» Кстати, американцы и англичане своих переводчиков не привезли и полностью доверяли нашему. Так что ответственность была высочайшая...

Тогда из Москвы мы привезли много коньяка, который очень любил Черчилль, и лососину для Рузвельта,

которую тот обожал. Черчилль за столом очень хвалил коньяк, и Сталин ему сказал, что, как только война закончится, мы пришлем в Англию много коньяка и даже коньячный завод построим. А на следующий день Сталин преподнес Рузвельту живую рыбу, которую мы привезли из Баку. Это была большая лососина, и Рузвельт был в восторге. Только вот как ее транспортировать в Америку? Что с ней сделать? Этого никто не знал. И тогда сам Сталин объяснил нам, как разделать, как засолить, во что завернуть. Деталей я уже не помню, но, кажется, в какой-то пергамент.

- А вы присутствовали при вручении Сталину меча от английского короля Георга VI?
- Разумеется. Это было во дворе нашего посольства в яркий солнечный день. К нам зашел сотрудник посольства и пригласил выйти на улицу. Мы вышли. Там уже собрались люди и приехал Черчилль, который и преподнес Сталину меч от короля в честь победы под Сталинградом. Сталин вынул его из ножен, поцеловал и произнес короткую благодарственную речь. Всем нам было очень приятно. Это все я видел своими глазами. Ну а в Москву мы возвращались тем же путем, каким и ехали в Тегеран.
- Насколько я знаю, по возвращении в Москву Сталин сразу передал этот меч в музей.
- Да, он ничего дома не держал. Да и вообще жил очень скромно. Это даже трудно себе представить. Ведь по логике вещей, если человек провел первую половину жизни в тюрьмах, ссылках, голоде и холоде, то на старости лет, имея такие громадные возможности, должен быть в комфорте и роскоши. А он нет. Я никогда не забуду, когда его охрана, увидев его изношенные ботинки, была поражена. Все скинулись и купили ему новые, поставив их на место старых, которые он когда-то еще в ссылке купил. И вот утром Сталин встает и надевает бо-

тинки. Смотрит — новые. Вызывает Матрену, домработницу, и спрашивает: «А где мои старые ботинки?» А она так мягко отвечает: «Товарищ Сталин, вы генералиссимус, Маршал Советского Союза, Генеральный секретарь, бываете на официальных приемах, а старые ботинки совсем исхудились, неудобно как-то, и поэтому мы решили купить вам новые...» Сталин подумал и говорит: «Принесите мои ботинки».

Вообще, человек это был необыкновенный, фанатичный государственник и исключительный аскет. После гибели жены жил как монах, понимаете ли! Никого у него не было. И никому не прощал малейших прегрешений и в нравственном, и в этическом планах, в отличие от нынешних «новых русских» — воров, казнокрадов, бандитов, да просто подонков. Он этого не терпел, даже в отношении своих близких родственников. Я повторяю, что от природы это был исключительный государственник, пусть и жесткий, но фанатично преданный своему народу. Даже родного сына в жертву принес во имя победы над врагом! И за это его безумно любил Власик.

- Какая у вас осталась память о Николае Сергеевиче Власике?
- Исключительно самая светлая и чистая. Ведь он часто приезжал к нам в «Заречье» к Александру Яковлевичу. Очень уважительный человек, честный, преданный и простой. Даже по сравнению с Александром Яковлевичем он был более мягким человеком. Ведь Эгнаташвили были по характеру и жизненной позиции близки со Сталиным. Вот нам там было положено обмундирование, продукты, которые давали сотрудникам. А в отношении родственников и близких Александр Яковлевич был очень суров. Меня из списков всегда вычеркивал: «Павлику не надо, он молодой человек, обойдется!» В первую очередь давали рабочим и шоферам. Я не обижался, ведь это делалось для того, чтобы люди не поду-

мали, что я какой-то блатной. И теперь я понимаю, что все делалось правильно.

Ну, а Власик был помягче и кое в чем мне здорово помог. Дело в том, что после перевода Александра Яковлевича в Крым, где он заведовал всеми правительственными резиденциями и санаториями, Власик приблизил меня к себе, потому что я, как и Александр Яковлевич, хорошо знал вкусы и пристрастия Сталина. Он посылал меня в Грузию за вином «Атени» и «Хидистави». Это исключительно ароматные и вкусные вина. Но, к сожалению, они не переносят транспортировки, поэтому я намучился с ними, не дай Бог. Но все-таки поставлял. А потом, как я уже рассказывал, меня хотели перевести заведующим центральным винным подвалом на Дзержинку. Власик специально по этому поводу вызывал. Но я отказался, сославшись на плохое здоровье, ибо спокойной и честной жизни там мне бы не дали. Ну кто я? Капитан МГБ. А там — генералы, маршалы, и всем хорошего вина дай! Нажил бы себе врагов, да и только. К тому времени быт мой никак не был устроен. Не баловали нас жизненными благами. Кудрявцев поселил меня в одну из ведомственных коммуналок, в комнатку в восемь квадратных метров. А ордера мне не выдали.

И вот через год-полтора потребовали освободить помещение. Я растерялся и пошел к Власику. Он выслушал и говорит: «В этой ситуации, Павлик, ты сам виноват. Надо было оформлять все вовремя и как положено. Теперь ничего не поделаешь. Напиши на мое имя заявление, я попытаюсь тебе помочь». Я тут же написал, он наложил резолюцию, и мне предоставили комнату в пятнадцать квадратных метров в доме на Садово-Кудринской, где жила правительственная охрана. А у меня уже жена и двое детей были. И в этой комнате я прожил до шестьдесят восьмого года. А когда уже работал в «почтовом

ящике», мне дали еще одну комнату от предприятия. Через несколько лет наше министерство построило жилой дом на улице Халтуринской недалеко от Преображенской площади. И я, сдав эти две комнаты, получил отдельную двухкомнатную квартиру, где живу до настоящего времени.

- А еще вам Власик помогал?
- Он близкого нашей семье человека от смерти спас. Брат моей жены Акакий Алексеевич, которому сейчас семьдесят девять лет, очень тяжело заболел. Это было в сорок восьмом году. И тбилисские врачи сказали, что нужен пенициллин, иначе он умрет. Я обратился к Николаю Сергеевичу Власику с просьбой помочь, так как это лекарство было тогда достать невозможно. Он тут же принял экстренные меры и направил меня в кремлевскую больницу. Там сразу же запросили историю болезни Акакия Алексеевича и выделили лекарство. И вот благодаря Власику он до сих пор жив и здоров. Ну, а когда Власик из ссылки вернулся, мы встречались почти каждый день и ходили друг к другу в гости. Он очень любил моих детей, особенно сына Сашу. И когда позвонила его Жена Мария Семеновна и сказала, что Николай Сергеевич скончался, я с Сашей сразу пошел к нему домой. С нами пошел и Гришко, бывший начальник управления КГБ, который жил в нашем доме. Мы кремировали его в Донском монастыре и вернулись на поминки. А Мария Семеновна мне и говорит: «Вы, Павлик, близкий человек Николаю Сергеевичу, и поэтому я попрошу вас вести стол». Я растерялся: как вести — по-русски или по-грузински? Но отказываться было неудобно. И я как-то так — половину по-русски, половину по-грузински, ведь Власик сам почти тридцать лет рядом со Сталиным был и порою сам по-грузински стол вел. Так что получилось неплохо.

- А кто был на поминках?
- Ну, я уже говорил о Гришко, профессорах и академиках врачах, а остальных я не знал. Их было человек десять, но все они были близки Николаю Сергеевичу. Вот так закончилась жизнь этого замечательного человека.

Павел Михайлович устал — возраст, ничего не поделаешь. Прощаясь, он пригласил меня к себе в гости. Я с благодарностью согласился. Неделю спустя я поехал на Преображенскую площадь в гости к Павлу Михайловичу.

Он встретил меня на трамвайной остановке и привел в свою небольшую квартирку. Потом принес с балкона старый венский стул и попросил меня сесть на него. Я очень удивился, так как стул, было видно, зимой и летом стоял на балконе и был весь хилый и общарпанный.

— Этот стул из «Заречья», — сказал он, — на нем Сталин сидел.

Потом он достал из серванта простую рюмку из простого стекла, какие, пожалуй, остались теперь только в деревнях у старух, и налил в нее коньяка.

Я стал отказываться, так как плохо себя чувствовал из-за высокого давления. Но он неожиданно сказал:

— Вы не можете отказаться выпить из рюмки, из которой пил Сталин. Однажды он сидел у нас за столом в «Заречье», и, как только уехал, я взял его рюмку и спрятал. Это она и есть.

Мы проговорили часа два. Затем Павел Михайлович дал мне в руки искусно отделанный рог, из какого в Грузии пьют вино.

— Посмотрите внимательно, что там написано, — сказал он с улыбкой.

Я стал разглядывать. Вначале была большая буква «В», внутри которой маленькие «н» и «с», затем «от» и далее — большая «С» и внутри «и» и «в».

- Что все это значит? удивился я.
- Когда мне исполнилось пятьдесят лет, а это было в шестьдесят пятом году, ко мне на работу пришел Власик. Мы уже там выпили, но, увидев Николая Сергеевича, очень обрадовались. Он поздравил меня, выпил рюмку за мое здоровье и преподнес этот рог в подарок. «Павлик, сказал он, на мой день рождения Сталин подарил мне два таких рога с надписями: «Н. С. Власику от И. В. Сталина», как положено в Грузии. А поскольку ты мне сейчас самый близкий человек после Сталина, один рог я дарю тебе!» Я был растроган до слез...

Прощаясь с Павлом Михайловичем, я уложил в портфель его подарок мне — бутылку грузинского коньяка тридцатипятилетней выдержки.

Часть 5 БИ-БИ-СИ И СТАЛИН

OT ABTOPA

Когда я работал над этой книгой, мне позвонил профессор Борис Соколов.

- Владимир Михайлович, хорошо, что вас застал, обрадовался он. Вы никуда на днях не уезжаете?
 - Да нет, только что приехал с Северного Кавказа.
- Замечательно. Дело в том, что послезавтра прилетает из Лондона продюсер документальной студии телекомпании Би-би-си. Они хотят снять многосерийный документальный фильм о Сталине и его роли в Великой Отечественной войне. Очень нужна ваша помощь.
 - Какая конкретно?
- Сведите их со своими стариками, которые лично знали Сталина.
- Это будет непросто, ибо мои старики преданы Сталину до гроба, они боготворят его, а Би-би-си, сами понимаете...
- Я все понимаю, но это документалисты, да и настроены они очень объективно.
- Ладно, Борис Вадимович, я попытаюсь переговорить с ними, а там будет видно. Но имейте в виду, без моего присутствия мои старики с англичанами разговаривать не будут.
- Уж это-то я отлично понимаю, согласился профессор.

Первому соратнику Сталина — заместителю Председателя ВЦСПС Лаврентию Ивановичу Погребному — я позвонил сразу же после разговора с Соколовым. Девяностовосьмилетний старик выслушал меня внимательно, подумал и ответил:

— Пока я не готов дать согласие, потому что не только уже не хожу, а даже с постели не встаю. Это будет неудобно. Я подумаю.

А Георгий Александрович Эгнаташвили, тоже примерно одного с Погребным возраста, согласился, хотя после операции, сделанной год назад, передвигался с большим трудом.

Через три дня приехала дама из Би-би-си Мартина Балашова. Ее славянская фамилия удивила меня, но она бойко пояснила:

— Я родилась и училась в Лондон, но родители мои эмигранты из Чехословакии, бабушка моя там жить еще.

Ей было не более тридцати, но по виду и манере поведения я сразу обнаружил в ней потертую в коридорах английских разведок особу, которая всегда себе на уме. И хотя «холодная война» уже давно закончилась, ее образ мыслей, подход к теме и набор вопросов попахивали стереотипом вчерашнего дня, мало чем отличавшимся от примитивного антисоветского штампа пятидесятых — шестидесятых годов. Выучка. Воспитание. Словом, в ней проглядывала школа с известным названием. И это у молодого современного человека. Россию конца девяносто седьмого года она воспринимала как СССР семидесятых. И я с удовлетворением отметил, что мы ох как далеко шагнули в своем развитии по сравнению с застойным консерватизмом англичан. Им бы три революции в одном веке с глубокой ломкой социального и общественно-политического строя государства! Что бы от них осталось после таких потрясений! А мы еще живы, слава богу.

Из гостиницы «Будапешт» мы с Мартиной и профессором Соколовым поехали к дому на набережной. В семнадцатом подъезде поднялись на четвертый этаж, где в дверях открытой квартиры стоял сгорбленный старик с огромной, чуть ли не до пояса, седой бородой. Это и был мой дорогой Бичиго. Мы прошли в его комнату и сели за большой круглый стол. Я представил гостей, Бичиго помолчал, внимательно оглядев их здоровым глазом (другой у него почти закрылся), и спокойным властным голосом произнес:

— Я вас слушаю!

Мартина несколько волновалась, оттого ее русская речь строилась сбивчиво и неправильно, но разобрать и понять ее не составляло труда.

- Наша телекомпания снимать фильмы о выдающихся личностях двадцатый век. Мы уже сделали четыре серии фильм про Гитлер, теперь хотим сделать точно так же про Сталин. На первый серия нам надо люди, кто знал Сталин лично конец тридцатых начало сороковых годы. Владимир нам говорил, что вы встречались со Сталин этот период на дача, да?
- Не только встречался, но и за столом не один час сидел, усмехнулся Бичиго.
- Сталин в сорок первом году оказался готов к войне нет? тут же спросила Мартина.
- Мы были миролюбивым государством, а не милитаристским! парировал Бичиго. Ни одно миролюбивое государство никогда не бывает готово к войне, ибо вся его промышленность работает на мирное строительство. Необходимо время на перепрофилирование и перестройку промышленных предприятий на выпуск военной продукции. Еще раз повторяю пропис-

ную истину: к войне бывает готово только милитаристское государство.

Мартина растерялась: Бичиго был прав. Ей ничего не оставалось делать, как пустить в ход излюбленный Западом штамп:

- Но миллионы репрессированных и расстрелянных перед войной. В том числе и крупных военачальников Красной Армии. Как это понимать?
- Во-первых, ваша цифра расстрелянных, мягко говоря, очень сильно преувеличена. Ни о каких миллионах не может быть и речи. И каждую конкретную фамилию надо конкретно и рассматривать. По документам. А что касается военных, то вы себе представить не можете, какая шла борьба в этой среде и сколько военачальников стремились влезть на место наркома обороны. Они топили друг друга. Возьмем, к примеру, Тухачевского. Какой это максималист! Как он кичился своей образованностью и как рвался к власти! А во-вторых, не забывайте, что шла классовая борьба. Половина чиновников, начальников и прочих служащих были у нас обижены властью. Их дома и имущество конфисковали. Вот у вас отнимут дом, не затаите ли вы обиду на тех, кто это сделал? Однозначно. Вот в этой среде и был рассадник антисоветчины, вот этих-то и репрессировали. Классовая борьба, понимаете ли?
- Мартина, не выдержал я, взглянув на Бичиго. Я в прошлом физик, поэтому давайте договоримся так. Мы сейчас ведем разговор в строгой системе координат, в контексте определенного исторического времени. Мы говорим о государстве, высшей ценностью которого была не жизнь одного конкретно взятого индивидуума, а идея социальной справедливости для большинства людей. И в той системе координат каждый человек рассматривался винтиком огромной государственной машины, работавшей на эту идею. Большим или

маленьким винтиком — не важно. Главным винтом и двигателем этой машины был Сталин. Вот и давайте рассуждать в этой плоскости, а не апеллировать к ценностям и системам отсчета других общественно-политических систем, не смешивать диктатуру и демократию, не скатываться на оценочные крайности тоталитаризма.

- Но как это понимать? сделала круглые глаза англичанка. Расстрелять, расстрелять, расстрелять!.. Это варварство!
- Это, извините, азиатский менталитет России, разозлился я. У вас, в Англии, положим, за заговор военных вокруг поста министра обороны заговорщиков бы просто отправили в отставку. У нас за это тогда расстреливали. Наша психология это наша, а не английская или американская, где тоже не все так гуманно, как вам и им самим кажется. И некоторые вещи, что воспринимаются у вас спокойно, нам кажутся дикостью. К примеру, то же ростовщичество, которое не только в демократические, но ни в какие христианские рамки не лезет. А у вас это норма!..
- Хорошо, Владимир, я немножко понимаю, кивнула головой Мартина и взглянула на Георгия Александровича: А скажите, из вашей семьи кто-нибудь был репрессирован?
- Меня самого арестовывали, я в Бутырке сидел, сурово проговорил Бичиго. Выждав неделю, мой отец пришел к Сталину и сказал: «Сосо, моего сына посадили, и я не знаю за что. Я пришел просить за него, при условии, если он в чем-то виноват, тогда расстреляйте и меня, потому что я его таким воспитал и по этой причине не достоин не только работать у тебя, но и жить, а если не виноват разберись...» И меня тут же выпустили, после звонка Сталина Френовскому заместителю министра внутренних дел. Так что тех, за кого хлопотали и кто был арестован ни за что, не только не ре-

прессировали, но возвращали на прежнее место работы и нередко повышали по службе. Потому что было много клеветы и наговоров, была классовая борьба, как я уже говорил. А вот когда взяли жену Молотова Полину Жемчужину за ее связь с израильским послом Голдой Меир, второй человек в государстве Вячеслав Михайлович не пошел к Сталину и не хлопотал за нее, потому что она действительно была виновата. Тех, за кого хлопотали, зная, что они невиновны, отпускали...

- Так вы считаете, что все репрессированные были в чем-то виноваты, да? не унималась Мартина.
- Почему все? Я вполне допускаю, что, разумеется, пострадала часть невиновных. Среди них были и те, за кого некому было хлопотать, и те, чьи жалобы просто не дошли до соответствующих инстанций в силу разных причин, в том числе по вине нижних чинов НКВД. Но было такое время. Очень суровое. На Руси есть пословица: «Лес рубят, щепки летят», мудро резюмировал Бичиго.

Он побледнел, и глаза его заслезились. Зная, что у него в боках торчат трубки, я предложил гостям закругляться. Мартина бегло просмотрела множество фотографий из личного архива Бичиго и, записав его телефон, пообещала приехать со своей съемочной группой в январе. На этом мы с Георгием Александровичем распрощались и спустились к машине.

- А нет у вас такого старика, который бы работал со Сталин и говорил бы про Сталин по-другому? неожиданно обратилась она ко мне, подойдя к машине.
- Все, кто работал со Сталиным и встречался с ним, будут говорить о нем, как Бичиго. Других мнений нет. Плохо говорят о нем те, кто его в глаза не видел.

Мартина задумалась.

— Мне надо, чтобы говорили о его ошибки! — досадно пробормотала она.

- Какие ошибки? Что за постановка вопроса? Какое мы имеем право судить о своих родителях, которых мы не выбирали? О своей истории, которая творилась без нас? Какая она есть, такая и есть. Она уже состоялась, уже написана набело. В ней нельзя искать никаких ошибок. Она была, есть и будет. В ней ничего нельзя вычеркивать, исправлять или корректировать. Над ней нельзя смеяться и глумиться, ее нельзя проклинать или прикрашивать. Она данность, как небо, как земля...
- Хорошо, согласилась англичанка. Тогда, если можно, встретимся еще с один человек, который знал Сталин, да?
- Да. Я договорился с виночерпием Сталина. Он самый молодой из моих стариков и даже еще работает. Ему всего восемьдесят шесть лет, и для Погребного и Эгнаташвили он просто Павлик. Он нередко заходит ко мне, да и я дома у него бывал. Замечательный, веселый старик. В винах как бог разбирается. Был со Сталиным в Тегеране на конференции. Видел Черчилля и Рузвельта.
- Очень хорошо. Давайте послезавтра в двенадцать часов.
 - Договорились.

Павел Михайлович Русишвили рассказал о своих впечатлениях после встреч со Сталиным, о том, насколько был прост в общении с людьми Иосиф Виссарионович. Когда речь зашла о репрессиях, он искренне, положа руку на сердце, клялся.

— Я не знаю, поверите мне или нет, — убеждал он англичанку, — но в тридцатые и сороковые годы я слыхом не слыхивал о каких бы то ни было репрессиях, о том, что кого-то арестовали за политические убеждения. Не было такого. Это потом стали говорить, после смерти Сталина. Клянусь вам, никто из близких мне людей, из окружения по работе и быту никогда не заговаривал об этом. Может, мне повезло и меня миновала какая-то

страшная тень эпохи, а может, должность моя была не такой уж важной и значительной, но ни намеком, ни каким-то еще едва уловимым чутьем я не почувствовал в своей жизни угрозы для себя. Может быть, еще и потому, что я честно и добросовестно выполнял свой долг и свою работу, а может, очень чутко чувствовал ситуацию и не лез туда, где меня могли просто-напросто подставить. Об одном таком случае я рассказывал Владимиру Михайловичу, когда меня Власик хотел назначить заведующим главным винно-водочным складом Кремля. Тогда я деликатно отказался, сославшись на плохое здоровье, потому что понимал, что перед генералами и маршалами мне, капитану госбезопасности, не устоять, а подставить меня они могли как дважды два.

Вспоминая военный период, Павел Михайлович заговорил о Якове Джугашвили, которого знал лично и даже был дружен с ним, ибо они были почти ровесниками.

- Как он все-таки попал в плен? спросила Мартина.
- По результатам последних писательских и журналистских расследований, ответил я, там было предательство, и немцы просто-напросто его выкрали.
- Но почему Сталин не поменял свой родной сын? сокрушалась Балашова. Неужели ему сын так дорог был нет?
- Якова он очень любил, но государство и доверие своих людей ему были дороже, ответил я, в отличие от Хрущева. Вот вам два типа советских лидеров. Дело в том, что и у Хрущева была аналогичная ситуация с сыном Леонидом от первого брака. Он тоже был на фронте и тоже офицер, но при этом страшный картежник и пьяница. А хуже всего еще и подонок. Излюбленным его занятием было следующее. Проигравшему ему в карты офицеру он ставил на голову винную бутыл-

ку и стрелял в нее из нагана. Вот такие «невинные» забавы, одна из которых кончилась тем, что он, залив глаза, всадил пулю не в бутылку, а в голову товарища и попал под трибунал. Хрущев прибежал к Сталину просить за него. Кстати, такими развлечениями увлекались и некоторые немецкие офицеры. Только их подопытными были военнопленные. Так вот, Сталин спросил у первого секретаря ЦК КП(б) Украины и члена Военного совета одного из фронтов: «Вы ходатайствуете о своем сыне как член Политбюро или как отец?» — «Как отец», взмолился Хрущев. «А вы думали о том отце, сына которого убил ваш сын? Что он скажет?»

Поскольку Сталин был коллективным президентом, а не диктатором, как любят сейчас утверждать, дело сына Хрущева рассмотрели на Политбюро. Леонида разжаловали в рядовые и отправили в штрафбат. Вскоре он оказался в плену, и немцы стали использовать его в прифронтовой зоне, как сына члена Политбюро. Он неоднократно выступал по радио, агитируя бойцов Красной Армии сдаваться в плен. Это было уже чересчур, и Сталин дал указание начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко выкрасть его у немцев. Когда Сталину доложили, что его приказ выполнен и партизаны ждут самолет для отправки Леонида в Москву, то он ответил: «Не надо рисковать еще одним офицером. Судите его на месте». Леонид Хрущев был расстрелян как изменник Родины в расположении одного из партизанских отрядов. Я думаю, что именно тогда Хрущев затаил злобу на Сталина и стал мстить ему даже мертвому. А Яков не предал ни отца, ни свой народ, и отец, как больно ему ни было, пожертвовал сыном ради победы над проклятым врагом.

— Но семья это самое дорогое, что есть! — воскликнула Мартина. — Вот вы бы поменяли свой сын, если он был в плен, будь на месте Сталин?

- Я бы сделал как Сталин.
- Я бы тоже, поддержал меня Павел Михайлович.
- Удивительные вы, русские, усмехнулась англичанка,

А я вспомнил утреннюю передачу Би-би-си на русском языке, в которой говорили, что на сто тысяч зарегистрированных браков в год в сегодняшней Англии приходится сто пятьдесят тысяч разводов и большинство англичанок предпочитает вовсе не вступать в брак, а иметь хорошую работу и рожать ребенка, от кого им захочется. Вот до чего довела поголовная эмансипация. И по этой статистике половина, а то и две трети детей в Англии живут без отцов. И это у них называется «семья дороже всего»! Хотелось бы спросить у Мартины, есть ли у нее муж или ребенок. Да как-то было не совсем тактично. Бог с ними, с англичанками. Им нас не понять. А после ее отъезда я и вовсе утвердился в мысли, что им даже себя не понять.

ПРИЛОЖЕНИЕ

OT ABTOPA

Как известно, Хрущев, объявивший войну культу Сталина, решил увязать убийство Кирова со всеми последующими политическими процессами 1936—1937 гг. Небезынтересно в связи с этим познакомиться с закрытым письмом ЦК ВКП(б) по поводу убийства С. М. Кирова «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», со статьей современного историка Эрика Котляра «Выстрел в Смольном в 1934 году», с малоизвестным письмом Сталина (октябрь 1936 года), с речью И. В. Сталина на расширенном заседании Военного совета при Наркоме обороны 2 июня 1937 года и со статьей историка Александра Рослякова «Раскрытый заговор».

1. ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК ВКП(б) «О ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО БЛОКА»

«Обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий, горкомам, райкомам ВКП(б)

18 января 1935 года ЦК ВКП(б) направил закрытое письмо ко всем организациям партии об уроках событий, связанных с злодейским убийством товарища Кирова.

В этом письме сообщалось, что злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова, как это было установле-

но судом и следствием, совершено ленинградской группой зиновьевцев, именовавшей себя «ленинградским центром». В письме говорилось также о том, что «идейным и политическим руководителем «ленинградского центра» был московский центр зиновьевцев, который не знал, по-видимому, о подготовлявшемся убийстве тов. Кирова, но наверное знал о террористических настроениях «ленинградского центра» и разжигал эти настроения».

Как известно, тогда Зиновьев и Каменев признали свою вину только в разжигании террористических настроений, заявив, что они несут за убийство С. М. Кирова лишь моральную и политическую ответственность.

Однако, как теперь выяснилось, полтора года назад, во время следствия по делу об убийстве С. М. Кирова, до конца не были еще вскрыты все факты подлой контрреволюционной белогвардейской террористической деятельности зиновьевцев, равно как не была вскрыта роль троцкистов в деле убийства тов. Кирова.

На основе новых материалов НКВД, полученных в 1936 году, можно считать установленным, что Зиновьев и Каменев были не только вдохновителями террористической деятельности против вождей нашей партии и правительства, но и авторами прямых указаний как об убийстве С. М. Кирова, так и готовившихся покушениях на других руководителей нашей партии, и в первую очередь на т. Сталина.

Равным образом считается теперь установленным, что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами.

В связи с этим ЦК ВКП(б) считает необходимым информировать партийные организации о новых фактах террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев.

Какова фактическая сторона дела, вскрытая за последнее время?

І. ФАКТЫ

1. После убийства С. М. Кирова, в течение 1936 г., органами НКВД вскрыт ряд террористических групп троцкистов и зиновьевцев в Москве, Ленинграде, Горьком, Минске, Киеве, Баку и других городах.

Подавляющее большинство участников этих террористических групп во время следствия призналось в том, что основной своей задачей они ставили подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства.

2. Руководство разоблаченными группами троцкистов и зиновьевцев и всей их террористической деятельностью в СССР осуществлялось блоком троцкистов и зиновьевцев.

Блок троцкистской и зиновьевско-каменевской группы сложился в конце 1932 года, после переговоров между вождями контрреволюционных групп, в результате чего возник объединенный центр в составе — от зиновьевцев — Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова, Куклина и от троцкистов — в составе Смирнова И. Н., Мрачковского и Тер-Ваганяна.

Главным условием объединения обеих контрреволюционных групп было взаимное признание террора в отношении руководителей партии и правительства как единственного и решающего средства пробраться к власти.

С этого времени, т. е. с конца 1932 года, троцкисты и зиновьевцы всю свою враждебную деятельность против партии и правительства сосредоточили главным образом на организации террористической работы и осуществлении террора в отношении виднейших руководителей партии, и в первую очередь в отношении товарища Сталина.

Факты террористической деятельности раскрытых троцкистских и зиновьевских контрреволюционных групп настолько неопровержимы, что они заставили даже вождей этих террористических групп полностью признать все их белогвардейские злодеяния.

Так, например, допрошенный в связи с раскрытыми террористическими группами Зиновьев на следствии 23—25 июля 1936 года признал следующее:

«Я действительно являлся членом объединенного троцкистско-зиновьевского центра, организованного в 1932 году.

Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б), и в первую очередь убийство Сталина и Кирова. Через членов центра И. Н. Смирнова и Мрачковского центр был связан с Троцким, от которого Смирновым были получены прямые указания по подготовке убийства Сталина». (Г. Зиновьев. Протокол допроса от 23 — 25 июля 1936 г.)

Другой член контрреволюционной зиновьевской группы — Каменев, подробно рассказывая об организации троцкистско-зиновьевского блока и практическом плане центра, на следствии 23 июля 1936 года показал:

«...мы, т. е. зиновьевский центр контрреволюционной организации, состав которой был мною назван выше, и троцкистская контрреволюционная организация в лице Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна договаривались в 1932 году об объединении обеих, т. е. зиновьевской и троцкистской, контрреволюционных организаций для совместной подготовки совершения террористических актов против руководителей ЦК, в первую очередь против Сталина и Кирова.

Главное заключается в том, что и Зиновьев, и мы—я, Каменев, Евдокимов, Бакаев и троцкистские руководители Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян— в 1932 году решили, что единственным средством, с помощью ко-

торого мы можем надеяться на приход к власти, является организация совершения террористических актов против руководителей ВКП(б), в первую очередь против Сталина.

На этой именно базе террористической борьбы против руководителей ВКП(б) и велись переговоры между нами и троцкистами об объединении». (Л. Каменев. Протокол допроса от 23 — 24 июля 1936 г.)

На вопрос о том, были ли доведены в 1932 году переговоры между зиновьевско-каменевской и троцкистской группами до конца, Каменев на следствии ответил:

«Переговоры с троцкистами об объединении троцкистской и зиновьевской контрреволюционной организации мы довели до конца, и между нами, т. е. зиновьевским центром в лице Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева и Куклина и троцкистским центром в лице Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна, был заключен блок о совместной борьбе против ВКП(б) путем, как я уже показал выше, террора против руководителей ВКП(б)». (Л. Каменев. Протокол допроса от 23—24 июля 1936 г.)

Таким образом, Зиновьев и Каменев, объединяясь с Троцким, считали, что самое главное заключается в единодушном признании того нового, чем отличается вновь созданный ими блок от предыдущего. Это новое, по показаниям зиновьевцев Л. Каменева, Рейнгольда И. И., Пикеля Р. В., Бакаева И. П. и троцкистов Мрачковского С. В., Дрейцера Е. А. и других, состояло в признании целесообразности активных террористических действий против руководства партии и правительства.

С этим положением Зиновьева и Каменева Троцкий был не только согласен, но в свою очередь считал основным условием объединения троцкистов и зиновьевцев признание обеими группами целесообразности террора против вождей нашей партии и правительства.

Об отношении Троцкого к созданию объединенного троцкистско-зиновьевского блока и условиях объединения известный троцкист и один из ближайших соратников Троцкого — Мрачковский С. В. — на следствии показал:

«В середине 1932 года И. Н. Смирнов поставил перед нашей руководящей тройкой вопрос о необходимости объединения нашей организации с группами Зиновьева—Каменева и Шацкина—Ломинадзе. Тогда же было решено запросить по этому поводу Троцкого и получить от него новые указания. Троцкий ответил согласием на создание блока, при условии принятия объединившимися в блок группами вопроса о необходимости насильственного устранения вождей ВКП(б), и в первую очередь Сталина». (Мрачковский. Протокол допроса 19—20 июля 1936 г.)

О том, что троцкисты и зиновьевцы своей главной задачей ставили террористическую борьбу против руководителей ВКП(б) и правительства, дали показания и все остальные арестованные видные троцкисты и зиновьевцы, например, Бакаев, Рейнгольд, Сафонова, Пикель, Дрейцер и другие.

Таким образом, неопровержимым фактом является то, что троцкисты и зиновьевцы уже несколько лет как объединились на платформе индивидуального белогвардейского террора против вождей партии и Советского правительства и прибегают к методам, которыми до сих пор пользовались озлобленные остатки белоэмигрантщины, организованные в террористические организации типа РОВСа, «Союза русских фашистов», «Фашистского союза молодежи» и т. п.

3. Сергей Миронович Киров был убит по решению объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока. Вся практическая работа по организации покушения была возложена на члена объединенного центра Бакаева. В помощь Бакаеву центр выделил работавшего в Ленинграде видного зиновьевца Карева, который был близко связан лично с Зиновьевым.

В результате решения объединенного центра в Ленинграде было организовано несколько троцкистских и зиновьевских террористических групп, в том числе группа Румянцева — Котолынова — Николаева, которая и совершила убийство Кирова.

О том, что убийство Кирова совершено по решению объединенного троцкистско-зиновьевского центра, на следствии показывают большинство активных участников террористических групп, в том числе Зиновьев, Каменев, Бакаев, Карев и другие. Так, например, Зиновьев на следствии показал следующее:

«Я также признаю, что участникам организации Бакаеву и Кареву от имени объединенного центра мною была поручена организация террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде.

Это поручение мною было дано в Ильинском осенью 1932 года». (Зиновьев. Протокол допроса от 23—25 июля 1936 г.)

Другой руководитель объединенного блока — Каменев — на вопрос следователя: знал ли он о решении центра убить товарища Сталина и С. М. Кирова — ответил следующее:

«Да, вынужден признать, что еще до совещания в Ильинском Зиновьев сообщил мне о намечавшихся решениях центра троцкистско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против Сталина и Кирова. При этом он мне заявил, что на этом решении категорически настаивают представители троцкистов в центре блока — Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, что у них имеется прямая директива по этому поводу от Троцкого и что они требуют практического перехода к

этому мероприятию в осуществление тех начал, которые были положены в основу блока».

И далее:

«Я к этому решению присоединился, так как целиком его разделял». (Каменев. Протокол допроса от 23— 24 июля 1936 г.)

Помощник Бакаева по Ленинграду в деле организации покушения на Кирова, Карев Н. А., на следствии тоже подтвердил полученное от объединенного центра поручение. Он показал, что, будучи в середине августа 1932 года на даче у Зиновьева в Ильинском и принимая участие в состоявшемся там совещании, получил следующее поручение Зиновьева:

«Зиновьев сообщил, что на основе признания террора основным средством борьбы с существующим партийным руководством зиновьевским центром установлен контакт с руководителями троцкистской организации в Союзе Иваном Никитичем Смирновым и Мрачковским и что есть решение объединенного троцкистско-зиновьевского центра об организации террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде. Зиновьев сказал, что подготовка террористических актов над Сталиным и Кировым поручена Бакаеву, который должен использовать для этих целей свои связи с зиновьевскими группами в Ленинграде и Москве.

Мне Зиновьев также предложил в свою очередь подбирать из близких руководимой мною в Академии наук в Ленинграде организации людей, способных осуществить террористический акт над Кировым». (Карев Н. А. Протокол допроса от 5 июня 1936 г.)

И далее он сообщает, что в разговоре с Бакаевым там же, в Ильинском, он узнал следующее:

«...при разговоре с Бакаевым я узнал, что последний намерен использовать для организации террористического акта над Кировым существующие в Ленинграде и

связанные с ним — Бакаевым — зиновьевские группы Румянцева и Котолынова».

Главный организатор покушения — Бакаев — также сознался в том, что ему было поручено центром организовать убийство товарища Сталина и С. М. Кирова.

После состоявшегося решения центра троцкисты и зиновьевцы развивают интенсивную деятельность по организации покушения на Кирова. В июне 1934 года Каменев специально выехал в Ленинград для проверки подготовленности организации террористического акта над товарищем Кировым. Каменев связался тогда с руководителем одной из террористических групп в Ленинграде — Яковлевым М. Н., которому от имени объединенного центра дал указание форсировать подготовку убийства Кирова; Зиновьев также всячески форсирует совершение убийства Кирова, упрекая участников террористических групп в медлительности и нерешительности.

Так, например, один из участников террористической группы, арестованный зиновьевец Моторин Н. М., бывший личный секретарь Зиновьева, показал, что осенью 1934 года он был в Москве и посетил Зиновьева, которого информировал о том, как идет подготовка террористического акта над Кировым во исполнение полученных им через Бакаева указаний от Зиновьева. Он говорит:

«Зиновьев мне указал, что подготовка террористического акта должна быть всемерно форсирована и что к зиме Киров должен быть убит. Он упрекал меня в недостаточной решительности и энергии и указал, что в вопросе о террористических методах борьбы надо отказаться от предрассудков». (Моторин П. М. Протокол допроса от 30 июня 1936 г.)

4. Объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и глав-

ной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Решение об убийстве товарища Сталина было принято одновременно с решением об убийстве тов. Кирова. С этой целью центром было организовано в Москве несколько строго законспирированных террористических групп. Для объединения деятельности этих групп всесоюзным троцкистско-зиновьевским центром был создан московский центр в составе зиновьевцев — Бакаева, Рейнгольда, Пикеля и троцкистов — Мрачковского и Дрейцера. Непосредственная организация убийства товарища Сталина была возложена на Бакаева. На следствии Бакаев признал свою роль непосредственного организатора террористических актов. Он показал:

«Я признаю, что мне лично Зиновьев поручил организовать убийство товарища Сталина в Москве».

И далее:

«По указанию Зиновьева к организации террористического акта над Сталиным мною были привлечены зиновьевцы Рейнгольд, Богдан и Файвилович, которые дали согласие принять участие в террористическом акте.

Наряду с нами убийство Сталина готовили И. Н. Смирнов и С. В. Мрачковский, которые получили прямую директиву Троцкого совершить террористический акт». (Бакаев. Протокол допроса от 17—19 июля 1936 г.)

Активный член зиновьевского центра, бывший заведующий секретариатом Зиновьева Пикель Р. В. сообщил на следствии, что Бакаев развил лихорадочную деятельность по организации покушения, вкладывая в это дело всю свою энергию.

Пикель говорит:

«Бакаев не только руководил подготовкой террористического акта в общем смысле, а лично выезжал на места наблюдения, проверял и вдохновлял людей... Летом 1934 года я как-то пришел к Рейнгольду. Рейнгольд мне сообщил, что наблюдения за Сталиным дали положительные результаты и что Бакаев с группой террористов выехали на его машине сегодня с задачей убить Сталина. При этом Рейнгольд нервничал, что они долго не возвращаются. В этот же день вечером я вновь виделся с Рейнгольдом и он сообщил мне, что осуществлению террористического акта помешала охрана Сталина, которая, как он выразился, спугнула участников организации». (Пикель. Протокол допроса от 22 июля 1936 г.)

Троцкий, находясь за границей, особенно после ареста Каменева и Зиновьева, всячески форсирует совершение убийства тт. Сталина и Ворошилова, направляя деятельность всесоюзного объединенного троцкистскозиновьевского центра. Он систематически посылает через своих агентов директивы и практические указания об организации убийства.

Близкий Троцкому человек, несший в свое время его личную охрану, участник троцкистско-зиновьевского блока Дрейцер Е. А. на следствии признал, что в 1934 году он получил письменную директиву Троцкого о подготовке террористического акта против тт. Сталина и Ворошилова.

Он сообщил:

«Эту директиву я получил через мою сестру, постоянно проживающую в Варшаве Сталовицкую, которая приехала в Москву в конце сентября 1934 г.

Содержание письма Троцкого было коротко. Начиналось оно следующими словами:

«Дорогой друг! передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи:

первая — убрать Сталина и Ворошилова,

вторая — развернуть работу по организации ячеек в армии,

третья— в случае войны использовать всякие неудачи и замешательства для захвата руководства». (Дрейцер. Протокол допроса от 23 июля 1936 г.)

Содержание этой директивы подтвердил и другой видный троцкист Мрачковский, который показал следующее:

«Эстерман передал мне конверт от Дрейцера. Вскрыв конверт при Эстермане, я увидел письмо, написанное Троцким Дрейцеру. В этом письме Троцкий давал указание убить Сталина и Ворошилова». (Мрачковский. Протокол допроса от 4 июля 1936 г.)

После убийства товарища Кирова и разгрома в связи с этим троцкистско-зиновьевского центра Троцкий берет на себя все руководство террористической деятельностью в СССР. Для восстановления террористических групп в СССР и активизации их деятельности Троцкий перебрасывает из-за границы по подложным документам своих проверенных агентов. В качестве таких агентов из Берлина в Москву в разное время он перебросил Берман-Юрина, В. Ольберга, Фриц-Давида, Горовича, Гуревича, Быховского и других. Все они получали задание во что бы то ни стало убить тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича и других вождей партии.

Агент Троцкого — В. Ольберг, командированный в СССР для организации террористических групп и ныне арестованный, показал следующее:

«Я был непосредственно связан с Троцким, с которым поддерживал регулярную связь, и с Львом Седовым (Лев Седов — сын Троцкого, организатор террористических групп, ведущий за границей «работу» под руководством своего отца Троцкого), который давал мне лично ряд поручений организационного порядка, в частности, по нелегальной связи с Советским Союзом. Я являлся эмиссаром Троцкого в Советском Союзе вплоть до моего ареста. С целью ведения в Советском

Союзе троцкистской контрреволюционной работы и организации террористических актов над Сталиным я нелегально приехал в СССР». (В. Ольберг. Протокол допроса от 13 февраля 1936 г.)

Ольберг по приезде в СССР в целях конспирации организовал террористическую группу из троцкистов, находящихся не в Москве, а в городе Горьком, имея в виду перебросить ее в Москву для убийства товарища Сталина.

Убийство предполагалось совершить во время первомайских празднеств 1936 года. В этих целях руководитель троцкистской организации в Горьком — директор Горьковского педагогического института Федотов И. К. должен был командировать террористов в Москву под видом отличников учебы пединститута и обеспечить таким образом им возможность участвовать в демонстрации на Красной площади.

Почти одновременно с Ольбергом Троцкий перебрасывает и другого своего агента Берман-Юрина.

Давая Берман-Юрину директиву об организации террористического акта против тов. Сталина, Л. Д. Троцкий особо подчеркивал, что это убийство должно быть совершено не конспиративно, в тиши, а открыто на одном из пленумов или на конгрессе Коминтерна.

Вместе с Берман-Юриным в работе по подготовке террористических актов против товарища Сталина принимал участие работник Коминтерна Фриц-Давид, также прибывший в СССР по личному поручению Л. Д. Троцкого в мае 1933 года.

Берман-Юрин и Фриц-Давид установили между собой организационную связь и подготовляли совершение террористических актов против товарища Сталина на VII конгрессе Коминтерна.

«В беседе со мной, — показал на следствии Берман-Юрин, — Троцкий открыто заявил мне, что в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами и что Сталин должен быть физически уничтожен. О Сталине он говорил с невероятной злобой и ненавистью. Он в этот момент имел вид одержимого. Во время беседы Троцкий поднялся со стула и нервно ходил по комнате. В нем было столько ненависти, что это производило исключительное впечатление, и мне тогда казалось, что это человек исключительной убежденности. Я вышел от него как загипнотизированный». (Берман-Юрин. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.)

Но троцкистско-зиновьевский центр не ограничивался организацией убийства одного лишь т. Сталина. Он ставил своей задачей одновременное убийство других руководителей партии — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева.

Троцкистско-зиновьевский центр рассчитывал, что одновременное убийство ряда руководителей партии в Москве, Ленинграде и на Украине расстроит ряды ВКП(б), вызовет панику в стране и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти.

Зиновьев и Каменев, говоря об убийстве тт. Сталина, Ворошилова, Жданова и других, неоднократно заявляли: «Мало вырвать дуб, надо уничтожить все то молодое, что около этого дуба растет».

Убийство перечисленных товарищей пытались организовать различные группы. Наиболее характерными из них, освещающими деятельность троцкистско-зиновьевского террористического центра, являются следующие группы.

По осуществлению террористического акта над тов. Ворошиловым работали две группы. Одна группа была организована входившим в московский террористический центр троцкистом Дрейцером, который получил задание об убийстве Ворошилова непосредственно от Троцкого. В качестве непосредственных участников и ис-

полнителей террористического акта над Ворошиловым Дрейцер привлек бывших активных троцкистов, командиров Красной Армии Шмидта Д. А. и Кузьмичева. Последние лично дали согласие совершить террористический акт и деятельно к нему готовились в 1935—1936 гг.

Вот, например, что показывает небезызвестный Мрачковский о деятельности террористической группы в направлении организации убийства Ворошилова.

На вопрос следователя — было ли практически подготовлено покушение на руководителей ВКП(б) кроме товарища Сталина, он ответил:

«В середине 1934 года Дрейцер Е. мне докладывал, что им подготовлялось одновременно убийство Ворошилова, для чего должен быть быть подготовлен Шмидт Дмитрий, бывший в армии на должности командира и не бывший на подозрении в партии. Предполагалось, что он убьет Ворошилова либо во время личного доклада Ворошилову по делам службы, либо во время очередных маневров, на которых будет присутствовать Ворошилов». (Мрачковский. Протокол допроса от 19—20 июля 1936 г.)

Вторую группу по организации покушения на Ворошилова организовал прибывший из Германии троцкист М. Лурье.

По показаниям М. Лурье, он имел в августе месяце 1934 года встречу с Зиновьевым на его квартире в Москве. Во время этой встречи М. Лурье проинформировал Зиновьева о том, что он прибыл в СССР с директивой Л. Д. Троцкого об организации террористических актов против руководителей ВКП(б). М. Лурье сообщил Зиновьеву о том, что действующая под его руководством террористическая группа в составе Натана Лурье, Эрика Константа и Павла Липшица в течение 1933 года вела систематическую слежку за наркомом обороны тов. Ворошиловым.

Назначенный непосредственным исполнителем готовившегося убийства тов. Ворошилова, Натан Лурье показал следующее:

«Я должен признать, что возглавлявшаяся мною боевая террористическая группа с осени 1932 года и до конца 1933 года активно подготовляла террористический акт над наркомом обороны Ворошиловым. Мы предполагали выследить и убить Ворошилова в районе Дома Реввоенсовета на улице Фрунзе, для каковой цели вели наблюдение в этом районе на протяжении года». (Лурье Н. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.) Об организации покушения на тов. Кагановича показывает активный член троцкистско-зиновьевского блока, близкий Троцкому человек Эстерман И. С.

Рассказывая на следствии о том, как он организовал террористическую группу, он говорит:

«В декабре 1934 года Чаговский высказался за организацию покушения на Кагановича, указывая, что это покушение очень легко осуществить. Чаговский рассказал мне, что Каганович иногда бывает на кожзаводе им. Кагановича (бывший «Красный поставщик») в сопровождении небольшой охраны. Чаговский также говорил мне, что после выступления на заводе Каганович беседует с рабочими и совершить покушение в этот момент не представляет особого труда. Весь вопрос заключается только в том, чтобы найти и вовлечь в организацию кого-либо из рабочих этого завода, который своевременно мог бы поставить в известность наших боевиков о приезде Кагановича. Я полностью одобрил это предложение и поручил Чаговскому приступить к практической подготовке террористического акта над Кагановичем. В декабре 1934 года Чаговский мне сообщил, что им подготовлена на складе «Союзкожобувьсбыт» боевая группа из 3 человек, которой можно поручить совершить покушение». (Эстерман И. С. Протокол допроса от 2 июля 1936 г.)

Обо всем этом Эстерман доложил одному из руководителей московского террористического центра — Дрейцеру, который одобрил план Чаговского и согласился на создание террористической группы на заводе имени Л. М. Кагановича, целью которой является совершить убийство товарища Кагановича.

Покушение на т. Кагановича при удобном случае имела в виду совершить и группа Лурье М., которая пыталась убить, главным образом, т. Ворошилова.

Кроме того, по показаниям бывшего редактора «Ленинградской правды» Закс-Гладнева, его бывшего заместителя Антонова и видного зиновьевца Тойво, они готовили покушение тоже на товарища Сталина, т. Кагановича и т. Ворошилова по заданию троцкистско-зиновьевского центра, которое они получили через члена зиновьевско-каменевского центра Гертика.

Покушение на тов. Орджоникидзе готовила группа Натана Лурье, которому было поручено приурочить это покушение к возможному приезду Орджоникидзе на Челябинский тракторный завод. Наиболее удобным покушение на Челябинском тракторном заводе троцкисты считали потому, что Натан Лурье был временно командирован туда на работу.

Кроме того, в июле 1934 года на оружейном заводе в Туле по поручению троцкистско-зиновьевского центра была создана террористическая группа, ставящая своей целью организацию покушения на тов. Сталина, тов. Ворошилова и тов. Орджоникидзе.

Покушение на т. Жданова готовили две группы. Одна группа, организованная переброшенными из-за границы троцкистами Гуревичем Х. и Быховским М., и вторая группа, организованная троцкистско-зиновьевским центром через активного троцкиста Зайделя в со-

ставе научных работников Академии наук Седых, Бусыгина и Урановского.

Организацию покушения на Косиора и Постышева на Украине готовила боевая террористическая организация, которая состояла из ряда групп. Наиболее активной из них была группа Нырчука М. А. и Мухина Н. И.

Руководитель одной из террористических групп Мухин показывает об организации покушения над Косиором и Постышевым следующее:

«Наша организация построена была на принципах глубокой конспирации. Объектами террора были намечены Косиор и Постышев. Боевая организация состояла из ряда групп, одну из которых возглавлял я. В задачу этих групп входила подготовка и осуществление террористических актов, каждая над своим объектом. Моя группа действовала в направлении осуществления террористического акта над секретарем ЦК КП(б)У Косиором: группа Глухенко, Звада и Фесюра — над Постышевым». (Мухин. Протокол допроса от 11 декабря 1935 г.)

Следствием установлено, что террористические группы, готовившие покушение на товарища Сталина и тт. Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора и Постышева были организованы в разное время и сохранились до 1936 года, т. е. до момента своего ареста, и последние их покушения приурочивались к 1 мая 1936 года. Предполагалось, что одновременное покушение в нескольких местах может внести замешательство в ряды ВКП(б) и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти.

5. Встав на путь индивидуального белогвардейского террора, троцкистско-зиновьевский блок потерял всякое чувство брезгливости и для осуществления своих преступных замыслов стал пользоваться услугами не только разгромленных остатков последышей белогвар-

дейщины, но и услугами иностранной разведки, иностранных охранников, шпионов и провокаторов.

Так, например, террористическая группа, возглавлявшаяся прибывшим из Германии М. Лурье, фактически была организована активным германским фашистом Францем Вайцем, представителем Гиммлера (в то время руководитель штурмовых фашистских отрядов в Берлине, а сейчас руководитель германского охранного отделения — гестапо).

М. Лурье, будучи у Зиновьева, сообщил ему, что участники его террористической группы имеют организационную связь с фашистом Францем Вайцем и немецкой охранкой — гестапо, и спросил у Зиновьева, каково его отношение к этому.

Зиновьев на это ответил:

«Что же вас здесь смущает? Вы же историк, Моисей Ильич. Вы знаете дело Лассаля с Бисмарком, когда Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции». (Лурье М. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.)

Участник организованной М. Лурье террористической группы Констант Э. К., сообщая о мотивах своей связи с представителем германской охранки Францем Вайцем, на следствии показал следующее:

«Будучи крайне озлоблен против политики ВКП(б) и лично против Сталина, я сравнительно легко поддался политической обработке, которую вел в отношении меня Франц Вайц. В беседах со мной Франц Вайц указывал, что различие наших политических позиций (я троцкист, а он фашист) не может исключить, а, наоборот, должно предполагать единство действий троцкистов и национал-социалистов в борьбе против Сталина и его сторонников. После ряда сомнений и колебаний я согласился с доводами Франца Вайца и находился с ним все время в постоянном контакте». (Констант. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.)

Многие из переброшенных Троцким в СССР террористов тоже, как установлено следствием, были связаны с германской охранкой (гестапо). Следствие установило, что Троцкий знал об их связях с гестапо и считал желательной такую связь для более успешной организации террористических актов против вождей Советской власти.

Так, например, переброшенный Троцким его агент Валентин Ольберг, организовавший террористическую группу для покушения на товарища Сталина, прибыл нелегально в СССР по паспорту гражданина Гондурасской республики, который ему помогла приобрести немецкая охранка (гестапо).

Немецкая охранка, связавшись с В. Ольбергом, сначала предполагала дать ему собственное задание по шпионской деятельности в СССР. Однако, узнав от Ольберга, что ему поручено Троцким организовать террористический акт над Сталиным, целиком одобрила этот план и обещала всяческое содействие, вплоть до устройства обратного побега через границу после совершения убийства. Ольберг, в частности, получил от германской охранки явки к целому ряду немецких агентов в СССР.

- В. Ольберг, прежде чем принять предложение ГЕС-ТАПО о совместном сотрудничестве, решил испросить согласие троцкистской организации и обратился по этому поводу к Троцкому через его сына Седова, который ведет всю практическую организационную работу по связям и переброске террористов в СССР в заграничном центре троцкистов.
- В. Ольберг по этому поводу на следствии показал следующее:

«Я не решился без специальных указаний Седова идти на это и сообщил условным письмом Седову в Париж, что есть возможность наладить связь с крупной немецкой организацией крайне правого направления (речь

идет о гестапо), которая может помочь мне в приобретении паспорта и въезде в Советский Союз. Седов мне ответил, что он согласен на установление мною связи с этой организацией, предупредив меня о необходимости сохранения этой связи в строжайшей тайне». (В. Ольберг. Протокол допроса от 9 мая 1936 г.)

Переброшенные Троцким в СССР троцкисты Гуревич и Быховский тоже были связаны, как теперь установлено, с германской охранкой.

Все связанные с немецкой полицией, переброшенные в СССР троцкисты имели доступ к немецкому посольству в Москве и несомненно пользовались его услугами.

Так, например, упомянутый нами выше троцкист Натан Лурье, о террористической деятельности которого было известно Троцкому и Зиновьеву, рассказал на следствии о предполагавшемся ими использовании германского посольства.

Он сообщил следующее:

«После беседы с М. Лурье я собрал у себя Константа и Липшица и мы втроем обсудили положение с наблюдением за Ворошиловым. По моему предложению было решено приобрести взрывные снаряды, которые мы поручили Константу достать в германском посольстве, где Констант имел оставленные ему Вайцем связи. Мы договорились с Константом зайти в германское посольство, но моя внезапная командировка в Челябинск на два года помешала выполнить задуманный план». (И. Лурье. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.)

6. Для приобретения необходимых материальных средств, связанных с подготовкой террористических актов, троцкистско-зиновьевскии контрреволюционный блок прибегал к воровству государственных средств и прямому грабежу народных денег.

На следствии установлено, что на одном из заседаний объединенного троцкистско-зиновьевского центра было предложено некоторым активным троцкистам и зиновьевцам завязать связи со скрытыми, работающими на хозяйственной работе троцкистами и зиновьевцами для получения средств. Такое поручение, в частности, было дано Рейнгольду. Последний должен был по заданию Каменева связаться со скрытым двурушником Аркусом Г. М., занимавшим пост заместителя председателя Госбанка СССР.

По показаниям Рейнгольда, Аркус систематически оказывал материальную поддержку троцкистско-зиновьевскому центру. В частности, Рейнгольд на следствии показал о том, что в июле или августе 1933 года Аркус перевел из Госбанка 30 тыс. рублей на нужды троцкистско-зиновьевского центра. 15 тыс. он перевел Картографическому тресту, который возглавлялся тогда активным зиновьевцем Федоровым, и 15 тыс. другому хозяйственному тресту, который возглавлял небезызвестный Г. Евдокимов. Деньги были переведены под видом сумм на оплату статистико-экономических работ, которые государством не регулируются.

В ряде случаев террористические группы троцкистов и зиновьевцев прямо готовились к грабежам для того, чтобы добыть средства и оружие для совершения террористических актов. Так, например, группа террористов в Горьком, возглавляемая троцкистом Поповым, пыталась осуществить ряд грабежей для приобретения средств и оружия.

Активный участник этой группы троцкист Лаврентьев Л. А. на следствии показал:

«...Составленный террористической контрреволюционной троцкистской группой план совершения террористического акта над тов. Сталиным состоял из

следующих основных частей: 1) приобретение средств для террористической группы путем совершения экспроприации государственных учреждений и банков; 2) приобретение оружия для членов террористической группы; 3) непосредственная подготовка и совершение террористического акта над Сталиным. На одном из совещаний террористической группы было решено, что Попову, Храмову, Пугачеву и мне — Лаврентьеву нужно целиком отдаться террористической деятельности и уволиться с работы. Первым по заданию Попова уволился с работы Храмов, и по указанию Попова Храмов выехал в Ардатовский район для подготовки экспроприации. Предполагалось для начала захватить кассу сельсовета при наибольшем поступлении налоговых сумм. Вскоре после отъезда Храмова с работы уволились Попов и Пугачев. Я же находился в отпуску. Все мы трое, а вместе с нами и Пелевина выехали в село Хохлово Ардатовского района для совершения экспроприации кассы сельсовета. По приезде в село Хохлово Храмов рассказал нам, что подготовить экспроприацию ему не удалось. В течение двух суток Попов также пытался подготовить экспроприацию, но ему это не удалось. В связи с этим мы - члены террористической группы — Попов, я — Лаврентьев, Пугачев и Пелевина выехали в Арзамас. По предложению Попова начали вести подготовку ограбления кассиров, получающих большие суммы в банке. К ограблению было намечено 3 человека. Ограбление совершено не было, так как не было подходящей обстановки». (Лаврентьев А. А. Протокол допроса от 9 ноября 1935 г.)

Таковы факты о контрреволюционной террористической деятельности объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока.

II. ВЫВОДЫ

Эти факты показывают, что троцкистско-зиновьевский контрреволюционный центр и его вожди Троцкий, Зиновьев и Каменев окончательно скатились в болото белогвардейщины, слились с самыми отъявленными и озлобленными врагами Советской власти и превратились в организующую силу последышей разгромленных в СССР классов, которые в отчаянии прибегают к подлейшему средству борьбы с Советским правительством — к террору.

Они не только превратились в организующую силу последышей разгромленных классов в СССР, но они стали еще головным отрядом контрреволюционной буржуазии за пределами Союза, выразителями ее воли и чаяний.

Всей своей деятельностью они вдохновляют худшие элементы белоэмигрантщины, состоящие на службе иностранных охранок и организованные в террористические группы, за границей вроде POBCa («Российский общевоинский союз»), «Русской фашистской партии», «Фашистского союза молодежи» и т. п.

Они превратились в организующую силу худших и наиболее озлобленных врагов СССР, потому что у них не осталось никаких политических мотивов борьбы с партией и с Советской властью, кроме голого, неприкрытого карьеризма и желания во что бы то ни стало прокрасться к власти.

Перед лицом совершенно неоспоримых успехов социалистического строительства они вначале надеялись, что наша партия не сможет справиться с трудностями, в результате чего создадутся условия для их возможного выступления и прихода к власти. Но, видя, что партия с успехом преодолевает трудности, они ставят ставку на поражение Советской власти в предстоящей войне, в результате чего они мечтают пробраться к власти.

И, наконец, не видя никаких перспектив, они в отчаянии хватаются за последнее средство борьбы — за террор.

Если раньше троцкистско-зиновьевские группы мотивировали свою борьбу против партии тем, что партия и правительство якобы ведут неправильную политику, ведут страну к гибели, то сейчас они выдвигают совершенно противоположные мотивы. Теперь главным мотивом перехода к террору они считают именно успехи, одержанные нашей партией на всех фронтах социалистического строительства, успехи, вызывающие у них озлобление и толкающие их на месть за свое политическое банкротство.

Вот, например, что в своих показаниях на следствии говорит один из вождей объединенного троцкистскозиновьевского блока, Каменев:

«Должен признать, что действительно никакой положительной программы мы не противопоставляли и не в состоянии были противопоставить политике ВКП(б).

В самом начале наших переговоров с троцкистами еще намечались бледные попытки обсуждать возможность составления положительной платформы.

Однако вскоре мы убедились, что это напрасный труд, что никакой идейной политической платформы у нас нет.

Ставка же наша на непреодолимость трудностей, которые переживала страна, на кризисное состояние хозяйства, на крах хозяйственной политики партийного руководства ко второй половине 1932 года уже была явно бита.

Страна под руководством ЦК ВКП(б), преодолевая трудности, успешно шла по пути хозяйственного роста. Мы этого не видеть не могли.

Казалось бы, что мы должны были прекратить борьбу. Однако логика контрреволюционной борьбы, голое, безыдейное посягательство на власть повели нас в другом направлении.

Выход из трудностей, победа политики ЦК ВКП(б) вызвали в нас новый прилив озлобления и ненависти к руководству партии и, в первую очередь, к Сталину». (Каменев Л. Протокол допроса от 24 июля 1936г.)

Аналогичные показания дает и член московского террористического центра зиновьевцев Рейнгольд И. И.:

«С Каменевым я встречался во второй половине 1933 года, а также в 1934 году, у него на квартире в Карманицком переулке в Москве. Каменев оценивал положение примерно так же, как и Зиновьев, причем подкреплял эти свои выводы анализом экономической и политической обстановки в стране. Каменев приходил к выводу, что «дело все-таки идет не к катастрофе, а к подъему; поэтому все ожидания автоматического краха беспочвенны, а сложившееся руководство слишком твердый гранит, чтобы рассчитывать на то, что руководство это само расколется». Отсюда Каменев делал вывод, что «придется руководство раскалывать».

«Каменев неоднократно цитировал Троцкого о том, что «все дело в верхушке и что поэтому надо снять верхушку».

«Каменев доказывал необходимость террористической борьбы, и прежде всего убийство Сталина, указывая, что этот путь есть единственный для прихода к власти. Помню особенно его циничное заявление о том, что «головы отличаются тем, что они не отрастают».

«Каменев предлагал готовить боевиков — террористов. Он говорил, что отличительной особенностью нового блока по сравнению с прежним оппозиционным блоком является переход к активным террористическим действиям».

И далее:

«Я уже показывал выше, что никакой новой политической программы у троцкистско-зиновьевского объединенного блока не было. Исходили из старой обветшалой платформы, причем никто из лидеров блока не занимался и не интересовался вопросом разработки какой-либо и сколько-нибудь цельной и связной политической программы. Единственно, что объединяло весь этот разношерстный блок, была идея террористической борьбы против руководителей партии и правительства.

На деле блок являлся контрреволюционной террористической бандой убийц, стремившихся любыми средствами захватить в свои руки власть в стране». (Рейнгольд И. И. Протокол допроса от 9 июля 1936 г.)

Как видно, все эти показания арестованных троцкистов и зиновьевцев говорят только о том, что они, не имея никакой положительной, приемлемой для трудящихся нашей страны, политической платформы, не имея никакого влияния в массах и связи с ними, вынужденные признать решающие успехи нашей партии и полное свое политическое банкротство, превратились в беспринципную банду убийц, единственным «принципом» которых является карьеристский лозунг — прокрасться к власти любыми средствами.

В прямой связи с этим своим «принципом» они определяли средства и способы борьбы.

Широко практикуя двурушничество как систему взаимоотношений с партией и Советским государством, они довели его до чудовищных размеров. Они создали целую систему двурушничества, которой могут позавидовать любые Азефы, любая охранка, со всем ее штатом шпионов, провокаторов и диверсантов.

Считая двурушничество основным методом, при помощи которого они могут прийти к власти, троцкисты и зиновьевцы широко пользовались им в отноше-

нии террористической деятельности. Тщательно скрывая свои гнусные террористические замыслы, изо дня в день оплевывая свои собственные взгляды и убеждения, изо дня в день клянясь в верности партии и показывая себя сторонниками линии ЦК, они рассчитывали на то, что им удастся после убийства основных руководителей партии и правительства прийти к власти потому, что в глазах партии и широких масс трудящихся они будут выглядеть вполне раскаявшимися и осознавшими свои ошибки и преступления — сторонниками ленинско-сталинской политики.

Именно поэтому они особую заботу проявляли о том, чтобы скрыть свою террористическую деятельность.

В соответствии с этим Троцкий, Зиновьев и Каменев, давая директивы исполнителям террористических актов, одновременно подробно инструктировали их о том, чтобы они скрывали какую бы то ни было связь с троцкистско-зиновьевскими организациями.

Рейнгольд в своих показаниях, например, сообщил о следующих директивах Зиновьева:

«В 1933—1934 гг.Зиновьев у себя на квартире с глазу на глаз говорил мне: главная практическая задача — построить террористическую работу настолько конспиративно, чтобы никоим образом себя не скомпрометировать. На следствии главное — это упорно отрицать какую-либо связь с организацией. При обвинении в террористической деятельности — категорическим образом отрицать это, аргументируя тем, что террор несовместим со взглядами большевиков-марксистов». (Рейнгольд И. И. Протокол допроса от 17 июля 1936 г.)

Об этом же особую заботу проявлял Троцкий. Он давал указания, что в случае осуществления террористического акта троцкисты должны отмежеваться от совершения его и «занять позицию, аналогичную занятой в

свое время эсеровским ЦК по отношению к госпоже Каплан», стрелявшей в Ленина.

О возможных вариантах прихода к власти с откровенным цинизмом на следствии рассказывал Л. Б. Каменев.

На вопрос следователя — обсуждался ли троцкистско-зиновьевским центром вопрос о планах захвата власти, он ответил следующее:

«Этот вопрос нами обсуждался неоднократно. Нами были намечены и предопределены два варианта прихода лидеров троцкистско-зиновьевского блока к власти.

Первый и казавшийся нам наиболее реальным вариант заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным в руководстве партии и правительства произойдет замешательство и с нами, лидерами троцкистско-зиновьевского блока, в первую очередь с Зиновьевым, Каменевым и Троцким, вступят в переговоры.

Мы исходили из того, что в этих переговорах я и Зиновьев займем в партии и стране главенствующее положение, т. к. и при Сталине мы своей двурушнической политикой добились все же того, что партия простила нам наши ошибки и вернула нас в свои ряды, а участие наше, меня, Зиновьева и Троцкого, в террористических актах останется тайной для партии и страны.

Второй вариант захвата власти, казавшийся нам менее надежным, заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным создастся неуверенность и дезорганизованность в руководстве партии и страны.

Руководителям троцкистско-зиновьевского блока удастся воспользоваться замешательством и принудить оставшихся руководителей партии допустить нас к власти или же заставить их уступить нам свое место.

Появление Троцкого и активное его участие в борьбе за захват власти предполагалось как само собой разумеющееся.

Кроме того, мы считали не исключенным, что при организации новой правительственной власти в ней примут участие также и правые — Бухарин, Томский и Рыков». (Каменев. Протокол допроса от 23 — 24июля 1936 г.)

Об этом же на следствии показывает Рейнгольд:

«Наряду с глубоко законспирированной работой по подготовке террористических актов против руководства партии и правительства Зиновьев и Каменев прилагали все усилия к тому, чтобы завоевать доверие к себе со стороны ЦК и партии и, насколько это возможно, занять руководящее положение в партии.

Этой цели непосредственно были подчинены выступления Каменева и Зиновьева в печати, в которых они подчеркивали свою преданность партии и отказ от своего прошлого. При встречах с руководителями партии Зиновьев и Каменев всячески подчеркивали свою лояльность и преданность Центральному Комитету партии и отказ от своих прежних ошибок. Этой же цели служили выступления Зиновьева и Каменева с трибуны XVII съезда партии.

Зиновьев и Каменев при этом исходили из того, что успех террористического акта против вождей партии и правительства прямо открывает им — лицам, прощенным партией и принятым в ее ряды при Сталине — непосредственный путь прихода к руководству партией и страной.

В этом маккиавелистическом плане борьбы заключались глубоко скрытые расчеты Зиновьева и Каменева о путях прихода к власти». (Рейнгольд. Протокол допроса от 17 июля 1936 г.)

Такова контрреволюционная деятельность троцкистов и зиновьевцев, этих перешедших в лагерь злейших врагов Советской власти предателей партии и рабочего класса, предателей нашей социалистической революции, предателей нашей социалистической Родины.

ЦК ВКП(б) считает необходимым довести до сведения всех партийных организаций об этих фактах террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев и еще раз приковать внимание всех членов партии к вопросам борьбы с остатками злейших врагов нашей партии и рабочего класса, приковать внимание к задачам всемерного повышения большевистской революционной бдительности.

ЦК ВКП(б) обращает внимание всех членов партии на то, что уже после убийства товарища Кирова в отдельных партийных организациях, в результате недостаточной их бдительности, врагам партии удалось под прикрытием звания коммуниста активно продолжать свою террористическую работу.

Только отсутствием должной большевистской бдительности можно объяснить тот факт, что агенту Троцкого — Ольбергу, прибывшему из Берлина в 1935 году, удалось при помощи скрытых троцкистов Федотова и Едина, работавших на руководящей работе в аппарате Горьковского крайкома партии, легализовать себя и организовать террористическую группу, подготовлявшую убийство вождей партии.

Только отсутствием большевистской бдительности можно объяснить тот факт, что в некоторых райкомах партии города Ленинграда (Выборгский) исключенным из ВКП(б) троцкистам и зиновьевцам уже в 1935 году удалось восстановиться в партии, а в некоторых случаях пробраться в партийный аппарат и использовать его в своих гнусных террористических целях.

Только отсутствием большевистской бдительности можно объяснить тот факт, что троцкисты и зиновьевцы свили себе прочное гнездо в ряде научно-исследовательских институтов, в Академии наук и некоторых других учреждениях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске.

Наконец, только отсутствием большевистской бдительности можно объяснить то, что часть из арестованных участников террористических групп в ряде партийных организаций прошли проверку партийных документов и были оставлены в рядах партии.

Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против Советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны — шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани — все парторганизации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке.

Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он не был замаскирован.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(6) Москва, 1936 год, 29 июля».

2. ЭРИК КОТЛЯР. ВЫСТРЕЛ В СМОЛЬНОМ В 1934 году

Любое политическое убийство всегда надо рассматривать в историческом ракурсе; только время и беспристрастные методы исследователя помогают в будущем рождению истины...

Интересно было слушать дебаты на телеэкране. Маститый профессор новейшей истории Наумов, допущенный к сокровенным документам цековских архивов, уверенно заявил, величественно разведя руки: докопаться до истины в деле Кирова невозможно, потому что документы исчезли, а всех «энкавэдэшников» уничтожили (тогда, между прочим, было ОГПУ!).

Между тем, подробности о выстреле в Смольном в 1934 году можно было слышать, например, в рассказах Федора Тимофеевича Фомина, исполнявшего в день убийства Кирова обязанности начальника управления Ленинградского ОГПУ. В 1934 году в управлении Ленинградского ОГПУ обязанности распределялись следующим образом. Начальник управления Медведь осуществлял общее руководство, его заместитель Запорожец отвечал за охрану секретаря обкома Кирова. Второй заместитель — Фомин командовал пограничными войсками в округе.

В конце ноября Медведь и Запорожец отсутствовали в городе. Медведь был в командировке, Запорожец лечился в Хосте. Все заботы по управлению легли на Фомина. Кстати, с Кировым ему приходилось поддерживать постоянную связь по обстановке в городе. Когда 1 декабря Киров был убит Николаевым, именно Фомин осмотрел место убийства, обыскал портфель, в котором Николаев пронес револьвер, и установил, что ему удалось несколько раз проникать в Смольный.

Ничего, кроме истерики, допрос Николаева не дал. На следующий день в Ленинград вернулся срочно вызванный Медведь, и в управление поступила спецдепеша от Ягоды с указанием дело немедленно прекратить и все материалы вместе с самим арестованным переправить в Москву, — что дает многим историкам видеть в том прямой сталинский след, а вот современники придерживались в то время другого толкования: громкому

убийству придавалось огромное политическое значение и заниматься им имел право только центр.

Уже после похорон Кирова в Москве и расстрела Николаева на Малых Каменных островах в особняке обкома состоялся «суд чести».

Прибывшие в Ленинград Сталин, Ворошилов и Ягода судили стоявших перед ними на гражданской плахе Медведя и Фомина.

— Как же вы могли упустить Кирова? — спросил Сталин. — Ну, у вас, Медведь, неполадки в семье. Раз в семье плохо, значит, и в делах толку не будет. За смерть товарища Кирова перед народом придется ответить.

К Фомину подошел Ворошилов:

— Фомин, я хорошо помню тебя по Царицыну. Как же ты такое допустил?

Фомин промолчал.

- Кто отвечал за охрану секретаря?
- Запорожец.
- А где он?

Ворошилов обеспокоенно подошел к Сталину и чтото сказал ему на ухо. Вождь не повел бровью. Ворошилов сразу окаменел.

— От Ягоды получите новое назначение. В Ленинграде вас больше не будет!

Сталин повернулся и вышел из залы. За ним гуськом удалились Ворошилов и Ягода.

По нашим представлениям о крутости сталинских мер такой подход к людям, несущим ответственность за все, что случилось в Ленинграде, просто удивителен. Ведь вина за убийство Кирова лежала на Медведе, Фомине и Запорожце аж до семидесятых годов. Я сам был свидетелем, когда в начале семидесятых в КГБ на Лубянской площади, где мне открыли архив для изучения дела расстрелянного в начале войны члена коллегии ОГПУ Евдокимова, один из высоких чинов бросил

Фомину упрек: «Ну, положим, Кирова вы плохо охраняли!» С точки зрения сотрудников, занятых охраной занимавших высокие посты деятелей, случай с Кировым был уроком, который хорошо усвоили.

В тридцать седьмом году Фомин был арестован, приговорен к двадцати годам заключения с дальнейшей ссылкой и отправлен в лагеря Карелии, где он находился в заточении все военные годы вплоть до назначения на должность министром уже МВД Сергея Круглова.

Круглов в молодости возглавлял чекистскую комсомольскую организацию, над которой шефствовал Фомин, и проникся к нему большим уважением.

Получив полномочия министра, Круглов начал наводить справки о судьбе Фомина и нащупал его след к середине 40-х годов. Сначала Круглов постарался создать для своего прежнего наставника условия содержания помягче, а потом и вовсе подвел его под «актировку». Фомин получил работу директором леспромхоза и начал потихоньку выезжать за пределы Карелии. В исключительном порядке ему разрешили раз в год посещать Кисловодск и Минеральные Воды, а в момент проезда через Москву Круглов оставлял его на сутки лично своим гостем.

В 1947 году в один из таких проездов он посетил нашу семью. С отцом Фомин был хорошо знаком по Северному Кавказу, где одно время Котляр С. О. возглавлял Терский окружком, Фомин был там же представителем ВЧК.

В 1956 году Хрущев, объявивший войну культу Сталина, решил увязать убийство Кирова со всеми последующими процессами. Была создана спецкомиссия по этому вопросу, возглавляемая Шатуновской, очень похожей по одержимости на одну из деятельниц нынешнего политического истеблишмента.

Именно Шатуновской было поручено обеспечить прямые доказательства участия Сталина в убийстве ленинградского секретаря. Однако, кроме личной уверенности в том, что Киров — жертва вождя, Шатуновская никакими фактами не располагала. Как известно, документов нет, а уверенность, основанная на логических доводах, далеко не правовая основа. И в этот момент Суслову, надзирающему за подготовкой политического перелома в стране, докладывают о Фомине. Фомина приглашают в ЦК к Суслову, и тот принимает его в течение нескольких часов. Затем весть о человеке, прямом свидетеле выстрела в Смольном, доходит до Хрущева, Козлова, тогдашнего секретаря Ленинградского обкома, и, конечно же, Шатуновской.

На Фомина возлагают надежду, что наконец-то он прольет свет на тайну тридцать четвертого. Но упрямый Фомин твердо стоит на своем: «Фактами, подтверждающими причастность Сталина к преступлению, я не располагаю. Николаева у меня отняли через сутки, и докопаться до корней преступления я не успел!»

Фомина упрашивают изменить позицию. В Ленинграде Фрол Козлов приглашает Фомина в секретарский особняк, знакомит его с подругой жены, и она становится женой Фомина, который к тому времени овдовел.

В домашней обстановке Фомина усиленно уговаривают помочь комиссии подготовить концепцию убийства Кирова для известного письма Хрущева партии. Но Фомин ехидно замечает, что у Кирова дом не охранялся милиционером, как у Козлова, и продолжает настаивать на своем: «Таких доказательств у меня нет, а врать не умею».

Во времена Хрущева повеял первый волюнтаристский ветерок, во времена ельцинской демократии он превратился в ураган фальсификаций в угоду политическим выгодам, часто оборачивающимся кривдами.

Когда Хрущеву доложили об упрямом Фомине, не пожелавшем очернить себя в угоду искажению исторического факта, разъяренный первый секретарь обозвал его «старым дураком» и велел лишить генеральской пенсии, оставив только персональную старого большевика. Материальное положение Фомина сразу пошатнулось.

Это и послужило причиной к нашему тесному сотрудничеству. Фомин мне предложил соавторство, и мы опубликовали десятки очерков, которые совершили шествие почти по всем периодическим изданиям Советского Союза. По одному из них Маклярский, автор фильма «Подвиг разведчика», начал готовить сценарий для Рижской студии.

Чтобы развить успех, Фомин перебрался из Ленинграда в Москву в дом на Садово-Черногрязской.

Мы внесли предложение в «Политиздат» написать брошюру под названием «Выстрел в Смольном». В то время директором был Сиволобов, в юности ленинградец, знавший Фомина. Он с интересом отнесся к предложению и попытался добиться его утверждения в десятом подъезде здания на площади Ногина, где помещался идеологический отдел ЦК КПСС, но, как посетовал в беседе с нами главный редактор издательства Тропкин, наше предложение не «поддержали».

Из чего, конечно, тоже можно сделать некоторые выводы...

3. ПИСЬМО СТАЛИНА АМЕРИКАНЦУ ЧАРЛЬЗУ НАТТЕРУ, ЗАВЕДУЮЩЕМУ БЮРО «АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС».

«Милостивый государь!

Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностран-

ной прессы нельзя не относиться с доверием, если Вы не хотите быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира.

С уважением

И. СТАЛИН

26.X.36 ≥.».

Примечание. Документ является ответом на запрос Ч. Наттера по поводу сообщений западной печати о тяжелом заболевании и даже смерти Сталина. Примечательно, что эти сообщения появились на Западе в то самое время, когда в СССР Ягода, Тухачевский, Бухарин и другие заговорщики действительно вынашивали планы ликвидации Сталина.

4. РЕЧЬ СТАЛИНА НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВОЕННОГО СОВЕТА ПРИ НАРКОМЕ ОБОРОНЫ 2 ИЮНЯ 1937 ГОДА (НЕПРАВЛЕНАЯ СТЕНОГРАММА)

«Сталин. Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами.

Ругают людей: одних — мерзавцами, других — чуда-ками, третьих — помещиками.

Но сама по себе ругань ничего не дает. Для того чтобы это зло с корнем вырвать и положить ему конец, надо его изучить, спокойно изучить, изучить его корни, вскрыть и

наметить средства, чтобы впредь таких безобразий ни в нашей стране, ни вокруг нас не повторялось.

Я хотел как раз по вопросам такого порядка несколько слов сказать.

Прежде всего обратите внимание, что за люди стояли во главе военно-политического заговора. Я не беру тех, которые уже расстреляны, я беру тех, которые недавно еще были на воле. Троцкий, Рыков, Бухарин это, так сказать, политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака, который также стоял во главе и очень хитро работал, путал все, а всего-навсего оказался немецким шпионом. Дальше идут Карахан, Енукидзе, Ягода. По военной линии — Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Всего 13 человек. Что это за люди? Это очень интересно знать. Это — ядро военно-политического заговора, ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспосабливало всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов. Что это за люди?

Говорят, Тухачевский — помещик, кто-то другой — попович. Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает. Когда говорят о дворянах как о враждебном классе трудовому народу, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но это не значит, что некоторые отдельные лица из дворян не могут служить рабочему классу. Ленин был дворянского происхождения — вы это знаете?

Голос. Известно.

Сталин. Энгельс был сын фабриканта — непролетарские элементы, как хотите. Сам Энгельс управлял своей фабрикой и кормил этим Маркса. Чернышевский был сын попа — неплохой был человек. И наоборот. Серебряков был рабочий, а вы знаете, каким мерзавцем

он оказался. Лившиц был рабочим, малограмотным рабочим, а оказался шпионом.

Когда говорят о враждебных силах, имеют в виду класс, сословие, прослойку, но не каждое лицо из данного класса может вредить. Отдельные лица из дворян, из буржуазии работали на пользу рабочему классу, и работали неплохо. Из такой прослойки, как адвокаты, скажем, было много революционеров. Маркс был сын адвоката, не сын батрака и не сын рабочего. Из этих прослоек всегда могут быть лица, которые могут служить делу рабочего класса не хуже, а лучше, чем чистые кровные пролетарии. Поэтому общая мерка, что это не сын батрака, — это старая мерка, к отдельным лицам неприменимая. Это не марксистский подход.

Это не марксистский подход. Это, я бы сказал, биологический подход, не марксистский. Мы марксизм считаем не биологической наукой, а социологической наукой. Так что эта общая мерка, совершенно верная в отношении сословий, групп прослоек, она не применима ко всяким отдельным лицам, имеющим не пролетарское или не крестьянское происхождение. Я не с этой стороны буду анализировать этих людей.

Есть у вас еще другая, тоже неправильная ходячая точка зрения. Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно. Человек мог быть молодым, просто не разбирался, был задира. Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист, и все ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось. Андреев был очень активным троцкистом в 1921 году.

Голос с места. Какой Андреев?

Сталин. Секретарь ЦК, Андрей Андреевич Андреев. Так что видите, общее мнение о том, что такой-то тогдато голосовал или такой-то тогда-то колебался, тоже не абсолютно и не всегда правильно.

Так что эта вторая причина, имеющая большое распространение среди вас и в партии вообще точка зрения, она тоже неправильна. Я бы сказал, не всегда правильна, и очень часто она подводит.

Значит, при характеристике этого ядра и его членов я также эту точку зрения, как неправильную, не буду применять.

Самое лучшее — судить о людях по их делам, по их работе. Были люди, которые колебались, потом отошли, отошли открыто, честно и в одних рядах с нами очень хорошо дерутся с троцкистами. Дрался очень хорошо Дзержинский, дерется очень хорошо товарищ Андреев. Есть и еще такие люди. Я бы мог сосчитать десятка два-три людей, которые отошли от троцкизма, отошли крепко и дерутся с ним очень хорошо. Иначе и не могло быть, потому что на протяжении истории нашей партии факты показали, что линия Ленина, поскольку с ним начали открытую войну троцкисты, оказалась правильной. Факты показали, что впоследствии, после Ленина, линия ЦК нашей партии, линия партии в целом оказалась правильной. Это не могло не повлиять на некоторых бывших троцкистов. И нет ничего удивительного, что такие люди, как Дзержинский, Андреев и десятка два-три бывших троцкистов, разобрались, увидели, что линия партии правильна и перешли на нашу сторону.

Скажу больше. Я знаю некоторых не-троцкистов, они не были троцкистами, но и нам от них большой пользы не было. Они по-казенному голосовали за партию. Большая ли цена такому «ленинцу»? И наоборот, были люди, которые топорщились, сомневались, не все признали правильным и не было у них достаточной доли трусо-

сти, чтобы скрыть свои колебания, они голосовали против линии партии, а потом перешли на нашу сторону. Стало быть, и эту вторую точку зрения, ходячую и распространенную среди вас, я отвергаю как абсолютную.

Нужна третья точка зрения при характеристике лидеров этого ядра заговора. Это точка зрения характеристики людей по их делам за ряд лет.

Перехожу к этому. Я пересчитал 13 человек. Повторяю: Троцкий, Рыков, Бухарин, Енукидзе, Карахан, Рудзутак, Ягода, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник. Из них 10 человек — шпионы. Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они поверили, что у меня, Троцкого, есть люди. Делайте диверсии, крушения, чтобы мне, Троцкому, японцы и немцы поверили, что у меня есть сила. Человек, который проповедовал среди своих людей необходимость заниматься шпионажем, потому что мы, дескать, троцкисты, должны иметь блок с немецкими фашистами, стало быть, у нас должно быть сотрудничество, стало быть, мы должны помогать так же, как они нам помогают в случае нужды. Сейчас от них требуют помощи по части информации — давайте информацию. Вы помните показания Радека, вы помните показания Лившица, вы помните показания Сокольникова — давали информацию. Это и есть шпионаж. Троцкий — организатор шпионов из людей, либо состоявших в нашей партии, либо находящихся вокруг нашей партии, — обер-шпион.

По Рыкову. У нас нет данных, что он сам информировал немцев, но он поощрял эту информацию через своих людей. С ним очень тесно были связаны Енукидзе и Карахан, оба оказались шпионами. Карахан с 1927 года и с 1927 года — Енукидзе. Мы знаем, через кого они доставляли секретные сведения, через кого доставляли эти

сведения, — через такого-то человека из германского посольства в Москве. Знаем.

Рыков знал все это. У нас нет данных, что он сам шпион.

По Бухарину. У нас нет данных, что он сам информировал, но с ним были связаны очень крепко и Енукидзе, и Карахан, и Рудзутак, они им советовали — информируйте, сами не доставляли.

По Гамарнику. У нас нет данных, что он сам информировал, но все его друзья, ближайшие друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский — занимались систематической информацией немецкого генерального штаба.

Остальные. Енукидзе, Карахан — я уже сказал. Ягода — шпион и у себя в ГПУ разводил шпионов. Он сообщал немцам, кто из работников ГПУ имеет такие-то пороки. Чекистов таких он посылал за границу для отдыха. За эти пороки хватала этих людей немецкая разведка и завербовывала, возвращались они завербованными. Ягода говорил им: я знаю, что вас немцы завербовали, как хотите, либо вы мои люди, личные, и работаете так, как я хочу, слепо, либо я передаю в ЦК, что вы — германские шпионы. Те завербовывались и подчинялись Ягоде как его личные люди. Так он поступил с Гаем — немецко-японским шпионом. Он это сам признал. Эти люди признаются. Так он поступил с Воловичем — шпион немецкий, сам признается. Так он поступил с Паукером шпион немецкий, давнишний, с 1923 года. Значит, Ягода. Дальше, Тухачевский. Вы читали его показания.

Голоса. Да, читали.

Сталин. Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое святых — передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион. Для благовидности на Западе этих жуликов из западноевропейских цивилизованных стран называют информаторами, а мы-то по-русски зна-

ем, что это просто шпион. Якир систематически информировал немецкий штаб. Он выдумал себе эту болезнь печени. Может быть, он выдумал себе эту болезнь, а может быть, она у него действительно была. Он ездил туда лечиться. Уборевич не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал. Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион. Карахан информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии.

По Рудзутаку. Я уже говорил о том, что он не признает, что он шпион, но у нас есть все данные. Знаем, кому он передавал сведения.

Есть одна разведчица опытная в Германии, в Берлине. Вот когда вам, может быть, придется побывать в Берлине, Жозефина Гензи, может быть, кто-нибудь из вас знает. Она красивая женщина. Разведчица старая. Она завербовала Карахана. Завербовала на базе бабской части. Она завербовала Енукидзе. Она помогла завербовать Тухачевского. Она же держит в руках Рудзутака. Это очень опытная разведчица, Жозефина Гензи. Будто бы она сама датчанка на службе у немецкого рейхсвера. Красивая, очень охотно на всякие предложения мужчин идет, а потом гробит. Вы, может быть, читали статью в «Правде» о некоторых коварных приемах вербовщиков. Вот она одна из отличившихся на этом поприще разведчиц германского рейхсвера.

Вот вам люди. Десять определенных шпионов и трое организаторов и потакателей шпионажа в пользу германского рейхсвера. Вот они, эти люди. Могут спросить, естественно, такой вопрос — как это так, эти люди, вчера еще коммунисты, вдруг стали сами оголтелым орудием в руках германского шпионажа? А так, что они завербованы. Сегодня от них требуют — дай информацию. Не дашь, у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают инфор

мацию. Завтра требуют: нет, этого мало, давай больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют — начинайте заговор, вредительство. Сначала вредительство, диверсии, покажите, что вы действуете на нашу сторону. Не покажете — разоблачим, завтра же передаем агентам Советской власти и у вас головы летят.

Начинают они диверсии. После этого говорят — нет, вы как-нибудь в Кремле попытайтесь что-нибудь устроить или в Московском гарнизоне и вообще займите командные посты. И они начинают стараться, как только могут. Дальше и этого мало. Дайте реальные факты, чего-нибудь стоящие. И они убивают Кирова. Вот получайте, говорят. А им говорят — идите дальше, нельзя ли все правительство снять. И они организуют через Енукидзе, через Горбачева, Егорова, который был тогда начальником школы ВЦИК, а школа стояла в Кремле, Петерсона. Им говорят — организуйте группу, которая должна арестовать правительство. Летят донесения, что есть группа, все сделаем, арестуем и прочее. Но этого мало — арестовать, перебить несколько человек, а народ, а армия.

Ну, значит, они сообщают, что у нас такие-то командные посты заняты, мы сами занимаем большие командные посты — я, Тухачевский, а он, Уборевич, а здесь Якир. Требуют — а вот насчет Японии, Дальнего Востока как? И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему, спрашивается, объясните, в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов ра-

боты не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает.

Посмотрите, ЦК встает перед фактом всякой гадости, которую говорят о Блюхере. Путна бомбардирует, Аронштам бомбардирует нас в Москве, бомбардирует Гамарник. Наконец, созываем совещание. Когда он приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой. Мы его не знаем, в чем тут дело? Даем ему произнести речь — великолепно. Проверяем его и таким порядком. Люди с мест сигнализировали, созываем совещание в зале ЦК.

Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается. Была маленькая группа. Возьмем Котовского, он никогда ни армией, ни фронтом не командовал. Если люди не знают своего дела, мы их обругаем — подите к черту, у нас не монастырь. Поставьте людей на командную должность, которые не пьют и воевать не умеют, — нехорошо. Есть люди с 10-летним командующим опытом, действительно из них сыплется песок, но их не снимают, наоборот, держат. Мы тогда Гамарника ругали, а Тухачевский его поддерживал. Это единственный случай сговоренности. Должно быть, немцы донесли, приняли все меры. Хотели поставить другого, но не выходит.

Ядро, состоящее из 10 патентованных шпионов и 3-х патентованных подстрекателей шпионов. Ясно, что сама логика этих людей зависит от германского рейхсвера. Если они будут выполнять приказания германского рейхсвера, ясно, что рейхсвер будет толкать этих людей сюда. Вот подоплека заговора. Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа системати-

чески доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из 10 патентованных шпиков и 3-х патентованных подстрекателей шпионов. Это агентура германского рейхсвера.

Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе и завербовали шпиков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка.

Тухачевский особенно, который играл благородного человека, на мелкие пакости неспособного, воспитанного человека. Мы его считали неплохим военным, я его считал неплохим военным. Я его спрашивал: как вы могли в течение 3-х месяцев довести численность дивизии до 7 тысяч человек. Что это? Профан, не военный человек. Что за дивизия в 7 тысяч человек? Это либо дивизия без артиллерии, либо это дивизия с артиллерией без прикрытия. Вообще это не дивизия, это — срам. Как может быть такая дивизия? Я у Тухачевского спрашивал: как вы, человек, называющий себя знатоком этого дела, как вы можете настаивать, чтобы численность дивизии довести до 7 тысяч человек и вместе с тем требовать, чтобы у нас в дивизии была 60 гаубиц и 20 пушек, чтобы мы имели столько-то танкового вооружения, такую-то артиллерию, столько-то минометов. Здесь одно из двух — либо вы должны всю эту технику к черту убрать и одних стрелков поставить, либо вы должны только технику поставить. Он мне говорит: «Товарищ Сталин, это увлечение». Это не увлечение, это вредительство, проводимое по заказам германского рейхсвера.

Вот ядро, и что оно собой представляет? Голосовали ли они за Троцкого? Рудзутак никогда не голосовал за Троцкого, а шпиком оказался. Енукидзе никогда не голосовал за Троцкого, а шпиком оказался. Вот ваша точка зрения — кто за кого голосовал.

Помещичье происхождение. Я не знаю, кто там еще есть из помещичьей семьи, кажется, только один Тухачевский. Классовое происхождение не меняет дела. В каждом отдельном случае нужно судить по делам. Целый ряд лет люди имели связь с германским рейхсвером, ходили в шпионах. Должно быть, они часто колебались и не всегда вели свою работу. Я думаю, мало кто из них вел свое дело от начала до конца. Я вижу, как они плачут, когда их привели в тюрьму. Вот тот же Гамарник. Видите ли, если бы он был контрреволюционером от начала до конца, то он не поступил бы так, потому что я бы на его месте, будучи последовательным контрреволюционером, попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала уложил бы его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают. Эти же люди были не что иное, как невольники германского рейхсвера, завербованные шпионы, и эти невольники должны были катиться по пути заговора, по пути шпионажа, по пути отдачи Ленинграда, Украины и т. д. Рейхсвер как могучая сила берет себе в невольники, в рабы слабых людей, а слабые люди должны действовать, как им прикажут. Невольник есть невольник. Вот что значит попасть в орбиту шпионажа. Попал ты в это колесо, хочешь ты или не хочешь, оно тебя завернет, и будешь катиться по наклонной плоскости. Вот основа. Не в том, что у них политика и прочее, никто их не спрашивал о политике. Это просто люди идут на милость.

Колхозы. Да какое им дело до колхозов? Видите, им стало жалко крестьян. Вот этому мерзавцу Енукидзе, который в 1918 году согнал крестьян и восстановил помещичье хозяйство, ему теперь стало жалко крестьян. Но так как он мог прикидываться простачком и заплакать, этот верзила, то ему поверили.

Второй раз, в Крыму, когда пришли к нему какие-то бабенки, жены, так же как и в Белоруссии, пришли и поплакали, то он согнал мужиков, вот этот мерзавец согнал крестьян и восстановил какого-то дворянина. Я его еще тогда представлял к исключению из партии, мне не верили, считали, что я как грузин очень строго отношусь к грузинам. А русские, видите ли, поставили перед собой задачу защищать «этого грузина». Какое ему дело, вот этому мерзавцу, который восстанавливал помещиков, какое ему дело до крестьян.

Тут дело не в политике, никто его о политике не спрашивал. Они были невольниками в руках германского рейхсвера.

Те командовали, давали приказы, а эти в поте лица выполняли. Этим дуракам казалось, что мы такие слепые, что ничего не видим. Они, видите ли, хотят арестовать правительство в Кремле. Оказалось, что мы кое-что видели. Они хотят в Московском гарнизоне иметь своих людей и вообще поднять войска. Они полагали, что никто ничего не заметит, что у нас пустыня Сахара, а не страна, где есть население, где есть рабочие, крестьяне, интеллигенция, где есть правительство и партия. Оказалось, что мы кое-что видели.

И вот эти невольники германского рейхсвера сидят теперь в тюрьме и плачут. Политики! Руководители!

Второй вопрос — почему этим господам так легко удавалось завербовать людей. Вот мы человек 300 — 400 по военной линии арестовали. Среди них есть хорошие люди. Как их завербовали?

Сказать, что это способные, талантливые люди, я не могу. Сколько раз они поднимали открытую борьбу против Ленина, против партии при Ленине и после Ленина и каждый раз были биты. И теперь подняли большую кампанию и тоже провалились. Не очень уж талантливые люди, которые то и дело проваливались, начиная с 1921 года и кончая 1937-м. Не очень талантливые, не очень гениальные.

Как это им удалось так легко вербовать людей? Это очень серьезный вопрос. Я думаю, что они тут действовали таким путем. Недоволен человек чем-либо, например, недоволен тем, что он бывший троцкист или зиновьевец и его не так свободно выдвигают, либо недоволен тем, что он человек неспособный, не управляется с делами и его за это снижают, а он себя считает очень способным. Очень трудно иногда человеку понять меру своих сил, меру своих плюсов и минусов. Иногда человек думает, что он гениален, и поэтому обижен, когда его не выдвигают.

Начали с малого — с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках, Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами, Московский округ, Корк и Горбачев тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон и всякая такая штука, а ты останешься на мели.

Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: дело это реальное, как тут не завербоваться?

Оказалось, дело не такое уж реальное. Но эти слабые люди рассуждали именно так: как бы, черт побе-

ри, не остаться позади всех. Давай-ка скорей прикладываться к этому делу, а то останешься на мели.

Конечно, так можно завербовать только нескольких людей. Конечно, стойкость тоже дело наживное, от характера кое-что зависит, но и от самого воспитания. Вот эти малостойкие, я бы сказал, товарищи, они и послужили материалом для вербовки. Вот почему этим мерзавцам так легко удавалось малостойких людей вовлекать. На них гипнозом действовали: завтра все будут у нас в руках, немцы с нами, Кремль с нами, мы изнутри будем действовать, они — извне. Вербовали таким образом этих людей.

Третий вопрос — почему мы так странно прошляпили это дело? Сигналы были. В феврале был Пленум ЦК. Все-таки как-никак дело это наворачивалось, а вот всетаки прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных. В чем тут дело? Может быть, мы малоспособные люди или совсем уже ослепли? Тут причина общая. Конечно, армия не оторвана от страны, от партии, а в партии вам известно, что эти успехи несколько вскружили голову, когда каждый день успехи, планы перевыполняются, жизнь улучшается, политика будто бы неплохая, международный вес нашей страны растет бесспорно, армия сама внизу и в средних звеньях, отчасти в верхних звеньях, очень здоровая и колоссальная сила, все это дело идет вперед, поневоле развинчивается, острота зрения пропадает, начинают люди думать: какого рожна еще нужно? Чего не хватает? Политика неплохая. Рабоче-Крестьянская Красная Армия за нас, международный вес нашей страны растет, всякому из нас открыт путь для того, чтобы двигаться вперед, неужели же еще при этих условиях кто-нибудь будет думать о контрреволюции? Есть такие мыслишки в головах. Мы-то не знали, что это ядро уже завербовано германцами, и они даже при желании отойти от пути контрреволюции не могут отойти, потому что живут под страхом того, что их разоблачат и они головы сложат. Но общая обстановка, рост наших сил, поступательный рост и в армии, и в стране, и в партии, вот они у нас притупили чувство политической бдительности и несколько ослабили остроту нашего зрения. И вот в этой-то как раз области мы и оказались разбитыми.

Нужно проверять людей — и чужих, которые приезжают, и своих. Это значит, надо иметь широкоразветвленную разведку, чтобы каждый партиец и каждый непартийный большевик, особенно органы ОГПУ, рядом с органами разведки, чтобы они свою сеть расширяли и бдительнее смотрели. Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми, как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле слова, в смысле бдительности и в узком смысле слова также — в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем. Наша разведка по линии ГПУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши.

Слишком большие победы одержали, товарищи, слишком лакомым куском стал СССР для всех хищников. Громадная страна, великолепные железные дороги, флот растет, производство хлеба растет, сельское хозяйство процветает и будет процветать, промышленность идет в гору. Это такой лакомый кусок для империалистических хищников, что он, этот кусок, обязывает нас быть бдительными. Судьба, история доверили этакое богатст-

во, эту великолепную и великую страну, а мы оказались спящими, забыли, что этакое богатство, как наша страна, не может не вызывать жадности, алчности, зависти и желания захватить эту страну. Вот Германия первая серьезно протягивает руку. Япония вторая — заводит своих разведчиков, имеет свое повстанческое ядро. Те хотят получить Приморье, эти хотят получить Ленинград.

Мы это прозевали, не понимали. Имея эти успехи, мы превратили СССР в богатейшую страну и вместе с тем в лакомый кусок для всех хищников, которые не успокоятся до тех пор, пока не испробуют всех мер к тому, чтобы отхватить от этого куска кое-что. Мы эту сторону прозевали. Вот почему у нас разведка плоха, и в этой области мы оказались битыми, как ребятишки, как мальчишки.

Но это не все, разведка плохая. Очень хорошо. Ну, успокоение пошло. Факт. Успехи одни. Это очень большое дело — успехи, и мы стремимся к ним. Но у этих успехов есть своя теневая сторона — самодовольство ослепляет. Но есть у нас и другие такие недостатки, которые помимо всяких успехов или неуспехов существуют и с которыми надо распроститься. Вот тут говорили о сигнализации, сигнализировали. Я должен сказать, что сигнализировали очень плохо с мест. Плохо. Если бы сигнализировали больше, если бы у нас было поставлено дело так, как этого хотел Ленин, то каждый коммунист, каждый беспартийный считал бы себя обязанным о недостатках, которые замечает, написать свое личное мнение. Он так хотел. Ильич к этому стремился, но ни ему, ни его птенцам не удалось это дело наладить. Нужно, чтобы не только смотрели, наблюдали, замечали недостатки и прорывы, замечали врага, но и все остальные товарищи чтобы смотрели на это дело. Нам отсюда не видно. Думают, что центр должен все знать, все видеть. Нет, центр не все видит, ничего подобного. Центр видит только часть, остальное видят на местах. Он посылает людей, но он не знает этих людей на 100%, вы должны их проверять. Есть одно средство настоящей проверки — это проверка людей на работе, по результатам их работы. А это только местные люди могут видеть.

Вот товарищ Горячев рассказывал о делах головокружительной практики. Если бы мы это дело знали, конечно, приняли бы меры. Разговаривали о том, о сем, что у нас дело с винтовкой плохое, что наша боевая винтовка имеет тенденцию превратиться в спортивную...

Голос. Махновский обрез.

Сталин. Не только обрез, ослабляли пружину, чтобы напряжения не требовалось. Один из рядовых красноармейцев сказал мне, что плохо дело, — поручили кому следует рассмотреть. Один защищает Василенко, другой — не защищает. В конце концов выяснилось, что он действительно грешен. Мы не могли знать, что это вредительство. А кто же он оказывается? Оказывается, он шпион. Он сам рассказал. С какого года, товарищ Ежов?

Ежов. С 1926 года.

Сталин. Конечно, он себя троцкистом называет, куда лучше ходить в троцкистах, чем просто в шпионах. Плохо сигнализируете, а без ваших сигналов ни военком, ни ЦК ничего не могут знать. Людей посылают не на 100% обсосанных, в центре таких людей мало. Посылают людей, которые могут пригодиться. Ваша обязанность проверять людей на деле, на работе, и если неувязки будут, вы сообщайте. Каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда хотя бы на 5%, то и это хлеб. Обязаны посылать письма своему наркому, копию в ЦК. Как хотите. Кто сказал, что обязывают только наркому писать? Неправильно.

Я расскажу один инцидент, который был у Ильича с Троцким. Это было, когда Совет Обороны организовывался. Это было, кажется, в конце 1918 или 1919 года.

Троцкий пришел жаловаться: получаются в ЦК письма от коммунистов, иногда в копии посылаются ему как наркому, а иногда даже и копии не посылается, и письма посылаются в ЦК через его голову. «Это не годится». Ленин спрашивает: почему? «Как же так, я нарком, я тогда не могу отвечать». Ленин его отбрил, как мальчишку, и сказал: «Вы не думайте, что вы один имеете заботу о военном деле. Война — это дело всей страны, дело партии».

Если коммунист по забывчивости или почему-либо прямо в ЦК напишет, то ничего особенного в этом нет. Он должен жаловаться в ЦК. Что же вы думаете, что ЦК уступит вам свое дело? Нет. А вы потрудитесь разобрать по существу эту жалобу. Вы думаете, вам ЦК не расскажет — расскажет. Вас должно интересовать существо этого письма — правильно оно или нет. Даже и в копии можно наркому не посылать.

Разве вам когда Ворошилов запрещал письма посылать в ЦК?

Голоса. Нет, никогда.

Сталин. Кто из вас может сказать, что вам запрещали письма писать в ЦК?

Голоса. Нет, никто.

Сталин. Поскольку вы отказываетесь писать в ЦК и даже наркому не пишете о делах, которые оказываются плохими, то вы продолжаете старую троцкистскую линию. Борьба с пережитками троцкизма в головах должна вестись и ныне, надо отказаться от этой троцкистской практики. Член партии, повторяю, беспартийный, у которого болит сердце о непорядках, — а некоторые беспартийные лучше пишут, честнее, чем другие ком-

мунисты, — обязаны писать своим наркомам, писать заместителям наркомов, писать в ЦК о делах, которые им кажутся угрожающими.

Вот если бы это правило выполнялось, — а это ленинское правило, — вы не найдете в Политбюро ни одного человека, который бы что-нибудь против этого сказал, — если бы это правило проводили, мы гораздо раньше разоблачили бы это дело. Вот это насчет сигналов.

Еще недостаток в отношении проверки людей сверху. Не проверяют. Мы для чего организовали Генеральный штаб? Для того, чтобы он проверял командующих округами. А чем он занимается? Я не слыхал, чтобы Генеральный штаб проверял людей, чтобы Генеральный штаб нашел у Уборевича что-нибудь и раскрыл все его махинации. Вот тут выступал один товарищ и рассказывал насчет кавалерии, как тут дело ставили, где же был Генеральный штаб. Вы что думаете, что Генеральный штаб для украшения существует? Нет, он должен проверять людей на работе сверху. Командующие округами не Чжан Цзолин, которому отдали округ на откуп...

Голоса. А это было так.

Сталин. Такая практика не годится. Конечно, не любят иногда, когда против шерсти гладят, но это не большевизм. Конечно, бывает иногда, что идут люди против течения и против шерсти гладят. Но бывает и так, что не хотят обидеть командующего округом. Это неправильно, это гибельное дело. Генеральный штаб существует для того, чтобы он изо дня в день проверял людей, давал бы ему советы, поправлял. Может, какой командующий округом имеет мало опыта, просто сам сочинил что-нибудь, его надо поправить и прийти ему на помощь. Проверить как следует.

Так могли происходить все эти художества — на Украине Якир, в Белоруссии, — Уборевич.

И вообще нам не все их художества известны, потому что люди эти были предоставлены сами себе, и что они там вытворяли, Бог их знает!

Генштаб должен знать все это, если он хочет действительно практически руководить делом. Я не вижу признаков того, чтобы Генштаб стоял на высоте с точки зрения подбора людей.

Дальше. Не обращали достаточного внимания, помоему, на дело назначения на посты начальствующего состава. Вы смотрите, что получается. Ведь очень важным вопросом является, как расставить кадры. В военном деле принято так: есть приказ — должен подчиниться. Если во главе этого дела стоит мерзавец, он может все запутать. Он может хороших солдат, хороших красноармейцев, великолепных бойцов направить не туда, куда нужно, не в обход, а навстречу врагу. Военная дисциплина строже, чем дисциплина в партии. Человека назначили на пост, он командует, он главная сила, его должны слушаться все. Тут надо проявлять особую осторожность при назначении людей.

Я сторонний человек и то заметил недавно. Какимто образом дело обернулось так, что в механизированных бригадах, чуть ли не везде, стоят люди непроверенные, нестойкие. Почему это, в чем дело? Взять хотя бы Абошидзе — забулдыга, мерзавец большой, я слышал краем уха об этом. Почему-то обязательно надо дать ему механизированную бригаду. Правильно я говорю, товарищ Ворошилов?

Ворошилов. Он начальник АБТ войск корпуса.

Сталин. Я не знаю, что такое АБТ.

Голос с места. Начальник автобронетанковых войск корпуса.

Сталин. Поздравляю! Поздравляю! Очень хорошо! Почему он должен быть там? Какие у него достоинства? Стали проверять. Оказалось, несколько раз его исклю-

чали из партии, но потом восстановили, потому что ктото ему помогал. На Кавказ послали телеграмму, проверили, оказывается, бывший каратель в Грузии, пьяница, бьет красноармейцев. Но с выправкой!

Стали копаться дальше. Кто же его рекомендовал, черт побери! И представьте себе, оказалось, рекомендовали его Элиава, товарищи Буденный и Егоров. И Буденный и Егоров его не знают. Человек, как видно, не дурак выпить, умеет быть тамадой, но с выправкой! Сегодня он произнесет декларацию за Советскую власть, завтра — против Советской власти, — какую угодно! Разве можно такого непроверенного человека рекомендовать? Ну, вышибли его, конечно.

Стали смотреть дальше. Оказалось, везде такое положение. В Москве, например, Ольшанский...

Голос с места. Проходимец!

Голоса с мест. Ольшанский или Ольшевский?

Сталин. Есть Ольшанский и есть Ольшевский. Я говорю об Ольшанском. Спрашивал я Гамарника насчет его. Я знаю грузинских князей, это большая сволочь. Они многое потеряли и никогда с Советской властью не примирятся, особенно эта фамилия Абошидзе сволочная, как он у вас попал? Говорят: как так, товарищ Сталин, не может быть. Как не может быть, когда он командует. Поймали за хвост бывшего начальника бронетанкового управления Халепского, — не знаю, как он попал, он пьяница, нехороший человек, я его вышиб из Москвы, как он попал? Потом докопались до товарищей Егорова, Буденного, Элиава, — говорят — Серго рекомендовал. Оказывается, он осторожно поступил — не подписал.

Голос. Он только просил.

Сталин. У меня нет рекомендации, чтобы вам прочитать.

Егоров. В этот период в академии находился.

Сталин. Рекомендуется он как человек с ясным умом, выправкой, волевой. Вот и все, а кто он в политике — не знали, а ему доверяют танковые части. Спустя рукава на это дело смотрели. Также не обращали должного внимания на то, что на посту начальника командного управления подряд за ряд лет сидели Гарькавый, Савицкий, Фельдман, Ефимов. Ну уж, конечно, они старались, но многое не от них все-таки зависит. Нарком должен подписать. У них какая уловка практиковалась? Требуется военный атташе, представляют семь кандидатур, шесть дураков и один свой, он среди дураков выглядит умницей. Возвращают бумаги на этих шесть человек — не годятся, а седьмого посылают. У них было много возможностей. Когда, представляют кандидатуры шестнадцати дураков и одного умного, поневоле его подпишешь. На это дело нужно обратить особое внимание.

Затем не обращали должного внимания на военные школы, по-моему, на воспитание хорошее, валили туда всех. Это надо исправить, вычистить.

Голос. Десять раз ставили вопрос, товарищ Сталин.

Сталин. Ставить вопрос мало, надо решать.

Голос. Я не имею права.

Сталин. Ставят вопросы не для постановки, а для того, чтобы их решать.

Не обращалось также должного внимания на органы печати Военведа. Я кое-какие журналы читаю, появляются иногда очень сомнительные такие штуки. Имейте в виду, что молодежь наша военная читает журналы и по-серьезному понимает. Для нас, может быть, это не совсем серьезная вещь — журналы, а молодежь смотрит на это дело свято, она читает и хочет учиться, и если дрянь пропускают в печать — это не годится.

Вот такой инцидент, такой случай был. Прислал Кутяков свою брошюру — не печатают. Я на основании своего опыта и прочего и прочего знаю, что раз чело-

век пишет, командир, бывший партизан, нужно обратить на это внимание. Я не знаю — хороший он или плохой, но что он путаный, я это знал. Я ему написал, что ленинградцы всякие люди имеются — Деникин тоже ленинградец, есть Милюков — тоже ленинградец. Однако наберется немало людей, которые разочаровались в старом и не прочь приехать. Мы бы их пустили, зачем для этого манифестацию делать всякую. Напишем своим послам, и они их пустят. Только они не хотят, и если даже приедут — они не вояки. Надоела им возня, они хотят просто похозяйничать. Объяснили ему очень спокойно, он доволен остался. Затем второе письмо — затирают меня. Книгу я написал насчет опыта советско-польской войны.

Голоса. «Киевские Канны».

Сталин. «Киевские Канны» о 1920 годе. И они не печатают. Прочти. Я очень занят, спросил военных. Говорят — дрянная. Клима спросил — дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно, дрянная штука. Воспевает чрезвычайно польское командование, чернит чрезмерно наше общее командование. И я вижу, что весь прицел в брошюре состоит в том, чтобы разоблачить Конную армию, которая там решала дело тогда, и поставить во главу угла 28-ю, кажется, дивизию.

Голос. 25-ю.

Сталин. У него там дивизий много было. Знаю одно, что там мужики были довольны, что вот башкиры пришли и падаль, лошадей едят, подбирать не приходится. Вот хорошие мужики. А чтобы дивизия особенно отличилась, этого не видно. И вот интересно, что товарищ Седякин написал предисловие к этой книге. Я товарища Седякина мало знаю. Может быть, это плохо, что я его мало знаю, но если судить по этому предисловию, очень подозрительное предисловие. Я не знаю, человек он военный, как он не мог раскусить орех этой брошюры. Пе-

чатается брошюра, где запятнали наших командиров, до небес возвели командование Польши. Цель брошюры — развенчать Конную армию. Я знаю, что без нее ни один серьезный вопрос не разрешался на Юго-Западном фронте. Что он свою 28-ю дивизию восхвалял, ну Бог с ним, это простительно, но что польское командование возводил до небес незаслуженно и что он в грязь растоптал наше командование, что он Конную армию хочет развенчать — это неправильно. Как этого товарищ Седякин не заметил. Предисловие говорит: есть недостатки вообще и всякие такие штуки, но в общем интересный, говорит, опыт. Сомнительное предисловие и даже подозрительное.

Голос. Я согласен.

Сталин. Что согласен, не обращали внимания на печать, печать надо прибрать к рукам обязательно.

Теперь еще один вопрос. Вот эти недостатки надо ликвидировать, я их не буду повторять.

В чем основная слабость заговорщиков и в чем наша основная сила? Вот эти господа нанялись в невольники германского вредительства. Хотят они или не хотят, они катятся по пути заговора, размена СССР. Их не спрашивают, а заказывают, и они должны выполнять.

В чем их слабость? В том, что нет связи с народом. Боялись они народа, старались сверху проводить: там одну точку установить, здесь один командный пост захватить, там — другой, там какого-либо застрявшего прицепить, недовольного прицепить. Они на свои силы не рассчитывали, а рассчитывали на силы германцев, полагали, что германцы их поддержат, а германцы не хотели поддерживать. Они думали: ну-ка заваривай кашу, а мы поглядим. Здесь дело трудное, они хотели, чтобы им показали успехи, говорили, что поляки не пропустят, здесь лимитрофы, вот если бы на север, в Ленинград, там дело хорошее. Причем знали, что на севере, в Ле-

нинграде, они не так сильны. Они рассчитывали на германцев, не понимали, что германцы играют с ними, заигрывают с ними. Они боялись народа. Если бы прочитали план, как они хотели захватить Кремль, как они хотели обмануть школу ВЦИК. Одних они хотели обмануть, сунуть одних в одно место, других — в другое, третьих — в третье и сказать, чтобы охраняли Кремль, что надо защищать Кремль, а внутри они должны арестовать правительство. Днем, конечно, лучше, когда собираются арестовывать, но как это делать днем? «Вы знаете, Сталин какой! Люди начнут стрелять, а это опасно». Поэтому решили лучше ночью. Но ночью тоже опасно, опять начнут стрелять.

Слабенькие, несчастные люди, оторванные от народных масс, не рассчитывающие на поддержку народа, на поддержку армии, боящиеся армии и прятавшиеся от армии и от народа. Они рассчитывали на германцев и на всякие свои махинации: как бы школу ВЦИК в Кремле надуть, как бы охрану надуть, шум в гарнизоне произвести. На армию они не рассчитывали — вот в чем их слабость. В этом же и наша сила.

Говорят, как же такая масса командного состава выбывает из строя. Я вижу кое у кого смущение, как их заменить.

Голоса. Чепуха, чудесные люди есть.

Сталин. В нашей армии непочатый край талантов. В нашей стране, в нашей партии, в нашей армии непочатый край талантов. Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу. Вот вам испанский пример.

Тухачевский и Уборевич просили отпустить их в Испанию. Мы говорим: «Нет, нам имен не надо. В Испанию мы пошлем людей малоизвестных». Посмотрите, что из этого вышло. Мы им говорили — если вас послать, все заметят, не стоит. И послали людей малозаметных, они же там чудеса творят. «Пошлите, — говорят, — нас, лю-

дей с именами, в Испанию». Нет, давайте пошлем людей без имени, низший и средний офицерский наш состав. Вот сила, она и связана с армией, она будет творить чудеса, уверяю вас. Вот из этих людей смелее выдвигайте, все перекроят, камня на камне не оставят. Выдвигайте людей смелее снизу. Смелее — не бойтесь. [Заканчивает выступление].

Ворошилов. Работать будем до 4-х часов.

Голоса. Перерыв бы устроить, чтобы покурить...

Ворошилов. Объявляю перерыв на 10 минут... Нужно будет раздать стенограмму, как у нас было принято.

[После перерыва]

Блюхер. Нам сейчас, вернувшись в войска, придется начать с того, что собрать небольшой актив, потому что в войсках говорят и больше, и меньше, и не так, как нужно. Словом, нужно войскам рассказать, в чем тут дело.

Сталин. То есть пересчитать, кто арестован? *Блюхер.* Нет, не совсем так.

Сталин. Я бы на вашем месте, будучи командующим ОКДВА, поступил бы так: собрал бы более высший состав и им подробно доложил. А потом тоже я, в моем присутствии, собрал бы командный состав пониже и объяснил бы более коротко, но достаточно вразумительно, чтобы они поняли, что враг затесался в нашу армию, он хотел подорвать нашу мощь, что это наемные люди наших врагов, японцев и немцев. Мы очищаем нашу армию от них, не бойтесь, расшибем в лепешку всех, кто на дороге стоит. Вот я бы так сказал. Верхним сказал бы шире.

Блюхер. Красноармейцам нужно сказать то, что для узкого круга?

Сталин. То, что для широкого круга.

Ворошилов. Может быть, для облегчения издать специальный приказ о том, что в армии обнаружено такоето дело? А с этим приказом вышел бы начальствующий состав и прочитал во всех частях. Сталин. Да. И объяснить надо. А для того чтобы верхний командный состав и политические руководители знали все-таки, стенограмму раздать.

Ворошилов. Да, это будет очень хорошо. В стенограмме я много цитировал. Тут будет полное представление.

Сталин. Хорошо, если бы товарищи взялись и наметили в каждой определенной организации двух своих заместителей и начали выращивать их как по политической части, так и по командной части.

Ворошилов. Давайте это примем. По партийной линии это принято.

Сталин. Это даст возможность изучать людей.

Ворошилов. Вот этот самый господинчик Фельдман, я в течение ряда лет требовал от него: дай мне человек 150 людей, которых можно наметить к выдвижению. Он писал командующим, ждал в течение почти 3-х лет. Этот список есть где-то. Нужно разыскать.

Буденный. Я его видел, там все троцкисты, одни взятые уже, другие — под подозрением.

Сталин. Так как половину из них арестовали, то, значит, нечего тут смотреть.

Буденный. Не нужно этот приказ печатать, а просто сказать — не подлежит оглашению.

Сталин. Только для армии и затем вернуть его. Стенограмму тоже вернуть. Будет еще вот что хорошо. Вы как собираетесь — в два месяца раз?

Ворошилов. В три месяца раз.

Сталин. Так как у вас открытой критики нет, то хорошо бы критику здесь разворачивать внутри вашего Совета, иметь человека от оборонной промышленности, которую вы будете критиковать.

Голоса. Правильно.

Сталин. И от вас будут представители в Совет оборонной промышленности человек пять.

Голоса. Правильно.

Сталин. Кроме того, должны быть заместители, начиная, может быть, с командира полка, а лучше было бы еще ниже.

Ворошилов. У командира дивизии или командира полка я назначаю заместителей.

Голоса. Есть такое распоряжение.

Сталин. Распоряжение есть. Но мы должны иметь лучших людей, каждый должен найти у себя, и тогда уже трогать не буду. Я буду знать, что у Кожанова командир подводной лодки № 22 или командир «Червоной Украины» является избранником, которого он будет выращивать. Я его трогать не буду.

Голос. Такое же распоряжение отдано.

Ворошилов. Совсем не такое.

Сталин. Может быть, у вас нет таких людей, которые могут быть заместителями?

Ворошилов. Есть. У нас известная градация по росту. Командир Ефимов, он командир корпуса, он будет искать среди командиров дивизии, но так как командиров дивизии мало и он не может оттуда наметить, он будет искать из командиров батальонов.

Сталин. Не будет боязни, что отменят тех, которые намечены?

Голос. Эта боязнь есть.

Сталин. Поэтому надо искать и выращивать, если будут хорошие люди.

Ворошилов. Значит, в 8 часов у меня в зале заседание...

Сталин. Нескромный вопрос. Я думаю, что среди наших людей как по линии командной, так и по линии политической есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что-нибудь, хотели вовлечь, пугали, шантажом брали. Хорошо внедрить такую практику, чтобы, если такие люди придут и сами расскажут обо всем — простить их. Есть такие люди?

Голоса. Безусловно. Правильно.

Щаденко. Как прежде бандитам обещали прощение, если он сдаст оружие и придет с повинной.

Сталин. У этих и оружия нет, может быть, они только знают о врагах, но не сообщают.

Ворошилов. Положение их, между прочим, неприглядное; когда вы будете рассказывать и разъяснять, то надо рассказать, что теперь не один, так другой, не другой, так третий — все равно расскажут, пусть лучше сами придут.

Сталин. Простить надо, даем слово простить, честное слово даем».

5. АЛЕКСАНДР РОСЛЯКОВ. РАСКРЫТЫЙ ЗАГОВОР

Поэт Сергей Алиханов недавно выпустил довольно неожиданную книгу. Толстый фолиант, без малого 700 страниц, запрятан под скупым названием «Судебный отчет». И заключает в себе стенограмму судебного процесса 1938 года по бухаринско-троцкистскому блоку.

История этого издания слегка напоминает детектив. Бухаринский процесс формально был открытым, на нем присутствовали зарубежные и наши пишущие, и частично его материалы печатались в советских газетах той поры. Но дело до того объемное, сложное (обвиняемых по нему — 21 человек), что доныне для широкой публики оно — белое пятно. Хотя и получила наибольшее хождение гипотеза, что процесс был сфабрикован, а известная комиссия Яковлева всех осужденных по нему, за исключением Ягоды, реабилитировала. Но на основании каких материалов — этого опять же не узнал никто.

В тридцать восьмом же, после завершения суда приговором 18 центральных «сопроцессников» к расстрелу, его стенограмма была размножена и разослана спецпочтой по управлениям НКВД страны для ознакомления. Однако вскорости наши секретоманы дали циркуляр: вернуть все номерные экземпляры в центр, а в отдаленных точках на месте уничтожить.

Но нашелся храбрец, который сунул в печку посторонние бумаги, а отчет надежно спрятал, отчитавшись об его уничтожении. Прошли десятилетия, и уже на старости, перед смертью, когда эпоха сталинизма давно минула, он поведал о своем поступке внуку. Объяснил же его так: предвидя, что со временем наша на удивление закры́тая история все оболжет, он хотел сберечь подлинную правду для потомков и завещал: если когданибудь возникнет шанс, опубликовать этот предельно откровенный документ эпохи.

Внук, выбившийся уже в наше время в обеспеченные люди, имел какие-то резоны, которые, как и свое имя, и деда, предпочитает не открывать, чтобы держать документ в секрете до последних пор. И, доверяя Алиханову его издание, расходы по которому взял на себя, просил до выхода в свет тиража о нем помалкивать. В результате всех этих предосторожностей, о справедливости которых не могу судить, книга и вышла под таким не говорящим лишнего названием — чтобы заранее не засветиться где не надо.

Теперь о ней самой. Уже ее объемистость и стенографическая точность, сохранившая даже манеры речи всех участников процесса, дают читателю возможность почувствовать его подлинную атмосферу. И, сличая массы показаний, аргументов, попытаться, заняв место беспристрастного судьи, решить, что правда, а что — нет.

Председательствующий на процессе — председатель Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР арм-

военюрист Ульрих. Гособвинитель — прокурор Союза ССР Вышинский. Среди подсудимых высшие государственные и партийные деятели: Бухарин, Рыков, Ягода, Крестинский, Икрамов и другие. Обвиняются они в том, что «составили заговорщическую группу под названием «правотроцкистский блок», поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Среднеазиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана... свержение в СССР существующего общественного и государственного строя...». То есть чуть не буквально в том, что реально совершилось через 55 лет после их расстрела. И этот факт, конечно, вызывает к книге самый живой интерес.

Вдобавок врачам Левину, Казакову и другим, повязанным с блоком через Ягоду, вменяют умышленное доведение до смерти своих пациентов: Менжинского, Куйбышева, Горького и его сына Максима Пешкова. Кроме того, главе ОГПУ— НКВД Ягоде — попытку отравления парами ртути своего преемника Ежова и организацию убийства Кирова.

Хотя процесс возглавляет Ульрих, присутствуют и двое защитников врачей (все остальные от защиты отказались), — по существу, все судебное следствие ведет — и очень основательно — один Вышинский. Человек колоссального напора, зверской памяти, не упускающей ни мелочи из тьмы подробностей по каждому из обвиняемых, незаурядный полемист. Последнее лучше всего видно из его постоянных стычек с его главным и, пожалуй, единственным пытающимся оказать отпор противником — Бухариным.

«Вышинский: Я спрашиваю не вообще о разговоре, а об этом разговоре.

Бухарин: В «Логике» Гегеля слово «этот» считается самым трудным...

Вышинский: Я прошу суд разъяснить обвиняемому Бухарину, что он здесь не философ, а преступник, и о гегелевской философии ему полезно воздержаться говорить, это лучше будет прежде всего для гегелевской философии» (стр. 364).

«Бухарин: Он сказал «должны», но смысл этих слов не «зольден», а «мюссен».

Вышинский: Вы вашу философию оставьте. Должен по-русски — это значит должен.

Бухарин: «Должен» имеет в русском языке два значения.

Вышинский: А мы здесь хотим иметь одно значение. Бухарин: Вам угодно так, а я с этим имею право не согласиться...

Вышинский: Вы уже привыкли с немцами вести переговоры на их языке, а мы здесь говорим на русском языке...» (стр. 375—376).

И Вышинский с его «пролетарской прямотой», хотя отнюдь не простой, в этих дуэлях, иногда на целые страницы, то и дело берет верх, не позволяя противнику перевести игру в поле его надменной и излюбленной софистики. О которой метко выразилась бывшая соратница Бухарина Яковлева, свидетельница по плану ареста Ленина в 1918 году: «Он говорил об этом вскользь, обволакивая это дело рядом путаных и ненужных теоретических рассуждений, как это вообще любит делать Бухарин; он, как в кокон, заворачивал эту мысль в сумму пространных рассуждений» (стр. 385).

Конечно, за спиной Вышинского — вся мощь карательной машины. Но с ней Бухарин и не вступает в поединок, прекрасно отдавая себе отчет, что «я, может быть, не буду жив и даже почти в этом уверен» (стр. 408). Вся его линия на суде, местами восходя до настоя-

щей драматической патетики, имеет одну удивительную цель: морально и логически самооправдаться за признаваемые им за собой «такие вещи», за которые «можно расстрелять десять раз» (стр. 665). Вот эта двойственность позиции — да, грешен страшно, но позвольте показать всю высь бросивших в преступный омут заблуждений — и не дает ему победы над уничтожительной трактовкой его личности Вышинским:

«Бухарин вредительство, диверсии, шпионаж, убийства организует, а вид у него смиренный, тихий, почти святой, и будто слышатся смиренные слова Василия Ивановича Шуйского «Святое дело, братцы!» из уст Николая Ивановича. Вот верх чудовищного лицемерия, вероломства, иезуитства и нечеловеческой подлости» (стр. 562).

Нет слов, жестокая закваска времени здесь, как и в другом впоследствии крылатом выражении Вышинского, рожденном на этом же процессе: «Раздавите проклятую гадину!» (стр. 596) — сквозит весьма. Но и картина преступления, которую в течение десяти дней из уймищи признаний, запирательств, перекрестных допросов выволакивает на свет железный прокурор, ужасна.

«Бухарин: Я отвечаю, как один из лидеров, а не стрелочник контрреволюционной организации.

Вышинский: Какие цели преследовала эта организация?

Бухарин: Она преследовала основной целью реставрацию капиталистических отношений в СССР.

Вышинский: При помощи?

Бухарин: В частности, при помощи войны, которая стояла прогностически в перспективе.

Вышинский: На условиях?

Бухарин: На условиях, если говорить конкретно, целого ряда уступок... Если ставить все точки над «i», на условиях расчленения СССР.

Вышинский: Отторжения от СССР целых областей и республик?

Бухарин: Да» (стр. 322).

Идейные истоки заговора с целью свержения всей сталинской верхушки Бухарин объясняет так: «Уже в 1928 году я сам дал формулу относительно военно-феодальной эксплуатации крестьянства... Мы стали с пожиманием плеч, с иронией, а потом и с озлоблением смотреть на наши громадные, гигантски растущие заводы, как на какие-то прожорливые чудовища, которые все пожирают, отнимают средства потребления от широких масс...» (стр. 330 — 331).

И в начале 30-х годов сложился «контактный блок», управляемый в пределах СССР Бухариным, Пятаковым, Радеком, Рыковым, Томским, из-за границы — Троцким. Переворот сначала мыслился на волне массовых выступлений недовольства среди населения страны. Когда надежда на них не сбылась, акцент переместился на «открытие границ» для иностранных интервентов, которые в обмен на всевозможные уступки — от экономических до территориальных — посадят в Кремле на власть лидеров блока. В частности, Троцкий и Карахан, советский дипломат, участник заговора, вели переговоры с фашистской Германией.

«Бухарин: Летом 1934 года Радек мне сказал, что Троцкий уже обещал немцам целый ряд территориальных уступок, в том числе Украину. Если мне память не изменяет, там же фигурировали территориальные уступки и Японии» (стр. 372).

Открыть фронт должна была военная группа Тухачевского.

«Крестинский: В одном из разговоров он (Тухачевский. — А. Р.) назвал мне несколько человек, на которых он опирается: Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана. Затем... поставил вопрос о необходимости ускорения пе-

реворота... Переворот приурочивался к нападению Германии на Советский Союз...» (стр. 174—175).

Но так как заговорщики видели рост военно-патриотических настроений в стране, они готовили еще такой иезуитский ход. Перевалить вину за интервенцию на власть и «отдать под суд виновников поражения на фронте. Это даст нам возможность увлечь за собой массы, играя патриотическими лозунгами» (стр. 376).

Однако интервенции, ожидавшейся бухаринцами в тридцать седьмом, не произошло, и тогда осталась последняя ставка — на «дворцовый переворот».

«Бухарин: Сила заговора — это силы Енукидзе плюс Ягода, их организация в Кремле и НКВД, причем Енукидзе удалось завербовать бывшего коменданта Кремля Петерсона...» (стр. 363).

«Розенгольц: Тухачевский указывал срок, полагая, что до 15 мая (1937 г. — А. Р.) ему удастся этот переворот осуществить... Один из вариантов — возможность для группы военных собраться у него на квартире, проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей...» (стр. 223).

Во исполнение главной задачи по захвату власти блок вел еще гигантскую работу как в пределах СССР, так и за границей. Были налажены связи с разведками Германии, Франции, Японии, Польши, снабжавшими деньгами зарубежную, троцкистскую часть блока. «Крестинский (дипломат, затем заместитель наркома иностранных дел. — А. Р.): Троцкий предложил мне... предложить Секту (генерал рейхсвера. — А. Р.), чтобы он оказывал Троцкому систематическую денежную субсидию... если Сект попросит оказание ему услуг в области шпионской деятельности, то на это нужно и можно пойти. Я поставил вопрос перед Сектом, назвал сумму 250 тысяч марок золотом в год. Сект дал согласие...» (стр. 229).

Но, кроме подобных зарубежных вливаний, Троц-кий имел и изрядную подпитку из СССР.

«Розенгольц: Я был наркомом внешней торговли и с моей санкции (были переданы Троцкому. — А. Р.) 15 тысяч фунтов, потом 10 тысяч фунтов... По Экспортлесу с 1933 года 300 тысяч долларов» (стр. 227 — 228).

Обширно действовал наркомфин Гринько: «Я помогал Крестинскому использовать валютные средства, которые накапливались на курсовых разницах за границей и которые были нужны ему для финансирования троцкистов» (стр. 54).

«Гринько: Была дана бухаринская формула — ударить по Советскому правительству советским рублем. В области сберегательного дела было проведено два мероприятия, связанные с сокращением сети сберегательных касс и с кампанией по залогу облигаций государственных займов... Работа клонилась к подрыву бюджетной финансовой дисциплины и к возможности использования государственных средств для целей заговора... Зеленский (председатель Центросоюза. — А. Р.) по директивам «правотроцкистского блока» в недородные районы завозил большую массу товаров, а в урожайные посылал товаров меньше, что создавало затоваривание в одних районах и товарную нужду в других» (стр. 74 — 76).

В тех же действиях по возбуждению недовольства масс, а заодно и в подготовке к отчленению от СССР очень обильно и конкретно признаются секретарь ЦК Компартии Белоруссии Шарангович, парт- и госруководители Узбекистана Икрамов и Ходжаев. Причем замечательна лексика последнего.

«Ходжаев: Хотя мне казалось, что я изжил национализм — в самом деле этого оказалось недостаточным...

Вышинский: Значит, сманеврировал?

Ходжаев: Сманеврировал, сдвурушничал... После этого мы подали заявление, что ошибались, неправильно поступали, что мы согласны проводить линию партии.

Вышинский: Второй раз сманеврировали?

власти, но и последующим:

Ходжаев: Второй раз сдвурушничал...» (стр. 189—191). Затем ко всему этому зловеще примыкает организатор политических убийств Ягода — полная противоположность идейному вождю Бухарину. Чувствуется, что Бухарина в пекло измены толкали в огромной мере политические амбиции: доказать мертвому Ленину и живому Сталину, что его, бухаринская, линия развития страны верней и плодотворней генеральной. Отсюда его озабоченность не только непосредственно захватом

«Гринько: Он (Бухарин. — А. Р.) указывал, что, поскольку довлеет политика в данном случае, вредительство следует допустить, с другой стороны, установление более широких экономических связей с капиталистическим миром даст возможность наверстать те потери, которые будут» (стр. 79). Но на пути к благой цели, как полностью капитулирует Бухарин в своем последнем слове, «голая логика борьбы сопровождалась перерождением идей, перерождением нас самих... которое привело нас в лагерь, очень близкий по своим установкам к кулацкому преторианскому фашизму» (стр. 666).

Совсем иное двигало Ягодой. Хоть он и говорит «не для того, чтобы смягчить свою вину, но лишь в интересах установления истинного положения вещей, что попытки некоторых обвиняемых представить меня как профессионала-террориста неверны» и «что ни один из этих (террористических. — А. Р.) актов не совершен мной без директивы «правоцентристского блока» (стр. 490), — верить ему трудно. Самое первое вменяемое ему убийство — сына Горького Макса в мае тридцать четвертого года — вообще имело под собой, как он же

в другом месте сознается, сугубо личный мотив. А именно: любовная интрига с женой убиенного.

Далее. Чуть позже организованное им убийство своего начальника Менжинского с целью возглавить за ним следом ОГПУ якобы заказал ему Енукидзе, ко времени суда уже покойный.

Никто больше из «сопроцессников», доведенных в большинстве Вышинским до предельной искренности, этого не подтверждает. Напротив, показания их больше клонятся к тому, что поспешить с ликвидацией уже дышавшего на ладан от болезни шефа Ягоду лишь толкал чисто карьерный, шкурный интерес: захапать обещанное ему кресло, пока водоворот событий не родил другого претендента.

В убийстве Кирова в том же тридцать четвертом Ягода признает себя только пособником.

«Ягода: Енукидзе настаивал, чтобы я не чинил никаких препятствий этому... Запорожец (ленинградский чекист. — А. Р.) сообщил мне, что органами НКВД задержан Николаев, у которого были найдены револьвер и маршрут Кирова, Николаев был (по приказу Ягоды. — А. Р.) освобожден. После этого Киров был убит этим Николаевым» (стр. 491).

Мотивы устранения Куйбышева из процесса неясны, а вот о Горьком говорится много и подробно. Бухаринцы, уже договорившись с Западом о смене власти, опасались, что огромный мировой авторитет Горького, стоявшего горой за Сталина, им помешает после «дворцового переворота» облачиться в тоги избавителей отечества. Старик еще начнет трубить на всю планету невесть что и портить победоносную обедню.

С Ежовым тоже ясно. В тридцать шестом он от ЦК партии курировал следствие по Кирову, был близок к истине, а в сентябре и вовсе занял пост Ягоды. И тот, освобождая кабинет, приказал своему личному секретарю Буланову попрыскать там раствором ртути.

«Буланов: Я приготовлял большие флаконы этого раствора и передавал их Саволайнену. Распрыскивал тот из пульверизатора. Помню, это был большой металлический баллон с большой грушей. Он был в уборной комнате Ягоды, заграничный пульверизатор» (стр. 480).

Картины, равные по силе «Макбету» Шекспира, процесс являет там, где излагается, как Ягода втягивал в свой умысел врачей.

«Вышинский: Ягода выдвигает свою хитроумную мысль: добиться смерти, как он говорит, от болезни... Подсунуть ослабленному организму какую-либо инфекцию... помогать не больному, а инфекции, и таким образом свести больного в могилу» (стр. 583).

И вот, играя исключительно умело и разнообразно на паскудных людских струнах, Ягода превращает Санупр Кремля в своеобразный отряд «убийц с гарантией на неразоблачение».

«Левин: Он сделал мне весьма ценный подарок: предоставил в собственность дачу в подмосковной местности... Давал знать на таможню, что меня можно пропустить из-за границы без осмотра... Я привозил вещи жене, женам своих сыновей... Он сказал мне: Макс не только никчемный человек. Но и оказывает на отца вредное влияние... Он дальше сказал, вы знаете, руководитель какого учреждения с вами говорит? Я ответствен за жизнь и деятельность Алексея Максимовича, а поэтому, раз нужно устранить его сына, вы не должны останавливаться перед этой жертвой. Он сказал: «Раз вам оказывается доверие в этом деле, вы это должны ценить. Вы никому не сможете об этом рассказать. Вам никто не поверит. Не вам, а мне поверят» (стр. 442 — 445).

И сперва замазанный коварными дарами, а затем вогнанный в смертельный ужас доктор Левин прилага-

ет руку к смерти Максима Пешкова и Менжинского. Но после этого душа его не отпускается на покаяние, а еще глубже втягивается в «сатанинскую пляску».

«Левин: Ягода сказал: «Ну вот, теперь вы совершили эти преступления, вы всецело в моих руках и должны идти на гораздо более серьезное и важное (убийство Горького. — А. Р.)... И вы пожнете плоды при приходе новой власти» (стр. 456 — 457).

И доктор Левин с доктором Плетневым, под прикрытием секретаря Горького Крючкова, назначают классику заведомо порочное лечение, которое и сводит его в могилу. Другое светило, доктор Казаков, упирает на самолюбие, не оставляющее его даже на суде:

«Казаков: Я все-таки должен сказать, что на съездах мне даже заключительного слова не давали... Мне заключительное слово не дается, первый раз в истории медицины! Против меня выступают мои оппоненты, а мне заключительного слова не дают... Вы меня спросите, почему я не сообщил об этом (помощь Левину с Менжинским. — А. Р.) советским органам? Я должен сказать — мотивы низменного страха. И второй момент: в Санчасти находились большинство врачей — моих научных противников. Я думал, может быть, наступит момент, когда я сумею свободно работать. Ягода сумеет остановить их.

Вышинский: В награду за ваше преступление?

Казаков: Да...

Вышинский: Советским государством был дан вам институт?

Казаков: Но печатать мои труды...

Вышинский: Правительство приказать печатать ваши труды не может. А я вас спрашиваю, институт был дан?

Казаков: Был.

Вышинский: Лучший в Союзе?

Казаков: Лучший» (стр. 514 — 515).

К Крючкову потрясающе осведомленный в подноготной каждого Ягода подбирает следующий ключ.

«Крючков: Я растрачивал деньги Горького, пользуясь его полным доверием. И это поставило меня в зависимость перед Ягодой... Ягода сказал, что Алексей Максимович может скоро умереть, распорядителем литературного наследия останется сын Макс. Вы же привыкли, говорил Ягода, жить хорошо, а останетесь в доме в роли приживальщика» (стр. 501).

И Крючков, не выстояв против коварного нажима, сперва способствует отправке на тот свет Макса, затем его отца. При этом незаурядная величина злодейства обещает ему и незаурядный дивиденд: «Я останусь человеком, к которому может перейти большое литературное наследство Горького, которое даст мне в дальнейшем средства и независимое положение» (стр. 500).

Сдается, что путем убийств Ягода хотел, плюс ко всему, добыть себе некий особый капитал и вес среди заговорщиков, метя в будущем на главный пост в стране.

«Буланов: Он увлекался Гитлером, говорил, что его книга «Моя борьба» действительно стоящая... Он подчеркивал, что Гитлер из унтер-офицеров выбрался в такие люди... Он говорил, что Бухарин будет у него не хуже Геббельса... Он, председатель Совнаркома, при таком секретаре типа Геббельса и при совершенно послушном ему ЦК, будет управлять так, как захочет» (стр. 475).

Во всяком случае, одного, кажется, Ягода успел достичь реально. Заговорщики указывают то и дело, что выезжали за границу, где контачили с агентами чужих разведок, для лечения. При том, что наша медицина, с массой славных еще с дооктябрьской поры имен, была ничуть не хуже западной. Но чувствуется, что, зная о проделках настоящего хозяина кремлевского Санупра, приписанные к нему пациенты просто панически и суеверно остерегались всяких общений с ним.

Такую же опаску вызывал у заговорщиков и второй их силовик — Тухачевский.

«Бухарин: Поскольку речь идет о военном перевороте, то будет необычайно велик удельный вес именно военной группы... и отсюда может возникнуть своеобразная бонапартистская опасность, а бонапартисты, я, в частности, имел в виду Тухачевского, первым делом расправятся со своими союзниками... Я всегда в разговорах называл Тухачевского «потенциальным наполеончиком», а известно, как Наполеон расправлялся с так называемыми идеологами» (стр. 373).

Теперь, наконец, главное: насколько можно доверять признаниям участников процесса? Ибо есть версия, что их в темницах просто запытали до огульных самооговоров. Но обнародованный документ едва ли оставляет вероятность того, что два десятка человек, дотошнейше допрошенных Вышинским, взвалили на себя сочиненную кем-то напраслину.

Во-первых, чтобы сочинить и стройно увязать такую тьму фактических, психологических, лексических подробностей, что всплыли на суде, понадобилась бы целая бригада посвященных во все тонкости геополитики Шекспиров. Следствие вел известный впоследствии своими «Записками следователя» писатель Шейнин. Но в его творениях не ночевало и десятой доли глубины и драматизма всплывших на суде коллизий, создать которые могла, скорей всего, лишь сама жизнь.

Но если даже допустить написанный чьей-то рукой спектакль, его еще должны были блестяще разыграть на глазах западных писателей и журналистов те, чья награда за успех была вполне ясна по участи чуть раньше осужденной группы Тухачевского. А заговорщики — закаленные еще царскими тюрьмами и Гражданской войной революционеры, сломить которых — не раз плюнуть. Да и по их активности, борьбе за каждый фактик

на суде, пространным рассуждениям, переходящим у Бухарина в целые лекции, не видно, чтобы их утюжили до полного самозабвения в застенках.

«Бухарин: Мне случайно из тюремной библиотеки попала книжка Фейхтвангера... Она на меня произвела большое впечатление...» (стр. 667).

«Плетнев: Мне было доставлено из моей библиотеки свыше 20 книг на четырех языках. Я сумел написать в тюрьме монографию...» (стр. 676).

Плетнев так в своем последнем слове хочет показать, что уже начал искупать вину служением родной науке. Но оба замечания — штрихи к тому, как содержались «сопроцессники» в неволе.

А почему признали многое, хотя отнюдь не все, в чем обвинялись, один из них объяснил так. «Буланов: ...не стесняются здесь, на скамье подсудимых, утопить своего же соучастника, продать с потрохами и ногами, чтобы хоть на одну тысячную секунды вывернуться самому...» (стр. 672).

Ну и, конечно, трудно не соотнести признания бухаринцев в масштабной подготовке «открыть фронт» с тем, что фактически случилось в сорок первом, когда немцы, главные союзники и получатели секретной информации изменщиков, ворвались беспрепятственно в СССР. Отсюда можно и замешательство Сталина в первые дни войны представить под таким углом: он-то считал, что полностью разбил предателей, но все произошло четко по их заложенному глубоко в систему управления страной сценарию.

Трудно не провести параллель и с новейшей историей, когда распад СССР произошел именно так, как мыслилось Бухарину и Троцкому. Но в конце 30-х попытка расчленения страны была подавлена жестоко. В конце 80-х и начале 90-х той жестокостью по отношению к вождям, задумавшим и совершившим расчленение, не

пахло даже близко. И тем не менее вся страшная жестокость как бы неисповедимо, волреки всем позунгам. один гуманнее другого, излилась. Только теперь в первую голову на тех, ради кого все якобы и учинялось: на сотни тысяч беженцев, головных беззарпватных, убитых в межнациональных потасовках и так далее.

То есть жестокость сталинская, откровенная, под позунгом «Раздавите гадину!» — или жестокость лицемерная, кстати, под тем же, быстро заменившим благостные. как все помним, лозунгом. — но жестокость в результате все равно. Только во втором случае еще и некогда великая держава опустилась до позорной попрошайки чужих милостей и займов

И еще невольно возникающий после прочтения всего этого эффект. Уже постфактум зная, во сколько миллионов жизней обощлось предательское «открытие фронта», хочется мысленно бросить Сталину упрек не в перегибе в борьбе с готовыми на все для власти супо-

статами, а в недогибе! Вот это впечатление, судя по всему, и сделало как раз в эпоху демократии и гласности еще более закрытым этот официально по сей день не рассекреченный

документ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие				,						,		,		,	,				. :	5
Часть 1. Запи	- KI	u	н	. 0	-	B	na	n	ra										11	n

Мессово-политическое издание

ЗАГАДКА 1937 ГОДА

Логинов Владимир Михайлович живой сталин

ОТКРОВЕНИЯ ГЛАВНОГО ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ ВОЖДЯ

Художественный редактор С. Курбегов Верства А. Куколичников Корректор И. Самойлова ООО «Алгорили-Издат»

Оптовая горговля
ТД «Ангорити» 617-0925, 617-0952
Сая: http://www.algoritim-izdat ru
Электронная почта algoritim-izdat@mail.ru
Интернет-магазне http://www.polibiniga.ru

I СОО «Надательство «Эком» (11-68-86, 966-39-21 Нотер рафо www.skemo.ru E-mail info@eksmp.ru Отовая гарговы виятель «Эком» (1-7-6-20) (1-7-

Отпечатамо на ОАО «Нижисовиграф», 603006 Нижини Пом орол, ук Вармарская, 32



живой сталин

Откровения главного телохранителя Вождя

В книге известного историка, члена СП России В.М. Логинова собран уникальный материал о И.В. Сталине — таком, каким видел вождя его главный телохранитель Н.С. Власик.

Основу книги составляют документы, еще совсем недавно лежавшие под грифом «Секретно». К ним прежде всего нужно отнести «Записки» Власика, занимавшего с 1927 по 1952 г. пост начальника Главного управления кремлевской охраны. Кроме того, своими воспоминаниями о И.В. Сталине и Н.С. Власике делятся сотрудники правительственной охраны Г.А. Эгнаташвили и П.М. Русишвили. Они показывают жизнь Кремля в 1930 — 1940-х гг. как бы «изнутри», рисуют обстановку, которая сложилась тогда в нашей стране.

В конце книги имеется Приложение, содержащее малоизвестные письма Сталина и официальные документы той поры.



9 6